Апанасенко В.А.

Кубанский хутор БРАТСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
С АРХИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ

На правах рукописи записал всё
Аланасенко Вячеслав Анатольевич,
сын Анатолия Ивановича,
внук Иван Кононовича,
правнук Конон Корнеевича,
праправнук Корнея Тихоновича,
когда-то живших на хуторе Братском
в прошлых веках

г. Краснодар, 2008 г.

Вступление

Заинтересовавшись как-то жизнью своих предков в прошлых веках, мне посчастливилось прикоснутся в архивах Краснодарского края к интересным документам по истории той местности, где проживали эти мои древние родственники. Накопив немного материалов из этих фондов, мне захотелось показать кубанский хутор Братский теперешнего Усть-Лабинского района глазами тех людей, отцы и деды которых жили на нём с момента его основания, кому было много чего интересного рассказать про ту их жизнь. Ну а потом я решил собрать все архивные документы представляющее интерес в одном месте, рассчитывая на то, что в дальнейшем возможно появятся ещё побольше знаний и артефактов, которые со временем можно будет обнародовать.

На полноту описаний событий я конечно не претендовал, а писал это для того, чтобы ныне живущие на хуторе Братском молодые люди хоть немного что-то знали о прошлой жизни своих непосредственных предков, помнили прадедов и прабабушек, а пожилые не забывали друг о друге и может быть, хотя бы изредка, виделись и общались, вспоминая своих родителей и их лучшие годы прожитой жизни на хуторе Братском. А возможно, кому-то ещё про всё это просто интересно будет прочитать, может что-то подправить или же не счесть за труд взять и дополнить мою рукопись до её какого-то логического завершения...

Природные условия и геоморфология хутора Братского

(общий характер и свойство местности)

Сам хутор Братский Усть-Лабинского района Краснодарского края, где жили мои многочисленные кубанские предки, находится в центральной части Кубани (39.957855; 45.230875) в 12 километрах от станицы Ладожской через левый берег реки Кубань, недалеко от места впадения в неё мелководной речки Зеленчук Большой (ранее на картах – Закубанский, Верхний, Мокрый, Топкий, Терс), протекающей через всю территорию хутора. От станицы Ладожской его отделяет небольшая равнина – левая сторона реки Кубани с долиной длинной километра в три и далее слегка волнистое плоскогорье шириной до пяти километров, почти совершенно ровное с чуть небольшим уклоном к реке Зеленчук.

Территориально хутор Братский расположен в месте слияния рек 2-го Зеленчука со Средним (Нижний или Талп). Ранее считалось что река 2-й Зеленчук переходит в Большой Зеленчук, которая некогда являлась полноводным левобережным притоком реки Кубани. Сейчас же её среднегодовой выход воды всего 23,4 м^3. Длина реки – 184 км, площадь водосбора – 2730 км^2. Правый приток 2-го Зеленчука – 3-й Зеленчук, левый приток – 1-й Зеленчук, почти всегда сухой. Средний Зеленчук в южной части хутора соединяется со 2-м Зеленчуком. Длина реки – 144 км, площадь водосбора 1850 км^2, среднегодовой расход воды 24,2 м^3.

Вид с высоты птичьего полёта на хутор Братский. Фото 2008 г.

Все эти речки являются главными водными артериями селения, где водится довольно много разной мелкой рыбы, раков, лягушек и черепах. Из крупной рыбы в них преобладает сазан, окунь, щука и сом. Поймы вышеописанных рек составляют густую эрозионную сеть, с глубоко врезанными в долину зарослями камыша. Берега представляют собой незначительно пологие склоны, ранее когда-то заросшие большими садами, а сейчас сплошь сельскохозяйственными ландшафтами и огородами хуторян. В пойме притоков распространены луговые почвы, которые находятся на повышенных или выровненных участках.

Место, занимаемое самим хутором Братским, сухое и почти ровное, с лёгким понижением к Зеленчукам, окружённое ими с трёх сторон. Жилая зона хутора включает частную застройку с зелёными насаждениями, объектами коммунального назначения, учреждениями обслуживания, транспорта и инфраструктуры. Преобладающими в жилой зоне являются одноэтажные дома с приусадебными участками по 10-20 соток. Это всё хуторские земли, не считая совсем небольшого леска по обе стороны речек и плавней на запад от хутора, сплошь поросших высоким камышом. На 2008 год земельный надел самого хутора Братского составлял 575 га. Территория индивидуальной застройки с приусадебными участками занимала площадь 184 га.

Общий характер и свойство местности хутора Братского, согласно климатическому районированию, относится к подрайону III Б умеренного климата. Данные природно-климатических факторов хутора за сто лет, любезно предоставленные Краснодарским Гидрометцентром, следующие: среднемесячная температура воздуха в июле от +22˚С до +25˚С, в январе от –2˚С до +2˚С. Средняя дата наступления отрицательных температур – 18 декабря, а окончания – 22 февраля. Весна начинается рано, среднесуточная температура выше 15˚С устанавливается уже с 5 мая и заканчивается 29 сентября. Листопад начинается около 25 октября, заканчивается после 15 ноября. Морозы большой продолжительностью довольно редки. Безморозный период в среднем 192 дня. После 10 апреля заморозков уже обычно не бывает. Число дней в году со снежным покровом в Братском – 42. Средняя дата его первого появления – 6 декабря, схода – 9 марта. Снежный покров в течение зимы неустойчив, может неоднократно появляться и исчезать. Средняя высота снежного покрова за зиму колеблется в пределах от 4 до 8 см, средняя из наибольших – 19 см, максимальная – 54 см. Средняя плотность снега при наибольшей декадной высоте – 0,18 см˚. Запас воды в снеге, средний из наибольших за зиму – 62 см. Средняя глубина промерзания почвы зимой равна 30 см, наибольшая – 70 см. Самой суровой из всех наблюдаемых по повторяемости снежного покрова и наибольшей декадной высоте снега, была зима 1985 года.

Среднегодовая сумма осадков на хуторе Братском составляет 702 мм. Распределение осадков в течение года весьма неравномерное и часть его территории относится к потенциально подтопляемой. Наибольшее количество выпавших сразу осадков в 201 мм было зафиксировано в ноябре 1909 года, а абсолютный максимум годовых осадков в 1020 мм наблюдался в 1915 году. Ливневой характер дождей способствует развитию эрозии почвы в руслах постоянных водотоков. На территории самого хутора иногда наблюдается повышенное стояние грунтовых вод, но это в основном весной на пониженных местах в поймах рек или же в ложбинах стока вод. Град выпадает очень редко.

Территория хутора Братского характеризуется сравнительно небольшими скоростями ветра, они почти одинаковые во все сезоны года. На долю восточных и западных ветров приходится 35%, северо-восточных и юго-западных – 37%. В ноябре-декабре бывают сильные ветра, дующие с востока и приносящие пыльные бури, которые причиняют немало вреда как растительности, так и жителям. В период засухи влажность может достигать до 25–30%. Минимальная влажность воздуха обычно наблюдается в 13 часов во все сезоны года.

Достоверно известно, что ещё до заселения этих мест казаками, по берегам рек Кубани и Терса существовало довольно большое урочище с широколиственным лесом из дуба и карагача. Тюрки называли его «Докус-Тубе» – *девять голов,* по имени брода на реке Кубани, где на её правом берегу подряд стоят девять курганов. Сегодня же в долинах этих рек воды мало, дубы растут совсем в небольших количествах, а в основном присутствует ясень, тополь, ольха, верба, каштан и различные кустарники: тёрн, шиповник, боярышник, кизил, калина, бузина чёрная. Имеются кое где облепиха и черноклён. Растут ещё небольшие заросли саликорнии (спаржи) у воды. Сейчас зелёные насаждения на территории самого хутора Братского вместе с парковой зоной составляют 66,34 га.

В первоначальном составе животный мир в окружающих местах сохранился лишь на совсем небольших участках, не освоенных сельским хозяйством. Из млекопитающих там чаще всего обитают степные хорьки, лисицы и ежи. В очень больших количествах встречаются зайцы. Разнообразен мир птиц – это синицы, славки, вьюрки, сойки, дрозды, вороны. Из хищных птиц распространены степные орлы, коршуны, канюки, лунь пустельги. Обитателями степей и плавней являются фазаны, серые куропатки, хохлатки, удоды, перепела. Из них в Красную книгу занесены чёрный аист и каравайка. Весенне-летний период на воду Зеленчуков прилетает многочисленные колонии птиц, питающиеся насекомыми и грызунами. В степях около хутора их довольно много. Это обыкновенные мыши полёвки, землеройки, суслики, кавказские кроты. Из пресмыкающихся в степях водятся ящерицы, ужи, полозы, есть и степные гадюки. Весьма многочисленны насекомые: комары, оводы, слепни, клещи, щавелевые клопы, медведки, кузнечики, сверчки, богомолы, степная дыбка и пр.

Хутор Братский является центром Братского сельского поселения площадью в 14027 га. Его геологическая летопись свидетельствует о том, что рельеф местности поселения формировался в процессе поднятия гор Большого Кавказа в кайнозое. Поэтому территория характеризуется сочетанием невысоких водораздельных плато с широкими, но неглубокими долинами степных рек. На его территории могут изредка происходить довольно сильные землетрясения. Это связано с тем, что поселение находится недалеко от места столкновения Евроазиатской и Африканской плит. Три крупнейших семибалльных землетрясения были зафиксированы в XIX веке. По словам стариков, при одном из таких в 1895 году с крыш всех хуторских хат попадали трубы. Сейчас вероятная степень землетрясений, согласно карте сейсмичности территории ОСР-2 КК, может доходить до 8 баллов.

Сами земли Братского сельского поселения представляет собой обезлесенные пологие склоны, сплошь занятые сельскохозяйственными ландшафтами. Почвообразующей породой их является луговато-чернозёмные земли, имеющие хорошую структуру выщелоченных гумусов с довольно большой глубиной залегания до 1-го метра. Окраска гумусного слоя серая, с оливковым оттенком, содержание самого гумуса в среднем 3-5%. Механический состав почвы тяжёлый, но с глубиной он становится легче. В поймах рек Зеленчуки повсеместно распространены слоистые аллювиальные почвы (отложения водных потоков степных рек) с некоторым суглинистым содержанием.

Рельеф местности окрестностей хутора Братского.

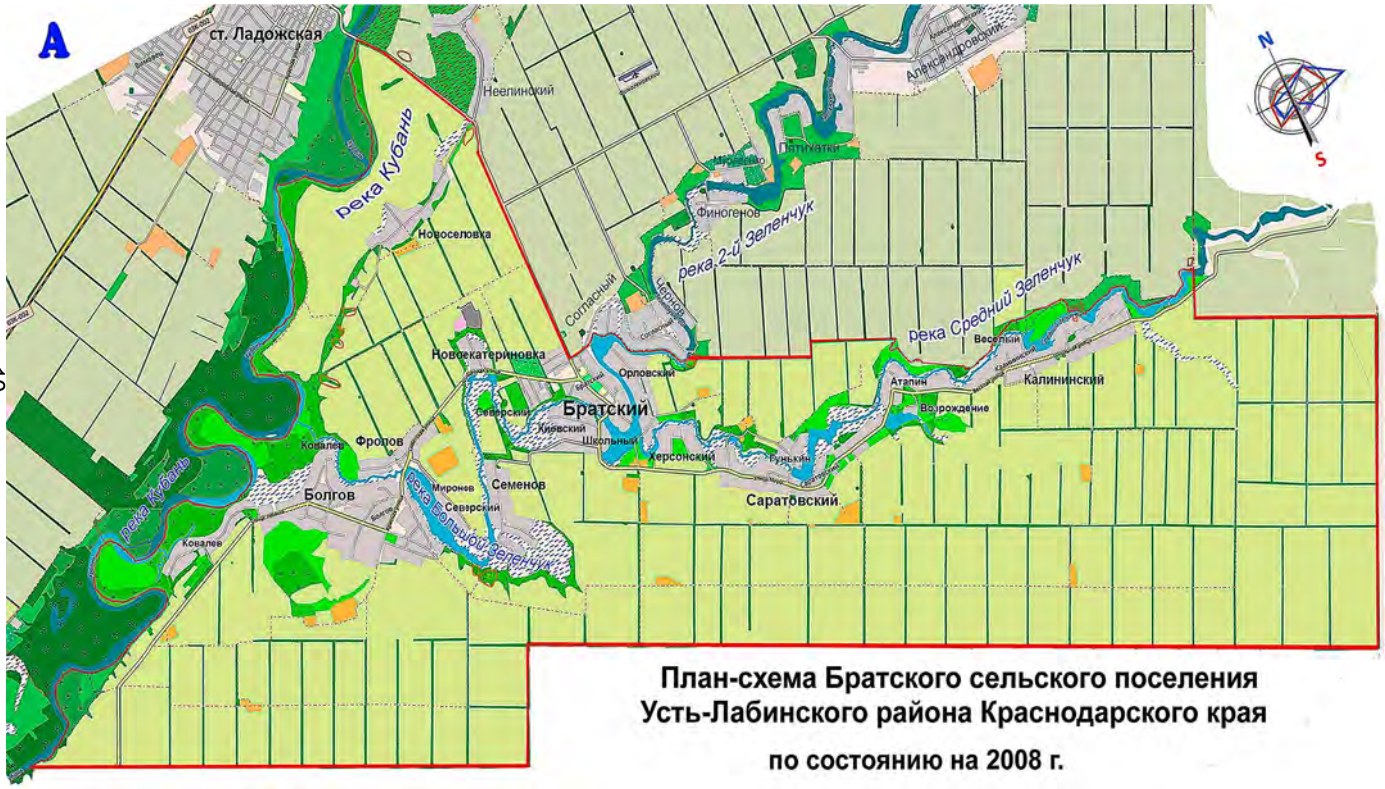
На землях Братского поселения сейчас находятся довольно значительные залежи природных строительных материалов в виде песка и глины, применяемые местным населением для производства кирпича и черепицы, а также есть весьма много хорошего качества источников пресной артезианской воды, которые жители повсеместно используют для питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения.

В 80-х годах прошлого столетия в поселении были разведаны группы месторождений конденсата газа, но до настоящего времени разработана лишь только небольшая часть этих запасов. На территории поселения все хозяйства питаются этим газом через газопроводы от крупных месторождений: Ладожского газоконденсатного в направлении хутора Саратовского и Юбилейного газоконденсатного возле Калининского.

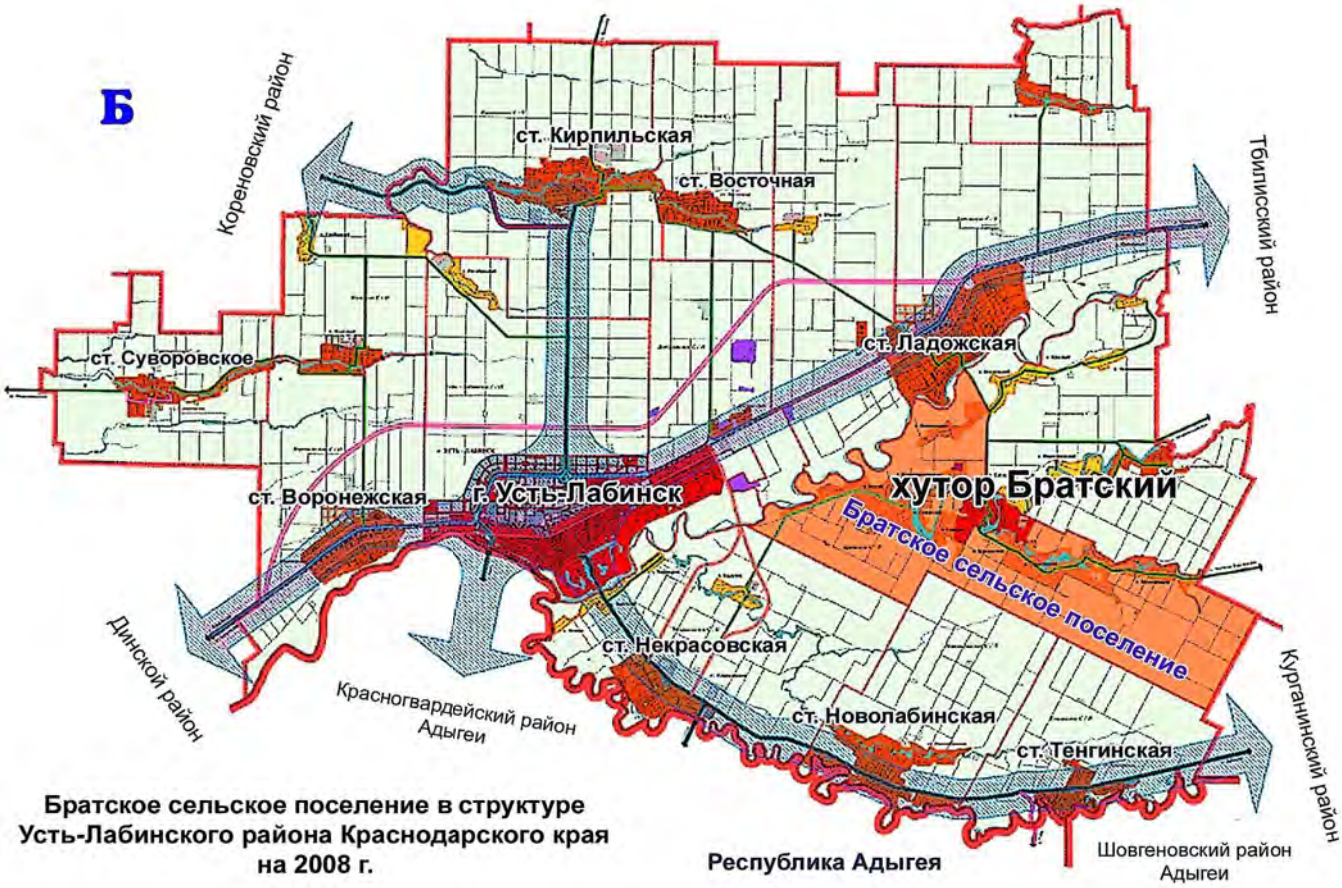
Территорию Братского поселения с запада на восток и с севера на юг пересекают магистральные газопроводы «Ладожская-Некрасовская», «Ладожская-Юбилейная» (диаметр 300 мм) и отвод-газопровод к ГРС «Александровская» (диаметр 100 мм). С севера на юг по территории поселения проходит магистральный нефтепровод «Тихорецк-Туапсе» (диаметр 720 мм), поставляющий нефтепродукты *Siberian Light* для Туапсинского НПЗ. Через территорию всего Братского сельского поселения пролегают региональное автодороги. На запад: «х. Братский – ст. Некрасовская», а с юго-востока на север дорога: «ст. Ладожская – ст. Алексее-Тенгинская».

Перечень месторождений полезных ископаемых на территории Братского сельского поселения по данным ФГУ КФ ТФГИ по Южному федеральному округу на 2008 г.

Вид полезного ископаемого	*Наименование месторождения*	*Местоположение участка недр*
Глины для производства кирпича марки 150	*Екатериновское I (разработанное) площадь - 20 га*	*в 190 м севернее хутора Новоекатериновка*
Суглинки как кирпичное сырье	*Екатериновское II (разведанное)*	*севернее хутора Новоекатериновка*
Вода подземная пресная – источники для водозаборов питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения	*Всего 20 артезианских скважин. По химическому составу: гидрокарбонат кальциевые – HCO_3, Ca. Минерализация - 0,1-0,29 г /дм3*	*х. Братский скважины №№ 5221, 6998, 2336), х. Болгов скважины №№ 5273, 1713, 7626, 7627, 3154, 3133, 7365), х. Новосёловка скважины №№ 1887, 1736, х. Саратовский скважины №№ 4011, 6994, 5274, 7624), х. Калининский скважины №№ 6091, 2493, 4014), х. Семенов, скважина № 17/1*
Газ	*Ладожское I газоконденсатное*	*на территории хуторов Херсонского, Саратовского и Калининского*
Газ глубина залегания 4470 метров	*Юбилейное газоконденсатное*	*на территории хутора Калининского 45°13'3" с. ш. 40°02'46." в. д.*



План-схема Братского сельского поселения
Усть-Лабинского района Краснодарского края
по состоянию на 2008 г.



Братское сельское поселение в структуре
Усть-Лабинского района Краснодарского края
на 2008 г.

Топонимика местности Братского поселения

Перед казачьей колонизацией Кубани в этой местности веками в подавляющем большинстве обитали кочевники тюркской группы языков – скифы, половцы, ногайцы. От последних к нам дошли имена основных географических объектов окрестностей хутора, относящихся к их культуре. В названиях рек казаки в основном оставляли тюркские корневые основы, лишь придав им свои славянские огласовки. Некоторые менялись не один раз, но есть ещё сохранившиеся и до нашего времени в своём первоначальном виде.

Самое давнее из известных поименований главной реки поселения на турецких картах XVI века было как *«Чалпык»* – от общетюркского "*тихое место".* Более позднее её наименование у древних тюрков *«Йиленчик»* – переводится как *"змейка".* Ногайское же название *«Терс»* – *"обратный",* появилось в XVIII веке. Традиционная ориентация у них всегда была на восток, т.е. *"прямо"* это на восток, а *"обратно"* – значить на запад. Эта река на месте их стойбищ и текла на Запад. По прошествии времени казаки-линейцы переняли все эти их топонимы и в итоге трансформировали в слово *«Зеленчуг»,* от понятия *"зелёный"* – летом вода в реке действительно бывает сильно зацветает и зеленеет. Левый приток реки Терс – Талп (Средний Зеленчук), на древнетюркском словаре означал – *"грузный, полный".* Тарс (Малый Зеленчук) – дословно *"отхожее место, где можно оправится".*

От адыгов-темиргоев, ранее постоянно ходивших по всем этим тропам, местным стало известно название реки у теперешнего хутора Братского: *«Инджыш хуэмашэ»* – вероятно вышло из общетюркской языковой основы Инджик, «*Ин*» – имеет значение как *"низкий",* «*Джик*» – уменьшительный формант, *«Хуэ»* – предлог "к", а «*Машэ»* – это яма. Если иметь в виду водную сущность этого названия, то похоже: *"Низменная речушка к обрыву".* Брод-греблю на Большом Зеленчуке черкесы называли *«Елъапъэ дэкъыпъ къэтык» – "Узкий проход на равнину".* Возвышенность между реками Терс и Талп передалось нам как: *«Зэу эныр щыгу»* – буквально означающая *"Вершина, где велись переговоры",* далее к Кубани у них шло «*Выхъун» – "грязное пастбище".*

Река *«Кубань»,* в которую впадают все реки Братского поселения, имела более ста наименований от разных народов. В манускриптах, относящихся к эпохе средневековой колонизации итальянцами, река Кубань фигурировала под именем «*Копа»*. Половцы называли её *«Куман»,* в переводе - *серая.* Местное же славянское население больше считает это название искажением ногайского слова *«Къуба» – песчаная.*

Река *«Лаба»* - наиболее популярное мнение, что это наименование очень близко связано с древним индоевропейским словом *«элба» – «белый».* Так её называли и в Хазарском каганате под конец XVI века.

В конце XVII века на территории нынешнего Братского поселения имелись русские старообрядческие слободки раскольников. После Булавинского восстания на Дону к ним присоединились казаки во главе с Некрасовым. Их поселения просуществовали менее 100 лет, не оказав особо заметного влияния на формирование местной топонимики. Но всё же от них до нас, кроме наименования станицы Некрасовской, дошли ещё несколько самоназваний характеризующие особенности селений. По черкесской легенде за Лабой в глубине степи, на берегу левого притока Кубани, где *Зэу эныр щыгу*, находились невраждебные им хутора христиан, называемые ими как *«Зтаэн»* и *«Мурза».* Похоже, что от фамилий русских атаманов в этих поселениях: Стоянов и Мурзенко.

Наименование самого хутора Братского произошло от малороссийского слова *«Брацкі́»* – братского товарищества старообрядческих селян и впервые письменно было упомянуто в 1883 году при передаче дел в управление Закубанскому уезду ККВ (Полное собрание законов Российской Империи №2, т.55, стр. 61643, 1884 г.). Географические названия хуторов теперешнего Братского сельского поселения возникали в различное время указами разных атаманов и в большинстве своём *«по первой заселившейся хате».* В их основе лежат чьи-нибудь фамилии. Это хутора на полученных от государства частных имениях генералов: Макарова, Фролова, Зедергольма и Габаева. Хутора на личных участках, выделенных из юртовой земли казакам: Ковалёва, Болгова, Атапина, Гунькина, Финогенова, Се́менова, Че́рнова, Орлова. Именованные от первых кутков иногородних крестьян-арендаторов по местности их прибытия: Киевский, Херсонский, Саратовский, Ново-Екатериновский. На Кубани «*кут*» обычно обозначает часть селения или же какую-то окраину. Хутор Красный – от колониста Розенбаха и землевладельца Краснянского. Хутор Весёлый получил своё название по балке *«Весёлая».* Хутор Школьный – поименован по кутку учителей, поселившимися рядом с первой школой в этой местности. Хутор Новосёловка (Ней-Саловка) – русская транскрипция от названия немецкого поземельного товарищества Neuheim: *«Новый отчий дом».* Хутор Согласный – от кутка крестьян, проживавших в имении генерала Зедергольма и *«согласившихся»* на выкуп земли у его наследника.

Станица Ладожская при своём основании была названа по одному из редутов (пограничного поста) Ладожского пехотного полка по реке Кубани в составе русских пограничных войск на Северном Кавказе.

Немного материалов по истории возникновения хутора Братского собранные в архивах

Из археологических находок известно, что тысячи три лет назад на землях вблизи реки Кубань у устья Лабы вовсю скитались скифы. С V века до н.э. здесь стала больше преобладать меотская культура. А с X века и до фактического ухода границы России от современной станицы Ладожской на юг уже кочевали печенеги, половцы и хазары, которых в XVI веке сменили ногайцы – это степные татары тюркской группы (зауральские казахи), последние потомки когда-то великой монгольской орды. Названы по имени одного из видных золотоордынских правителей – хана Ногая. Он был потомком седьмого сына Чингисхана. После того, как пало татаро-монгольское иго, остатки воинов Ногая продолжали вести кочевой образ жизни около южных границ русского государства, делая набеги на его земли. Жившие здесь орды подчинялись своему потомственному мурзе и считались тогда подданными крымского хана.

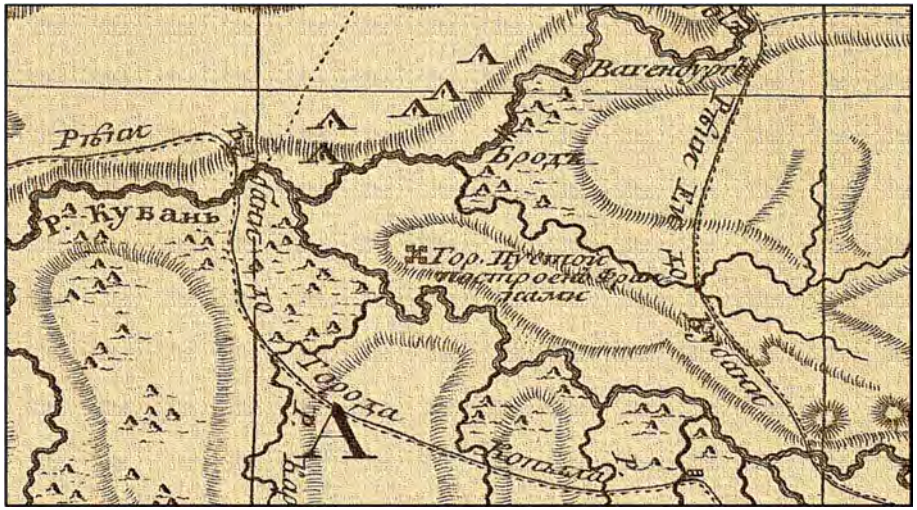
Конец XVII века в междуречье Лабы и Кубани ознаменовался в местной истории появлением первых групп донских по происхождению старообрядцев, потерпевших поражение на Дону и не нашедших надёжного убежища на Северо-Восточном Кавказе. Архивными источниками зафиксирован факт существования в среде мирных ногайцев нескольких селищ с сотней семей казаков-староверов, атаманом которых был Пётр Мурзенко. Начиная с 1680 года на месте античного городища на берегу нынешнего Зеленчука староверами был построен хутор с обзорными постами и церковью. Дальние подступы к ним защищались естественными преградами – реками Кубанью и Лабой. Позднее к ним в больших количествах начали прибывать бежавшие с Дона раскольники-некрасовцы. Со временем под их прикрытием между реками Лаба и Терс появились ещё несколько станиц беглых казаков. Крымский хан, под протекторатом которого находились эти закубанские земли, указав их атаману Игнату Некрасову место селения между *«Къубаном и Лабэчиком»*, освободил от всяческой дани и приказал в случае его военных действий выставлять вместе с ногайцами конный полк. В походах и военных конфликтах против христиан староверы старались не участвовать, но вот в ходе русско-турецкой войны 1710 года эти казаки выступили на стороне Крыма. Подробности их бытия довольно хорошо описаны дореволюционным историком Короленко в своём труде «Некрасовские казаки».

Все ногайские и староверческих поселения по Терсу и Лабе донские казаки сожгли сразу же после окончания войны с турками в 1711 году, но ещё ранее атаман некрасовцев вовремя успел увести своих людей с этих мест в низовья реки Кубани, откуда спустя время они все отправились в Анатолию (сейчас это Турция), где практически до нашего времени смогли сохранить вековые обычаи своих предков.

Очередная русско-турецкая война 1768-1773 гг. завершилась победой русских и по результатам мирного договора с турками в 1783 году российская императрица Екатерина II издала манифест, по которому вся Кубань и Крым объявлялась российскими владениями. Это оказало весьма деморализующее влияние на союзников тюрков – ногайцев. Большинство их, как и все татарские народы, не очень-то хотели воевать с Россией и встали под её покровительство. Но селения враждебных ногайцев всё же ещё оставались во всех стратегически важных местах в треугольнике между изгибом Кубани, Лабы и Терса. Для укрепления границы по реке Кубани от постоянных грабительских набегов ногайских орд, правительство разработало программу по добровольно-принудительному переселению их в свои древние земли за реку Урал (Яик), где орда изначально формировалась в конце XIV века. Больше половины ногайцев были таковым переселением недовольны, подняли восстание и попытались выбить российские войска из занятых ими крепостей. После долгих увещеваний мятежников разгромили, однако их остатки бежали за Кубань. Там бунтовщики соединились с местными враждебно настроенными к России черкесами и мирными ногайцами, стали налетать на отряды пограничных войск и казаков. Для подавления агрессии закубанских ногайцев к ним был направлен командующий Кубанским корпусом полководец Александр Васильевич Суворов.

1 октября 1783 года, после неудачных переговоров по этим вопросам с ногайским мурзой Таусултаном, Суворовым вместе с донскими казаками была предпринята карательная экспедиция за Кубань на тюркскую крепость Керменчик-Лабэ, в главное стойбище ногайцев. Это как раз недалеко от тех мест, где сейчас находится хутор Братский. Армия передвигалась только по ночам, не производя лишнего шума и не разводя костров. Соединившись возле нынешнего Девятибратского брода с полками донских казаков атамана Иловайского, войска стремительным маршем ночью форсировали Кубань у урочища Токус-Тубе. Тихо подойдя к Терсу (Зеленчуку), казаки сняли спящие там ногайские заслоны и скрытно двинулись к Лабе. В рассветные часы следующего дня между реками Тарс (Малый Зеленчук) и Лабой напали на кочевников. Казаки окружили их главный лагерь, когда ногайцы

совершали утренний намаз и произошёл сильный бой. Ожесточённое сражение шло целый день, в итоге в котором полегло не менее 5 тысяч ногайцев. В этой битве были убиты мурзы и все их дети из Наврузской, Едишкульской и Касаевской орд. Большинство оставшихся в живых сразу предпочло уйти в предгорья Кавказа, а затем в Турцию к своим единоверцам-мусульманам. На Кубань с гор они больше не возвращались. Таким образом район нынешнего Братского поселения с 1783 года был окончательно колонизирован Россией.



Фрагмент карты Географического департамента Московского университета (И. Трескота) представляющую Кубань в 1783 году. Условными значками в виде «**А**» на ней обозначены аулы черкесов и стойбища кочевников, «*Гор. Пустой*» – бывшее городище некрасовцев.

Хотя территория за рекой Кубань и до самого Чёрного моря тогда считалась русскими владениями, но до 1840 года там практически не было никаких русских поселений, войска проникали туда лишь только для военных экспедиций, иногда строили укрепления за Кубанью, но «никогда не водворялись тамъ прочно, а держались по окраінам: на Кубани и по восточному берегу Чернаго моря, где была линия укреплений». Только после учреждения Новой пограничной линии по реке Лабе началась казачья колонизация Закубанья. Очищенные от врагов территории от берегов Терса и до Лабы вошли под войсковой контроль Кавказского Линейного Казачьего войска 2-й бригады 1-го Лабинского полка, только что образовавшегося на Новой Линии. Однако и после 1840 года пользоваться там участками земли никому не было дозволено, так как те предназначались для поселения мирных черкесов, выселяемых казаками с гор на равнину.

Получить наделы казаки смогли бы: *«когда ясно обозначится, сколько же земли нужно для туземного населения»*. Из положения о заселении предгорья Кавказа: «Пространство между сѣверной границей вновь назначаемыхъ для казаковъ земель, р. Кубанью и нижнею частью р. Большой Лабы назначается для поселенія тѣхъ горскихъ племенъ, земли которыхъ поступятъ подъ наши казачьи поселенія.»

Ещё в начале 1800-х годов в здешних краях донскими и линейными казаками уже были заселены станицы, находившиеся на правом берегу реки Кубани: Усть-Лабинская и Ладожская. Казаки со станицы Ладожской сразу постарались захватить себе удобные места под рыболовные угодья и пастбища за левым берегом Кубани при речках Терс и Талп. Удалены они были от реки Кубани километров до десяти от её берега, месте достаточно влажном, а потому более урожайном. Но жизнь в этих закубанских степях тогда была суровой и тревожной. Времена всё время были неспокойные и весьма часто случались хищнические набеги черкесов. Через ту местность, где сейчас стоит хутор Братский, ранее проходила старая колёсная дорога, протоптанная ещё ногайскими кочевыми ордами с их горных пастбищ к реке Кубань, и шла она далее на север к реке Ея. На этой дороге в августе 1841 года при переправе через реку Терс колонна из 18 казаков и унтер-офицера Белобоцкого была атакована из засады значительными силами черкесов, которые истребили весь отряд. В сентябре 1842 года в стычке на Темиргоевской дороге погиб хорунжий Юрьев с казаками. В 1850 году на пикетах под станицей Ладожской был бой, где черкесы убили много казаков. В общем, до 1850-х годов в северном междуречье Кубани и Лабы жилых поселений как таковых не было, степь совсем пустовала. Основная масса мусульман всё же не стала переселятся на равнину, а решительно подалась в Турцию к своим единоверцам.

После 1850-х годов началось активное становление новых поселений казаков по Лабе, создалась сильная кордонная Лабинская линия и эти земли оказалась тыловыми. Находясь на передовых рубежах, участвуя в колонизаторских войнах против горцев, которые в то время вела Россия, казаки ничуть не забывали о личном благоустройстве и постепенно стали осваивать пустующие земли. В то время Закубанье представляло собой совершенно девственное поле чернозёма. Но отвоёванные места казаки в основном использовали для пастбищ и сенокошения, не особо торопясь заниматься хлебопашеством. Распашка новиной (не тронутой) юртовой земли (юрт – это общинная земля войска) вглубь степи здесь тогда велась по принципу «паши кто где и сколько захочет».

Первыми начали освоение степи в восточном направлении на общественной земле Линейного Казачьего войска наиболее богатые казаки I-го Лабинского полка с новых станиц Некрасовской и Новолабинской и стали ставить по берегам рек Талп и Терс свои хутора. С приказа атамана отдела юрт там начали делить среди казаков 6-й бригады и на них стали активно возникать коши (летние стоянки).

После создания в ноябре 1860 года Кубанского Казачьего войска, границы земель в междуречье Кубани и Лабы по речкам Терс, Талп и Тарс (тогдашнее название – Большой, Мокрый и Сухой Зеленчуги) были переделены и перешли в его Екатеринодарский и Майкопский отделы. Граница этих двух отделов стала проходить по реке Терс. Юртовые земли по левому берегу реки Талп попали под паи казакам 6-й бригады Кубанского Казачьего войска со станицы Некрасовской. Выезжая на лето в степь, казаки начинали там рыть колодцы, сначала возводили кош с временными постройками для скотины и землянки для жилья. Каждый старался жить особняком, земли-то хватало на всех. А потом это место становились их постоянным жильём. Из таких вот первых дворов и возникло множество мелких хуторов на впадающих в левый берег Кубани речушках Терс и Талп, которые тут же стали обрастать соседями неказачьего сословия. Так и получалось: сколько фамилий основателей – столько и хуторов. На общественной земле войска в документах тогда фигурировали хутора «по первой хате»: урядников Атапина, Васильева, казаков Александрова, Болговых, Гунькиных, Вакуленко, Суховеевых, мещан Тесли, Пятияслищева, Клеваки, крестьянина Бугая, а на частных землях: ротмистра Ковалёва и вдовицы старшины Ковалёвой, есаула Лободы. Появились какие-то доброхоты с Малороссии. От них стали доходить весточки о том, что жизнь в приграничных районах налаживается и там имеются свободных арендных земель. И вот *«не избравшие рода жизни»* беспаспортные начала оседать на менее освоенных степных просторах между реками Кубань и Лаба. Местное начальство тогда интересовало исполнение воинских повинностей, а вот живёт ли кто там постоянно на их территории или пользуется землёй для каких-то своих нужд, им было всё равно. Через поля всех этих хуторов раньше проходила колёсная тропа в станицу Некрасовскую и ещё старый путь со станицы Ладожской в Темиргоевскую. Иногородние старались не иметь рядом с ней земель, так как проходящие казачьи обозы могли требовать у них фураж для военных нужд или же подводы с лошадьми. Исключением стало селище у песчаного перехода по реке Терс малороссийских старообрядцев греческого закона – *«киевских братчи́ков»,* добровольного объединения православных мирян.

Действительно, по рассказам стариков, почти сразу после фактического переноса границы Российской Империи за реку Кубань, а это где-то 1850-е года, возле бродов через речки Терс, Талп и Тарс (позднее Зеленчуги) недалеко от их впадения в Кубань объявилось несколько семей старообрядцев греческого закона из Чигиринского уезда Киевской губернии и образовали небольшой табор. Некрасовские казаки разрешили им поставить хаты на версе (полуземлянки) и лёгкие постройки для скота (кошары) недалеко от развалин бывшего селения староверов-раскольников. В обиходе это место раньше называли «III-й станицей некрасовцев». Там постоянно разъезжал разъезд казаков для контроля и осмотра местности с окружающих курганов. Черкесы туда не совались. Жившие на левом берегу Терса «киевские братчики», как их называли, вначале ограничивались вольным использованием сенокосных земель некрасовского юрта, а затем потихоньку стали их распахивать – доход от земледелия у них получался весьма хороший. За десять лет старообрядцы освоили 300 десятин пахотной земли (казённая десятина земли равнялась 1,093 га или 2400 кв. сажень), досыпали греблю по реке Терс и совместно с казаками начали строить водяную мельницу, прорыв для этого канал. Спустя несколько лет к ним стали примыкать ещё иногородние крестьяне, их единоверцы, прибывающие с Малороссийских краёв. Начали ставить капитальные хаты. Когда в 1860 году земли по Зеленчукам вошли в состав Кубанского Казачьего войска и в селении стало уже 20 хат, хутор прозвали Киевским. Позднее на общие средства «гуртом» в нем открыли старообрядческий молельный дом, а при вершине балки построили школу, где главным предметом было Братское Слово Божие.

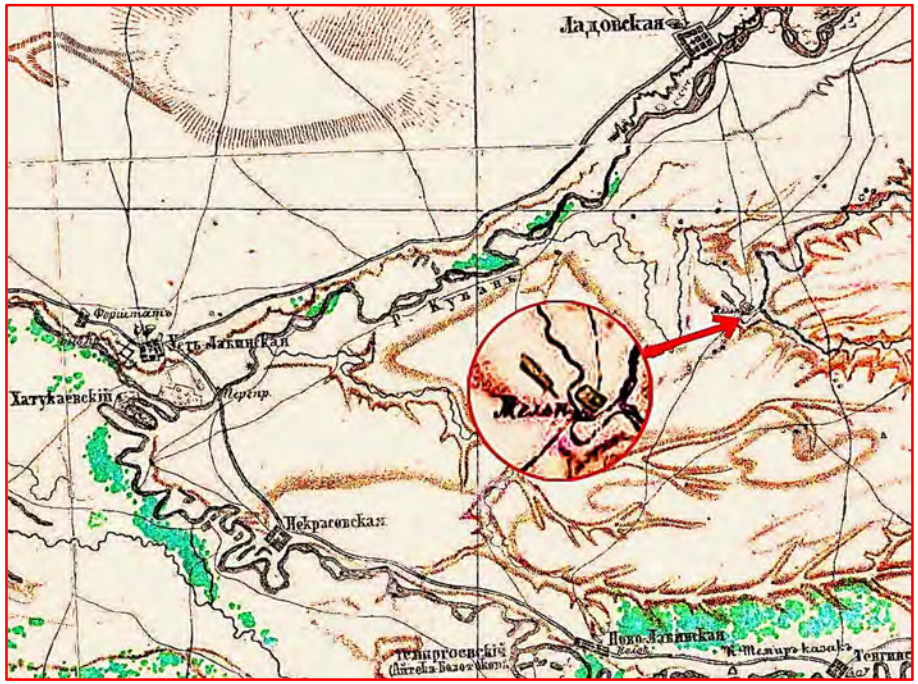
Старообрядцы на распашке новины. Фото XIX века семьи Маняк.

Тут вот нужно привести немного исторических фактов, чтобы не путать великорусских староверов-раскольников, живших здесь ранее, с малороссийскими старообрядцами. Почти тысячелетие после крещения Руси в Киеве, как и для большинства жителей западных областей тогда ещё польской *Вкраїні*, традиционной религией было неприкасаемое старое византийское правоверие. В 1649 году Богдан Хмельницкий, гетман войска Запорожского, поднял на восстание против поляков всю Гетманщину и Запорожье. К ним примкнули ве́рники киевского правоверия. После войны в 1654 году отделённая Хмельницким часть народа вошла в состав России и стала именоваться епископами «Малой Россией», так это название и укоренилось. Церковно-обрядовая практика малороссов в то время больше сходилась с тогдашнею греко-като́толической и немного разнилась от московской. Она больше следовала практике, установленной Петром Моги́лой – *Православным Кіевскім Архіепископом, Экзархом Святейшаго Константинопольскаго Патріаршаго Престола*. Различия накапливались почти 300 лет и за это время стали весьма ощутимыми. Московия же потребовала полного отречения от любого иного обрядового толкования и вместе с московским подданством принять веру Москвы. В течение десятилетий происходило замещение церковной практики ки́евщины на московское и не всё население Малороссии тогда её полностью приняло. Вот оттуда и вышли малороссийские старообрядцы греческого закона.

В отличие от великорусских староверов-раскольников, малороссийские старообрядцы не отличались крайним религиозным фанатизмом и склонностью к самоизоляции. Но древнегреческий язык занимал у них важное место, поскольку они считали, что предания апостольского православия и первые книги Ветхого Завета были написаны именно на нем и при переводах на другие языки утрачивали логический смысл некоторых Заповедей Божьих, да и вообще небоговдохновенные. Они следовали самой древней Библии – Септуагинте, написанной ещё в III веке на древнегреческом языке. Святоотеческие богослужебные книги считали сомнительными по знанию греческого языка, во многом переведёнными с ошибками. Поэтому службы они правили по старопечатным служебникам и древнегреческим богословским книгам. Книги у них канонические восходили по своей древности к VII-VIII векам и соответствовали полученным когда-то Киевом из афонских и иве́рских монастырей. Хотя все и принимали их как единоверцев – значились-то они православным и были зависимы от новообрядческих попов, но старообрядцы всегда верили, что правоверные христиане правильно служат Слову Божьему, т.е. сами являться священниками.

Во второй волне переселения на Кавказ из Малороссии попал и мой прапрадед Корней Тихонович Апанасенко – старообрядец греческого закона. Прибыл он на Кубань, судя по рассказам родственников, в год смерти царя Николай I (1855-й год), в таборе нескольких семей состоящим из 25 человек на шести подводах. Брать́я, их жены и дети, племянники, все те, кто хотел лучшей жизни и достатка, собравшись по окрестным поселениям Вязовской волости, двинулись с чумаками в дальние края на отходные заработки. Среди них и был мой 16-ти летний прапрадед. Прибыли они после длительного путешествия в итоге на Кубань, где захотели вступить в Кавказское Линейное Казачье Войско. Но, судя по всему, не всем их мечтам о зажиточной жизни и своей землице на Кубани было суждено сбыться. При всём их стремлении к новой жизни, удачным переселение получилось далеко не у всех. По документам числились они как подданные малороссияне Курской губернии. Но пришлые элементы могли тогда зачислятся в Войско только в том случае, если у них была справка о том, что у них нет рекрутской очереди в той волости откуда они пришли и недоимок по прежнему месту жительства. Таких бумажек прибывшие не имели и их везде отправляли восвояси. Расспросив об удобных местах, проехали станицы Кавказскую и Ладожскую. Двинув дальше по Лабе, они почти сразу смогли получить разрешение некрасовского урядника Хлистенко разбить кош на юрте (общественной земле) 1-го Лабинского полка 2-й бригады Кавказского Линейного Войска на месте поселения староверов.

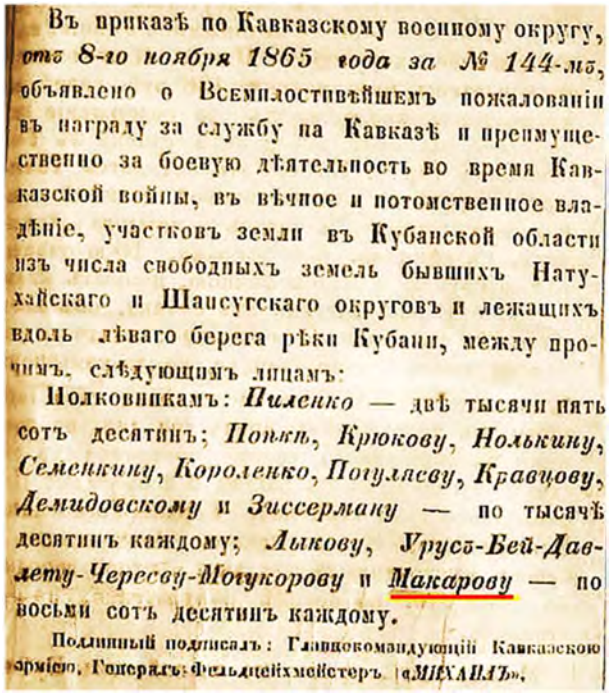
В дальнейшем, судя по найденным документам, родственники прапрадеда изъявили желание идти дальше на заселение в новые станицы по Новой Линии, вместо выдворяемых туда казаков со Старой линии, а мой прапрадед, молодой 16-летний Корней Тихонович, пошёл в работники к казакам Ковалёвым. Подрядился табунщиком пасти и охранять скот на летниках по Терсу и Талпу вместе с их сыновьями. Но времена тогда были ещё не совсем спокойные, случались набеги нищих черкесов и разбойничьих шаек, уводивших довольно много скота. Да и волков в степи было предостаточно. Из-за этого несколько лет спустя прапрадед нанимался возить рубеля (длинные отёсанные бревна) из верховьев Лабы в Ладожскую в составе больших обозов с отрядами казачьей охраны. Женившись на такой же как и он сироте, окончательно осел на левом берегу Терса в поселении впоследствии названном хутором Киевским. Известно так же, что в 1864 г. он подал записку в штаб бригадного округа о зачислении его в Кубанское Казачье Войско, где прослужил два года. Сильно заболев и не получив из-за малого срока службы казачьего звания он в итоге вернулся к киевским братчикам.



Часть карты закубанских земель между устьями рек Лабы и Терса за 1865 год.
На ней у слияния рек Терс и Талп (Зеленчуги) видно поселение с мельницей.

В те года, по сведениям тогдашнего начальника Горского управления Кубанской области, между устьями рек Лабы и Терса уже практически не оставалось свободной земли для создания там новых селений, вся она была поделена. Однако поток желающих переселиться «на дурны́цю», не иссякал. На имя начальника Кубанской области все больше и больше поступало прошений от казаков и крестьян об поселении их там на хуторах. Начальник Кубанской области, опасаясь, что подобный наплыв переселенцев может привести к их обнищанию или же бродяжничеству, был вынужден своим особым распоряжением известить всех атаманов о приостановке всяческого заселения на юртовых землях Войска. В следствии всего этого «киевские братчики» под давлением казачьего начальства были вынуждены в 1867 г. официально взять в аренду у некрасовских казаков 200 десятин ранее распаханной ими земли по берегу Терса. Тогда же у них и появились разногласия относительно своего местоположения. После долгих колебаний часть старообрядцев отделилась и взяла в аренду 100 десятин земли на правом берегу Терса у полковника Макарова, привилегированного хозяина этих угодий, получившего их в потомственное владение за свою геройскую службу.

В действительности, сразу после окончания Кавказской войны по приказу Кавказского военного округа № 144 от 8 ноября 1865 года лучшим казачьим полковникам и генералам были наделены земельные участки между правым берегом речки Терс и левым реки Кубань. Среди них был полковник 9-й (ранее 8-й) бригады 25-го конного полка Кубанского казачьего войска Олимпий Трифанович Макаров, будущий владелец имения, в котором потом появился хуторок с арендаторами.



Въ приказѣ по Кавказскому военному округу, *отъ 8-го ноября 1865 года за № 144-мъ*, объявлено о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи въ награду за службу на Кавказѣ и преимущественно за боевую дѣятельность во время Кавказской войны, въ вѣчное и потомственное владѣніе, участковъ земли въ Кубанской области изъ числа свободныхъ земель бывшихъ Натухайскаго и Шапсугскаго округовъ и лежащихъ вдоль лѣваго берега рѣки Кубани, между прочимъ, слѣдующимъ лицамъ:

Полковникамъ: *Пиленко* — двѣ тысячи пять сотъ десятинъ; *Понкъ*, *Крюкову*, *Нолькину*, *Семенкину*, *Короленко*, *Погулясву*, *Кравцову*, *Демидовскому* и *Зиссерману* — по тысячѣ десятинъ каждому; *Лыкову*, *Урусъ-Бей-Давлету-Чересву-Могукорову* и *Макарову* — по восьми сотъ десятинъ каждому.

Подлинный подписалъ: Главнокомандующій Кавказскою арміею, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ «*МИХАИЛЪ*».

Выписка из приказа № 144 Кавказского военного округа о выделении земли казачьим офицерам

В 1867 году часть старообрядцев хутора Киевского в количестве 6 семей (Душечка, Не-иш-каша, Киптила, Шевченко, Апанасенко и Назаренко) официально взяли в аренду часть земли у полковника Макарова и переселились на эти земли по правой стороне Терса в излучине. Туда, где Макаров указал им на отведённое место для жилья. Но обрабатывать и распахивать всю её своими силами они не смогли и население имения Макарова начало быстро расти за счёт безземельных крестьян, прибывших с некрасовского юрта, которые распахивая новину (целину) селились с разрешения полковника чуть ниже по реке Терс. Арендное же условие Макаровым тогда писалось на 6 человек из числа грамотных «братчиков», которые потом распределяли заарендованную землю между всеми остальными крестьянами «по-справедливости».

Числилось в 1868 году в имении Макарова всего 47 взрослых человек в 12 хатах. Тогда же появился указ, разрешающий лицам вневойскового сословия селиться на войсковых землях. За какие-то пять-десять лет окружающие берега рек Терса и Талпа стали представлять собой почти сплошное населённое место, густо усеянное поселениями безземельных казаков и крестьян, арендовавших юртовые земли у Кубанского казачьего войска и частников. С этого года население имения Макарова пошло резко увеличиваться за счёт крестьян, прибывающих с Вязовской волости Павлоградского уезда Екатеринославской губернии

В то время в этой местности начальство давало всем разрешение только на временное использование любых земельных участков. Размеры даже частных участков тогда ни у кого вообще не были определены в натуре и потому вопрос об их отводе не был решён. Из-за этого, бывало, часто вспыхивали ссоры, переходившие иногда даже в мордобой между собственниками или арендаторами. В связи с этим в конце 1867 года межевой комиссией Кубанского Казачьего Войска была наконец назначена топосъемка всех участков земли за рекой Кубань:

Объявление Кубанского областного статистического комитета 1867 г. о размежевании участков земли по Терсу

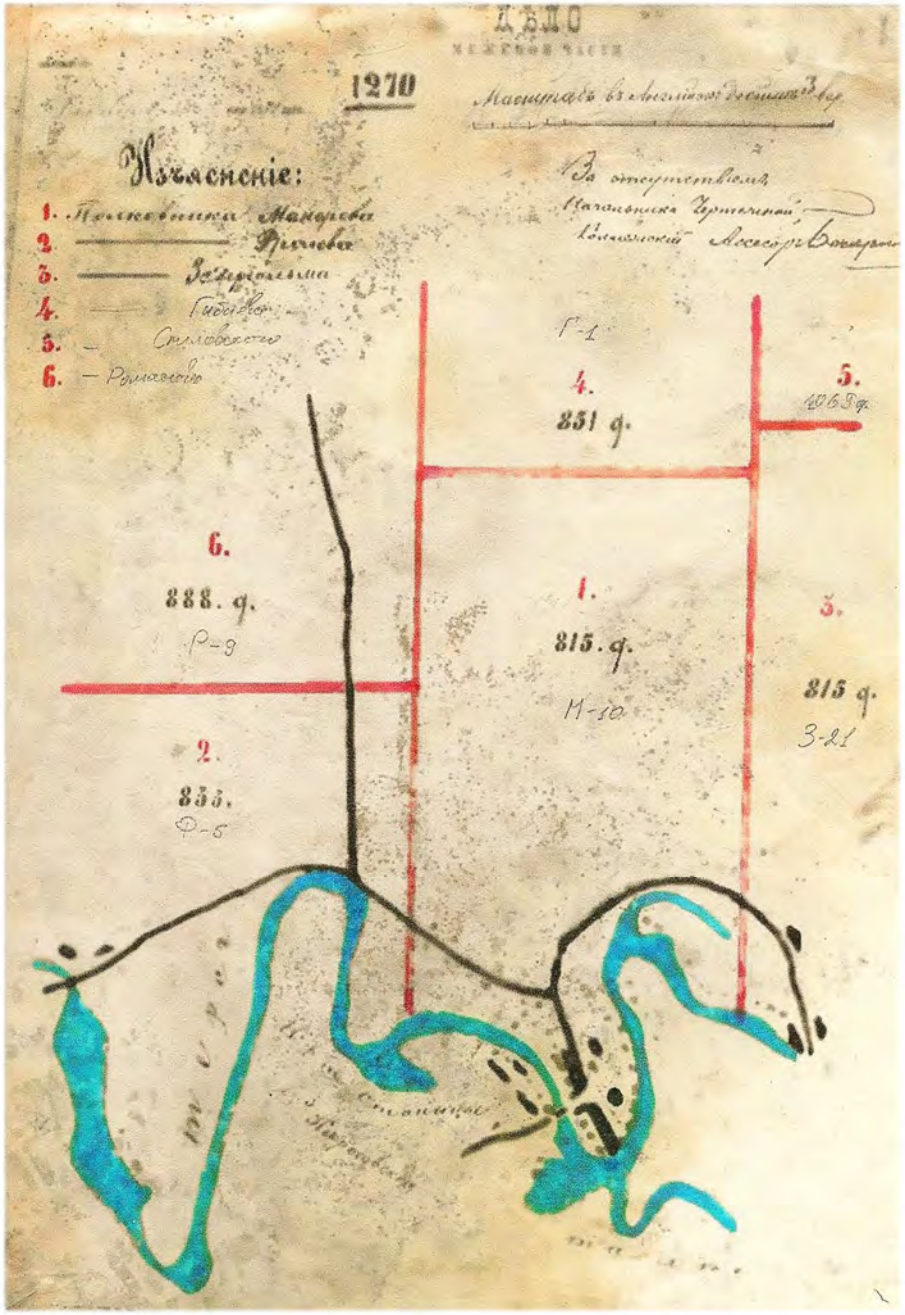
На правой сторонѣ р. Мокрый Зеленчугъ (Терсъ):

Полк. *Фролова* 833 д. 1250 кв. с.; Полк. *Макарова* 815 д. 1500 кв. с.; Полк. *Зедергольма* 815 д. 800 кв. с.; Ген.—Маіора *Добржанскаго* 1015 д. 1800 кв. с. (проданъ женѣ Над—Сов. Рыковскаго); Полк. *Грищенко* 814 д. 2300 кв. с (проданъ Ген.—Маіору Рукевичу); Ген.—Маіора *Рукевича* 813 д. 1300 кв. с.; Полк. *Зиссермана* 1024 д. 2200 кв. с.; Полк. *Демидовскаго* 1028 д. 600 кв. с.

Несколько лет проводились межевые дела в этой местности по регистрации земельной собственности. И только в июле 1869 года Макаров смог окончательно закончить оформление всех документов на свой владельческий участок. Так формально 24.07.1869 г. (по старому стилю) возникло Макаровское имение с одноименным хутором, по более позднему заселению крестьянами ставший хутором Братским:

3.	*Макарова Ошмиія Трифоновича, Полковника*	1.	1-6	815	1500	1.	24/VII 69 г.

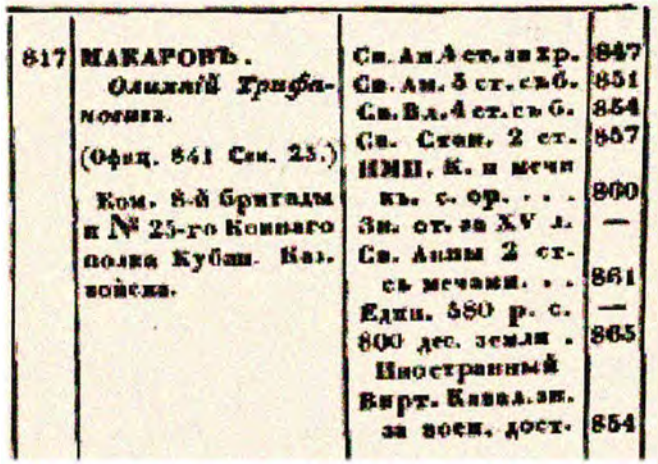
Регистрационная запись в книге утверждённых межевых планов по селениям Кавказского отдела Кубанской области за 1869 г. о владении Макаровым О.Т. участком земли. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) фонд 1354 опись 206.



Проект межевой части владельческого участка полковника Макарова за номером 1270

Нужно отметить, что сам Олимпий Трифанович Макаров был довольно геройским офицером и имел множественные награды за свои боевые заслуги. С декабря 1868 г. став генерал-майором, он постоянно находился на службе и практически свой хутор не осваивал, а лишь сдавал земли в аренду. Позднее пойдя в отставку, на хуторе вообще редко появлялся, а потом уже поползли слухи, что вероятно он спился – об этом поговаривали ладожские казаки, но так это или нет, до нас достоверно не дошло. Дом его в последствии у сына Николая прикупили братья Солодкие, а лавочку – Рябошапки. Сын пошёл по стопам отца и окончив военное училище служил в Польше в 14-м драгунском полку.

Наградной список Макарова О.Т. до 1867г.

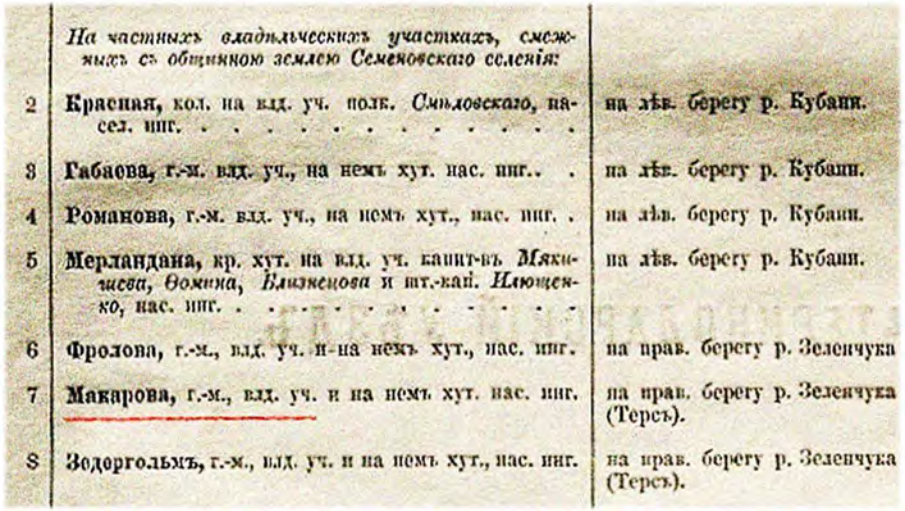


817	МАКАРОВЪ. Олимпій Трифановичъ. (Офиц. 841 Сен. 25.) Ком. 8-й бригады и № 25-го Конного полка Кубан. Каз. войска.	Св. Ан. 4 ст. за хр.	847
		Св. Ан. 3 ст. съ б.	851
		Св. Вл. 4 ст. съ б.	854
		Св. Стан. 2 ст.	857
		ИМП. К. и мечи къ. с. ор. . . .	860
		Зн. от. за XV л.	—
		Св. Анны 2 ст. съ мечами. . .	861
		Един. 580 р. с.	—
		800 дес. земли .	865
		Иностранный Орд. Кавал. зн. за воен. дост.	854

В то время имение Макарова с хутором, населённым малороссийскими крестьянами, находилось как раз на границе трёх отделов Кубанского Казачьего Войска: Кавказского, Екатеринодарского и Майкопского – границы отделов проходили по Зеленчугам (позднее Зеле́нчуки). Ногайцами ещё ранее по этим рекам были сделаны многочисленные запруды. Благодаря им летом вода застаивается, покрывается водорослями и сильно зеленеет. Поэтому на Зеленчуках очень много всяческой мелкой рыбы и раков, кормов для них предостаточно. Рыбалка и охота у местных жителей всегда были источником дополнительного дохода и пропитания. Но главным богатством нового поселения являлась земля, которая давала всем крестьянам возможность хорошо кормиться и снаряжаться. Тучный чернозём был покрыт высокой травяной растительностью. Окрестные земли здесь очень жирные и влажные. Почти всегда они давали хорошие урожай пшеницы и большое количество кормов для животных. Это всё позволяло заниматься ещё и скотоводством.

Река Большой Зеленчуг (Терс) с хуторами по её берегу в прошлом веке.

С 1 января 1871 г. все военные округа на Кубани были ликвидированы и владельческие земли имения Макарова, с хутором населённым полусотней иногородних крестьян, попали в новый Екатеринодарский уезд Кубанской области. По течению реки Зеленчук рядом с имением Макарова на владельческих землях появились ещё хутора, множившееся прибывающим иногородним населением, в основном с Малороссии:



	На частныхъ владѣльческихъ участкахъ, смежныхъ съ общинною землею Семеновскаго селенія:	
2	**Красная,** кол. на влд. уч. полк. *Смыловскаго,* насел. инг.	на лѣв. берегу р. Кубани.
3	**Габаева,** г.-м. влд. уч., на немъ хут. нас. инг.. .	на лѣв. берегу р. Кубани.
4	**Романова,** г.-м. влд. уч., на немъ хут., нас. инг. .	на лѣв. берегу р. Кубани.
5	**Мерландана,** кр. хут. на влд. уч. капит-въ *Мякишева, Ѳомина, Близнецова* и шт.-кап. *Илющенко,* нас. инг.	на лѣв. берегу р. Кубани.
6	**Фролова,** г.-м., влд. уч. и на немъ хут., нас. инг.	на прав. берегу р. Зеленчука
7	**Макарова,** г.-м., влд. уч. и на немъ хут. нас. инг.	на прав. берегу р. Зеленчука (Терсъ).
8	**Зодоргольмъ,** г.-м., влд. уч. и на немъ хут., нас. инг.	на прав. берегу р. Зеленчука (Терсъ).

Из списка населённых мест Екатеринодарского уезда Кубанской области на 1971 г.

Среди самых первых переселенцев в имении Макарова были семья моего прапрадеда Апа́насенко Корнея, семья моей прабабушки Дарьи – Солодкі́е и родители бабушки Александры – Хору́жевскіе. Подворья их многочисленных семей стояли на Макаровском хуторе по берегу реки Зеленчук в самой её излучине, друг за другом, по соседству с домом генерала Макарова. Из каких-то частей сохранившейся метрической книги молельного дома хутора Братского тех лет известны так же фамилии семейств тогдашних первых поселенцев имения: Душечка́, Неишкаша́, Рябоша́пка, Кипти́ла, Манько́, Малови́к, Середа́, Дереза́, Сосна́, Горба́нь, Долбня́, Чигри́к, Сое́нко, Семене́нко, Давыде́нко, Бондаре́нко, Крини́чный, Гарма́ш, Кныш – это те фамилии, которые ещё как-то удалось прочитать на истлевших за полтора века страницах. Почти все они были между собой какие-то сваты или же кумовья.

Дошедшая до наших дней метрическая книга молельного дома хутора Братского.

Большинство всех этих семейств прибыли на Кубань из села Кочере́жки, Екатеринославской губернии, Павлоградского уезда, Вязовской волости, стоящего на реке Самаре. Название села произошло от казака-запорожца Ивана Кочерги́, основавшего в 1750 г. слободу из 20 дворов возле скита. Ещё XVII веке в том месте числился Сергиевский скит с монахами от Самарского монастыря. В доживших до наших дней метрических книгах Георгиевской церкви этого селения (*Георгіївська церква, с. Кочеріжки Павлоградського повіту В'язівоцької волості*), обнаруживаются многочисленные родственники этих первых кубанских переселенцев, как оказалось, мои там тоже нашлись.

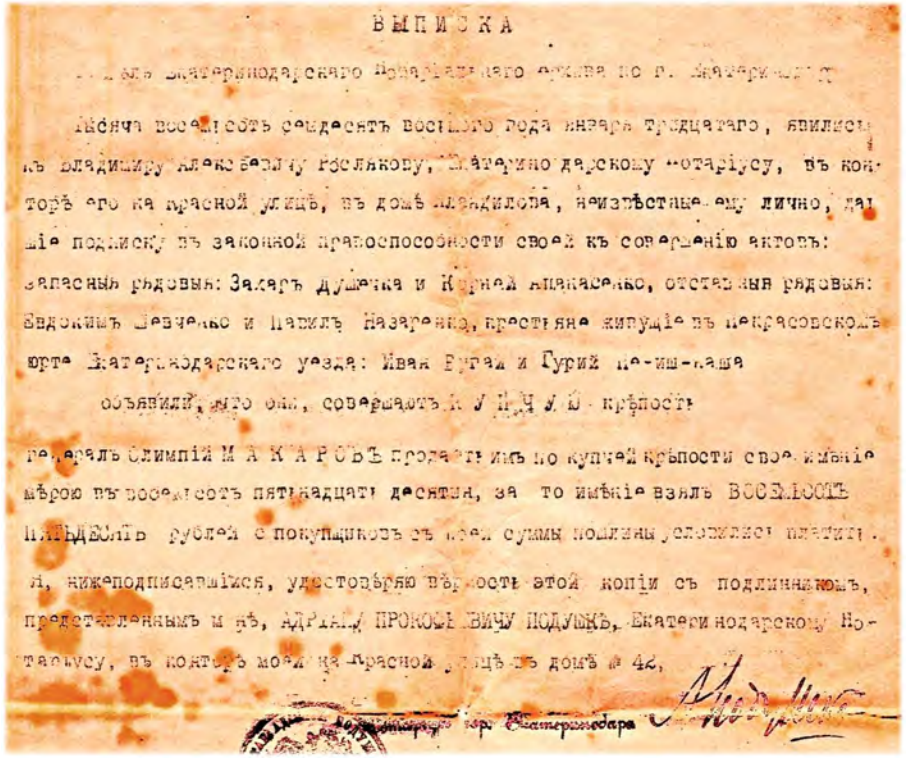
Самые первые «иногородние», прибывшие на хутор Макарова из Кочере́жек, почти все были перевозчиками соли (на тюрском - *чумак*). Чтобы как-то свести концы с концами они устремлялись на отходные заработки. Опасные, но весьма денежные. Вереницы их обозов в то время можно было встретить по дорогам, ведущим к новым станицам в верховьях Лабы – здесь товары продавалась гораздо дороже. Особенно выгодно можно было их сбыть на Темиргоевской меновом дворе, где был соляной базар и довольно часто его посещали жители черкесских аулов с левого берега реки Лабы. Попутно туда чумаки везли посуду, мыло и сахар, чаще всего меняя их на адыгейские продукты, которые потом сбывали по попутным станицам. Поначалу они останавливались на зимовку в хуторе Макарова у своих земляков Рябошапка и Киптила. Со временем те в своих дворах организовали им что-то вроде ночлежек, благо тогда в окружающей степи бесплатного корма для их чумачьих волов было достаточно. Видя, как местные крестьяне неплохо освоились на кубанских землях, чумаки тоже делались их постоянными жителями, постепенно перевозя в макаровское имение свои семьи. Рабочих рук в ту пору на Кубани не особо хватало, казаки воевали, а за выращивание хлеба мало кто решался браться «*на этом погибельном Кавказе*».

Казачьему офицерству земли на Кубани тогда особо не надобились, при наличии у них хороших окладов и пенсий. Генерал Макаров, отстроив себе хороший домик, разрешил арендаторам кто прибыл с детьми строить себе хаты для постоянного жилья выше по течению реки Терс (Зеленчук). Первоначально имение Макарова мало чем напоминало селение, так как состояло всего из нескольких небольших кутков и было растянуто на несколько вёрст по правому берегу реки. Так фактически получилось, что новые жители селились выше по течению от дома Макарова, с того места, где сейчас школа, а «братки» проживали в излучине реки Зеленчук чуть ниже дома Макарова. Водяная мельница стояла у самой дороги по гребле (насыпи) через Зеленчук.

В самом начале аренда земли у Макарова крестьянами была под ¼ часть всего выращенного на земле, а потом когда уже вся земля была освоена и пошли хорошие урожаи, то с 1871 г. тот стал брать деньгами по 1 руб. 50 коп за десятину в год, что было довольно дёшево, но в 1877 году ему уже платили по 2 руб. С 1878 года арендную плату собственники в окружающих местах начали везде поднимать аж до 3-4 руб. за десятину. Например, наследники старшины Ковалёва сдавали в аренду своим двадцати крестьянам 300 десятин на 5 лет по 2 руб. 10 коп, а вот их родственник поручик Ковалёв вновь прибывшим иногородним – 150 десятин за 4 руб. с десятины и то только лишь на два года.

В январе 1878 года поползли слухи, что генерал Макаров при́смерти. «Братчики» поняв, что наследники будут продать землю, приняли решение купить их участок, создав общину для выкупа. Для выходцев из Малороссии традиционно наличие таких товариществ, исторически восходящих ещё к XVII веку, когда Киевский Митрополит Константинопольского Патриархата Петро Моги́ла на новых землях создавал братства, которые возводили храмы и правили в них службы по христианским канонам. Но это братство больше приобрело характер трудового сельскохозяйственного коллектива по совместной обработке.

Четыре грамотных члена старообрядческого братства: запасные рядовые Захар Душечка и Корней Апанасенко, отставные рядовые: Евдоким Шевченко и Павел Назаренко, вместе с примкнувшими к ним зажиточными крестьянами Гурием Не-иш-каша и Иваном Бугаем, сговорившись с Макаровым о покупке его имения за небольшую плату (по 14 руб. 50 коп за десятину), сложились по 150 руб. и передали тому задаток в размере850 рублей, с которого уплатили пошлин на 40 рублей.



ВЫПИСКА

...ыя Екатеринодарскаго Нотаріальнаго архива по г. Екатеринодару

Мѣсяца восемьсотъ семьдесятъ восьмого года января тридцатаго, явились къ Владиміру Алексѣевичу Рослякову, Екатеринодарскому нотаріусу, въ конторѣ его на красной улицѣ, въ домѣ Иландилова, неизвѣстные ему лично, дающіе подписку въ законной правоспособности своей къ совершенію актовъ: запасные рядовые: Захаръ Душечка и Корней Апанасенко, отставные рядовые: Евдокимъ Шевченко и Павелъ Назаренко, крестьяне живущіе въ некрасовскомъ хуторѣ Екатеринодарскаго уѣзда: Иванъ Бугай и Гурій Не-иш-каша

объявили, что они, совершаютъ К У П Ч У Ю крѣпость

генералъ Климпій М А К А Р О В Ъ продалъ имъ по купчей крѣпости свое имѣніе мѣрою въ восемьсотъ пятьнадцать десятинъ, за то имѣніе взялъ ВОСЬМЬСОТЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ рублей с покупщиковъ въ цѣлой суммы пошлины уложилось платить.

Я, нижеподписавшіяся, удостовѣряю вѣрность этой копіи съ подлиннымъ, предоставленнымъ мнѣ, АДРІАНЪ ПРОКОПЬЕВИЧЪ ПОДУШКО, Екатеринодарскому Нотаріусу, въ конторѣ моей на красной улицѣ въ домѣ № 42,

Нотаріусъ города Екатеринодара

Выписка из Екатеринодарского Нотариального архива о продаже имения Макарова.

Осенью 1878 года они же окончательно выкупили в собственность все генеральские земли. Обошлось вместе с побочными расходами через кредит в Кубанском Кооперативном банке в 12,3 тыс. рублей. Купчая крепость была оформлена в доме Иландилова города Екатеринодара у нотариуса Рослякова, записана в реестре за №233 от 3 ноября 1878 года.

Затем в течение двух лет уже выкупившие имение собственники передавали части своей доли другим членам братской общины – дробили её путём перепродажи с какой-то небольшой надбавкой. На полученный от этого доход Душечка и Апанасенко приобрели паровые молотилки для коллективных работ в товариществе. Шевченко и Не-иш-каша получив деньги купили себе хаты в Некрасовской, Назаренко сразу уехал в Новороссийск, а Бугай прикупил 30 дес. земли в другом месте.

Крестьян, желавших приобрести тогда эти плодородные земли, было предостаточно, но в Братское товарищество приняли только 22 семьи из числа живших в имении Макарова. Для полного расчёта с продавцами уже иногородними крестьянами была взята ссуда из расчёта 7% годовых. Кто победнее, тот рассчитывал на покупку земли через само товарищество под чьё-то поручительство, в этом случае на одну семью выделялось банком 150 рублей. А уже давно живший на Макаровском хуторе смог получить под залог своего имущества до 600 рублей.

22 июля (старого стиля) 1880 года, вместе с вновь прибывшими в эти края с Малороссии безземельными чинами, «братчиками» было официально зарегистрировано в Статкомитете Кубанской области Братское поземельное товарищество с частнособственническим участком. Общество заимело свой Устав, в котором с подробностью были изложены обязанности его членов. Вся купленная товариществом земля была поделена на паи, в зависимости от вносимых средств и принятых членами обязательств. На один пай пришлось по одной десятине пашни. Некоторые взяли на себя по четыре-пять, а некоторым досталось и несколько десятков паёв. Это были очень хорошие участки по тем временам. У каждого члена товарищества был свой земельный надел, который состоял из приусадебного и полевого. Периодически они подлежали переделу, но усадебные переделы не практиковались. Для того, чтобы всё было справедливо, сенокосы, которые были в небольшом количестве, довольно часто меняли. Река и территория поселения стали общей собственностью товарищества. Любой член товарищества, конечно, мог потом из него выйти и продать паи, однако осуществить это право на практике было нелегко – платежи по переделу отрубного участка были очень велики, а оформление длилось годами. Первым старостой Братского товарищества избрали Андрея Солодкого.

Начиная с осени этого же 1880 года в Братском товариществе на случай неурожайного года стали засыпать хлебный общественный магазин для обеспечения им жителей хутора. В 1978 год саранча выела почти весь без остатка хлеб на хуторе и нуждающимся его не хватило, некоторым семьям пришлось тогда поголодать, этим людям все помогали гуртом. Решением схода каждый двор должен был вносить определённую паевую долю полученного своего урожая в этот магазин. Старый хлеб продавался на ссыпке в станице Ладожской, а вырученные деньги шли на общественные нужды членов товарищества. На них производилось содержание правления и писаря (обычно 300 руб. в год в ценах 1880 года), выборному председателю правления (100 руб.), на различные принадлежности для правления с отоплением (100 руб.), доплата казначею (50 руб.), ещё священникам (200 руб.) и другие текущие расходы. Всего расходов, покрываемых общественным доходом, было не менее одной тысячи рублей в год. Для сравнения: один мешок пшеницы продавался тогда около 15 руб., чувал кукурузы – 7 рублей. Дополнительным источником образования общественного капитала служили ещё взносы за право торговли, плата за попас скота сторонними людьми или цыганами (в среднем по 5 руб. в месяц с семьи), денежные взносы хуторян вместо исполнения ими хуторских повинностей, доходы от арендной платы иногородними и пр. мелкие статьи доходов. Взносы от уклонения общественных повинностей несли желающие в размере от 50 до 100 рублей с человека, на них нанимались рабочие, в основном иногородние. Содержание мостов, дорог и хуторской гребли так же лежало на товариществе, но оно вынужденно было отрывать на работы по их исправления поголовно всех жителей.

Интересно отметить, что старообрядцы, оставшиеся после разлада на другом берегу Зеленчука в хуторе Киевском, так и не смогли там никак развиться. С 1876 года у них с некрасовскими казаками пошли большие разногласия, те требовали освободить свои юртовые земли под выгоны станичников. Неоднократно к ним приезжал отряд казаков и плётками сгонял с полей. В итоге этих гонений, часть из них во главе с Архипом Стародубом покинула нажитые места и переселилась за Лабу. Они взяли в аренду земли у темиргоевского полковника Догужиева, организовали там земельное товарищество и дела у них пошли получше. С 1882 года на владельческих землях Догужиева возникли несколько их хуторов: одноименный прежнему – Киевский и Стародубов (в 1975 году после разрушительного наводнения реки Лабы эти хутора все до единого смыло, а жителей были вынуждены переселить на хутор Саратовский-II). Оставшейся части киевских старообрядцев всё же удалось как-то

договориться с некрасовским атаманом и взять в субаренду 200 десятин юртовой земли. Деньги от этой аренды с 1882 года поступали на содержание церковного прихода. Обязательным условием при этом было обучение местных казачьих детей в народной школе хутора.

По статистическим сведениям 1882 года на Макаровском хуторе тогда стояло 4 деревянных хаты на версе (полуземлянки), 18 турлучных хат и 9 саманных домов с камышовой крышей. В них проживало 130 человек лиц вневойскового сословия, в основном крестьян, прибывших из Вязовской волости Павлоградского уезда Екатеринославской губернии Малороссии. Ещё немного из Грайворонского и Бахмутского уездов. Вероисповедание большинства хуторян – православные, из них 7 дворов пребывали «*в ограде греко-российской церкви константинопольского закона*». Были и полуштундисты – семья Рябошапка. В силу того, что на самом хуторе Макарова в большинстве своём селились иногородние с малороссийских краёв, то здесь повсеместно господствовал слобожанский диалект малороссийского наречия, который на Кубани называют «бала́чка» – разговорно-бытовой стиль языка, который возник вследствие массового контактного многоязычия местного населения.

После окончательного оформления всех вопросов по передаче прав земельной собственности, решением атамана отдела Милешко все кутки иногородних крестьян в бывшем имении Макарова по правому берегу реки Мокрый Зеленчук с осени 1883 года стали в документах именовать хутором «Братски́м». На майдане крестьяне тогда единогласно проголосовали назвать свой хутор от малороссийского слова *«брацкі́»* (братки́, товарищи). По их заявке они попали в приказ атамана отдела и были причислены к существующему месту жительства на правах государственных крестьян. На хуторе учреждалось хуторское правление согласно «Положению об общественном управлении станиц казачьих войск», а население на общих основаниях облагалось обязательными государственными сборами и повинностями. С сентября 1883 года вновь избранное хуторское правление начало вести бухгалтерский учёт на своё содержание. С этого же года правление стало предоставлять финансовую отчётность в новый Закубанский уезд Кубанской области.

Следует отметить поголовную безграмотность крестьян хутора того времени, что не мешало им спокойно вести своё домашнее хозяйство, но вот производить какие-то финансовые дела было для них весьма проблематично. К просвещённым слоям населения тогда относились старообрядцы, у которых была острая необходимость чтения своей старопечатной церковной литературы. Они же были руководящей силой Братского товарищества и хуторского правления.

Местный молельный дом хутора Братского самом вначале был основан старообрядцами с хутора Киевского, выходцами из Малороссии. Поэтому по своему оформлению этот дом больше походил на старообрядческий, но в 1883 году вышел закон, ограничивающий всех старообрядцев в вопросах культовых отправлений и организации их молельных домов. Им запрещались крестные ходы, нельзя было строить колокольни, помещать иконы перед входом. Вид старообрядческих молельных домов должен был походить на общецерковный, согласно принятым канонам. Некоторые молельни в округе вообще было приказано закрыть. Несмотря на довольно сильные позиции старообрядцев на хуторе Братском, им всё же пришлось войти в какое-то согласии с распоряжениями высшего церковного руководства, что вполне устроило местное официальное духовенство. Но вот некоторые хуторяне начали скрывать свою принадлежность к старообрядству, религиозный культ у них уже больше стал сводился к молениям только в своих домах, они особо не находили нужным проводить регистрации в церквах. Мало чьи фамилии из их числа удалось обнаружить в сохранившихся метрических книгах молельни того времени.

В сущности, такие порядки просуществовали на хуторе до принятия государственных мер по уменьшению расколов и образованием на хуторе в конце 1885 года притча от Ставропольской Епархии с постройкой на месте молельного дома единоверческой саманной церкви на каменном фундаменте, традиционно названной именем апостолов Петра и Павла. Вначале она была без колокольни, колокол установили на четырёх столбах, но звук его был слышен даже в станице Ладожской. К тому времени в окрестных местах проживало много людей, ратующих за создание новой церкви. В короткий срок ими построены церковная ограда и при ней сторожка с помещением для школы. Освящена церковь с колокольней 15 августа 1886 г., а осенью в ней открыли одноклассную приходскую школу. Первый настоятель одноштатной церкви хутора, сыгравший весьма важную роль в единоверии – священник Георгий Дмитриев, а исполняющий должность псаломщика – Иван Авилов.

Священникъ о Георгій Дмитріевъ
и.д. псаломщикъ Ив. Авиловъ
О родившихся.

Священники в метрической книге Петропавловской церкви хутора Братского.

Хутор Братский в то время занимал видное положение в Отделе и вот что про него писалось в Справочной книге Ставропольской Епархии:

Хуторъ Братскій.

Основанъ въ 1885 г. крестьянами собственниками на землѣ (800 дес.), купленной ими у генерала О. Макарова. Расположенъ въ ровной мѣстности по лѣвую сторону Кубани, въ 8—10 верстахъ отъ ея берега. Чрезъ хуторъ протекаетъ маловодная и болотистая рѣчка Мокрый Зеленчукъ. Древесныя насажденія въ хуторѣ имѣются, но „въ самомъ маломъ количествѣ" (сообщ. причта). Главное занятіе жителей—хлѣбопашество. Почва черноземная. При среднемъ урожаѣ десятина даетъ около 80 пуд. пшеницы. Климатъ лихорадочный.

Действительно, условия жизни тех первых поселенцев были далеко не благоприятными. Местность у реки Зеленчук тогда была слегка приболочена, климат считался не совсем здоровым, комарья очень много было – часто свирепствовала лихорадка (малярия). Дети больше чем мужчины или женщины подвергались тогда всяческим таким болезням и чаще умирали от этой заразы, так как постоянно находились в камышах возле речки, ловя там рыбу. Весною от таяния снегов и дождей воды Зеленчуков так прибывали, что от их разливов на низменной стороне образовывались обширные болота, которые летом застаиваются, потом загнивают и это приводит к жесточайшим лихорадкам. В особенности очень сильный разлив от дождей был весной 1885 года, который причинил много вреда жителям. Летом иногда тучи комаров и мух до бешенства доводили скот и людей. Только холодной зимой хуторянам можно было хоть как-то от них немного отдохнуть.

Типичный дом хуторянина в позапрошлом веке на берегу речки Зеленчук зимой.

Дома хутора Братского в излучине реки Мокрый Зеленчук живущего с достатком хуторянина были выстроены тогда из самана – самодельных блоков необожжённого кирпича. Из этих блоков, хорошо высушенных на солнце, а затем скреплённых глиняным раствором, возводились стены. Большинство же кто победней – у того хаты по типу малороссийских мазанок, как и пристройки к ним, сделаны из турлу́ка, изготавливаемого из смеси глины и соломы с добавками камыша. Кровля – в основном из камыша с речки или соломы. Капитальные большие кирпичные дома донского типа со ставнями местные жители начали ставить только лет через десять-пятнадцать, уже после окончательного освоения пахотных земель и получения хороших доходов. Хата же рядового хуторянина в те года мало чем отличалась от соседской. Обыкновенно она разделялась на две половины сквозными сенями. В одной «темной» половине помещался различный домашний скарб и запасы в закромах. Там же могли спать работники, если они были. В «чистой» находились сами хозяева и гости. Она состояла из двух комнат. Первая побольше, в три-четыре окна, вторая поменьше - в одно окно. Первая комната служила столовой или приёмной, у входа располагалась русская печь с лежанкой. Она отапливала всю хату и хозяйки зимой готовила на ней еду (летом принято было это делать на подворье). Отверстие печи закрывалось ситцевой занавеской, а сама она чисто выбелена извёсткой. Вдоль неё длинные деревянные лавки, а напротив всегда висел шкафчик с посудой. В центре большой стол. Вторая комната служила спальней хозяевам, в углу которой ставилась скры́ня (сундук) с одеждой. Пол плотно утоптан глиною, а стены чисто побелены. Во дворе обязательно хозяйственные постройки: конюшня, коровник, пузде́рок (погребок) с ледником (лёд заготавливали зимой). Подворья хат всегда окружались плетнём с садиком, а перед окнами хозяйки обычно высаживали цветы, подсолнухи или сирень.

Улиц в сегодняшнем понимании тогда на хуторе Братском ещё не существовало, утверждённые их названия появились только после 1920 года, но тем не менее, он тогда делился на кутки. Дворы кутков редко образовывали стройные ряды, большинство из них разбросаны в беспорядке как попало среди выгонов, обычно выходящих к речке. Кутки хутора были не безымянные, каждый из них имел какое-то своё устоявшееся название. Место у гребли называли «Макаровка». Там стоял дом полковника Макарова, а уже позднее лавка господ Рябошапок. Куток на самом конце излучины речки Зеленчук – «Хоружевкой», вероятно потому, что там проживало много Хоружевских. Чуть выше «Кочерёжки» – там стояли хозяйства Рябошапко, Киптило, Манько,

Москаленко, Горбань, Криничных, Кияновых, Маловиков и др. прибывших с малороссийского хутора Кочережка. За центром хутора «Городские» – вероятно от имевших там хат мещан Муравенко и Корсун. Известны ещё окрестные подворья по реке: сразу за греблей «Мельница», далее по реке уже в некрасовском юрте жили «Киевские», «Школьные», «Семёновские», «Орловские», «Херсоновские». Выше по правому берегу в имении Зедергольма Альберта Карловича – «Задиры». Позднее появились кутки «Согласные» и «Муравейки», ниже по реке в имении Фролова Николая Петровича – «Катериновка» и «Мироновка».

В том же далёком 1885 году хуторяне приступили к межеванию паевых наделов удобной земли членов Братского товарищества исходя из наличного количества населения того года. Дело в том, что при образовании самого товарищества нарезка земли на наделы была выполнены исходя из количества паевых взносов на то время. Поэтому тем семьям, которые были приняты в товарищество позднее, наделяли землю в ущерб паевых участков других членов и в основном в неудобных местах. А так как хуторяне в то время особой нужды в земле ещё не знали, то поэтому они принимали в него всех тех, кто настойчиво этого добивался. Одних – уже взрослых сынов членов товарищества, отсоединившихся от отцов, других – родственников или знакомых хуторян за весьма хорошие «магарычи», третьих – давно живущих на хуторе иногородних, за уважение или просто хорошо знавших своё дело. Таким путём за это время было принято больше десятка семей. В среднем на семью после этого передела пришлось по 20 десятин удобной земли, не считая сенокосов.

Покончив с вопросом о распределении земель по владениям, начиная с 1886 года хуторяне с большими приусадебными наделами стали закладывать частные фруктовые сады. Выкорчевав по берегу реки Зеленчук остатки тёрна, начали садили там хорошо известные тогда сорта яблок: «Бобровка», «Спасские»; груши: «Бергамот», «Дули»; слива – «Терновка». Даже в суровые морозы эти деревья не замерзали и отлично плодоносили каждый год, а яблоки лежали под листвой аж до самой весны. Как объясняли старожилы, этому способствовало весьма удобное расположение садов на правом солнечном склоне реки Зеленчук, от неё зимой поднимаются ночные туманы и смягчают морозы. А в утреннее время там наоборот холодно и почки рано весной не распускаются. А чуть позднее многие хуторяне поразвели на своих участках виноградники дербентских сортов по 50-100 кустов из местных лоз, приобретённых самим Братским товариществом в плантациях садовода Тарашкевича из-под Усть-Лабинской станицы.

Последующие годы население самого хутора Братского продолжало неуклонно расти. Почти все взрослые были участниками Братского товарищества, в котором смогли продолжить ту трудовую и духовную жизнь, которой они жили раньше в Малороссии. В их семьях рождались дети, которые уже считались коренными жителями. По тогдашнему Уставу о воинской повинности в России все молодые лица мужского пола обязаны были её отбывать по достижении ими шестнадцати лет от роду, но не позднее того года, в котором им исполняется двадцать лет. Это не касалось обывателей податного состояния, т.е. приписные крестьяне при призыве на действующую воинскую службу имели право на льготу 3-го разряда согласно ст. 64 Устава. Но на Кубани в 1889 году по призывным делам появилось новое положение, утверждённое Кубанским Казачьим войском. Хутор Братский по нему вошёл в список селений 2-го призывного участка Майкопского отдела Казачьего войска и всё молодое мужское население было решено начальством обратить в «казаки» со всеми вытекающими из этого повинностями и льготами. Правление и сам атаман находились на хуторе казака Александрова, под юрисдикцию которого хутор Братский попал ещё с 1886 года. В случае военных действий в хуторе Братском наравне с другими казачьими поселениями должна была проводится полная мобилизация мужского населения. С этого времени и стал обязательным призыв части молодых мужчин из коренных жителей на службу в Кубанское Войско. Приказом атамана отдела строевых казаков (всегда готовых на случай войны и прозывающихся в лагеря) учитывалось 25% от мужского населения хутора, из них вне хутора постоянно на службе должны были находиться четыре-пять казаков. Тот, кто по жребию должен был переходить в казачье сословие, представлял расписку о добровольном его зачислении в войско, выписку из метрической книги и справку об отсутствии у него недоимок. Атаман отдела на расписке ставил печать и отправлял её в канцелярию Наказного атамана. При его положительном решении кандидат попадал в общий приказ по войску (в реестр), только тогда проходил начальную подготовку и мог носит казачью форму. Через три года службы в приготовительном разряде он получал казачье сословие.

Но похоже, что братские крестьяне тогда не очень-то сильно и рвались на военную службу в казаки – могли отказываться от неё согласно п.3 ст. 64 Устава. За отступные деньги (порядка 200-300 руб.) вместо них чаше всего призывались казачья беднота с соседних хуторов волости, вероятно в то время это вполне возможно было. По документам на самом хуторе Братском в списках казачьего сословия числились в то время всего пять душ – один реестровый, ещё один запасной.

Находясь как раз на границах трёх разных отделов Кубанского Казачьего Войска, хутор Братский несколько раз потом переходил по подчинённости из одного в другой. После очередной реорганизации в 1896 году юрт хутора Братского перешёл в Кавказский отдел, а численность коренного населения хутора достигла 330 человек.

Закубанские земли в устье реки Б. Зеленчук с границами разных отделов ККВ на 1896 г. Частновладельческий участок Братского товарищества на ней обозначен как М10.

В 1896 году хуторянами на местные средства «гуртом» было закончено строительство новой кирпичной церкви, которая располагалась примерно между нынешней школой и парком. Обошлась она по данным прихода в 4000 руб., а иконостас – в 500 руб. Деньги на стройматериалы и крышу постепенно выделяло Братское товарищество. Несмотря на то, что церковь выстроена без особого прошения в Ставропольскую духовную консисторию, освещена она была в честь святых Петра и Павла 30 июня 1896 года исправляющим должности благочинного священника 12-го округа Кудрявцевым.

По рассказам старожилов церковь была выстроена по каким-то византийским канонам в виде корабля, внешних особых украшений не имела, а вот по своему́ внутреннему стародревнему оформлению не имела аналогов в окружающих местах. Общество тогда избрало титарем (церковный староста) Павла Степановича Хоружевского – моего прадеда по бабушке, на нем было тогда попеченье прихода.

В пристройке (сторожке) новой церкви днём поместилась одноклассная церковно-приходская школа. В ней учил грамоте хуторских детей священник Фёдор Иванович Виноградов вместе с дьяконом Иван Андреевичем Ковалёвым и титарем Хоружевским. С 1899 г. в школе появился весьма образованный учитель Куценко Иван Антонович, а позднее добавился ещё один молодой дипломированный преподаватель – Рябоконь. Детей в школу хуторяне посылали хоть и охотно, но в основном мальчиков, да и то из справных семей. В 1900 году в приходской школе начали обучение 27 мальчиков и 6 девочек. В среде же мужчин-старообрядцев тогда была практически полная грамотность, в основном их дети посещали школу на хуторе Школьном.

Семьи Манько Евтихий Васильевича с хутора Братского и Муравенко Петра Ильича. Фото 1908 г.

В 1908 году согласно метрической книги Петропавловской церкви хутора Братского было зарегистрировано: рождений – 234, браков – 47, смертей – 78. Умирали, судя по записям, чаше всего дети и в основном от кори, скарлатины, дифтерита, поноса или воспаления лёгких. Лихорадка и оспа преобладала у взрослых, унеся только в этот год с десятка два человек. Вообще судя по записям в книгах, наибольшая смертность падает на 1892-93 года, когда вовсю свирепствовала азиатская холера, унеся жизни почти четверти жителей хутора.

Судя по рассказам стариков, народ тогда в общественной бане не мылся, так как её на хуторе не было. Зимой для купания грели воду на дому, а вот летом купались в реке, где многие и подхватывали всяческую заразу. Взрослых холостых мужчин на хуторе тогда не числилось, невест было в избытке. Казаки с соседних хуторов, хоть особо и не дружили с местными, но охотно женились на крестьянках с хутора Братского. По метрическим книгам этих годов, число вступивших в такой брак доходило до 25% от общего числа, а вот казачки выходили за хуторских крестьян довольно редко – казаки не хотели мирится с тем чтобы кто-то из их семьи терял своё привилегированное положение. По роду занятий жители тогда распределялись следующим образом: занимающиеся хлебопашеством – 42 двора, скотоводством – 3 двора (цыгане), различными ремёслами – 4 двора, торговлей – 3 семьи, духовенство – 2 семьи. Имеющих меньше 4-х волов на семью – 4 двора.

В 1909 году Братский хутор после очередного передела попал в Семёновскую волость, где считался одним из «справных»:

Список землевладельцев Семёновской волости на 1909 г. и количество их владельческой земли в десятинах

Вол. Семеновская.	
Сел. Новониколаевское	947
Сел. Семеновское	2031
Булатайкій Дм. Ив.	100
Братское т-во	815
Добровольскій Ив. Прок.	200
Иванова Вѣра Максим.	100
Котляровъ Петръ Ант.	200½
Мироновъ Дм. Ив.	209
Муравенко Як. и Егоръ Андреев.	60
Муравенко Яковъ Андр.	439
Мякишевъ Ал-дръ Мих. и Вѣра Конст.	100
Ново Екатериновское т-во	300
Панкова Людм. Евграф.	36¾
Панкова Ѳеодосія	64½
Папковъ Влад. Іосифов.	101
Т-во хут. Кей-Геймъ	600
Т-во хут. Зубова	1000
Т-во хут. Краснаго	1001
Т-во хут. Нѣленко	552
Т-во хут. Согласнаго	380
Хотяшевъ Мих. Ив.	45

В немецком селении Семёновском тогда находилось волостное правление. Поэтому колонисты-католики считали себя полноправными хозяевами всего района, распоряжались в земельных и налоговых вопросах с соседними товариществами крестьян как им захочется, иногда переходя даже в самоуправство. Это всё приводило к

постоянным ссорам с недовольными этим землевладельцами. Из-за этого и натянутых отношений с Германий, начальство Кавказского отдела тогда решило ограничить в возможностях немецкие национальные образования и разделило Семёновскую волость на части.

После 1913 года сам хутор Братский стал волостного значения. Было введено волостное управление, в состав волости стали входить 6 неказачьих селений с общим числом населения в 2850 человек. Численность населения самого хутора Братского к 1913 г. достигла 351 человек в 53 дворах. Земельное довольствие всех проживающих на хуторе составляло 889 десятин земли, из них пахотных – 760.

Поселенія не казачьи.

Вол. Братская 53 дв., 351 душъ

Сел. Зобовское 36 дв., 350 душ.
„ Согласное 69 дв., 508 душ.
„ Ново-Екатерин. 18 д. 123 д.
„ Новоселовское 33 дв., 420 д.
„ Нееленское 54 дв., 436 д.
„ Красное 53 дв., 431 душ.

Список селений Братской волости на 1913 год.

В Братском тогда впервые появились правительственные учреждения: волостное правление со старостой, волостной суд из трех человек, почта и хуторская управа. Волостные органы тогда являлись исполнительной инстанцией 4-го участка Кавказского отдела Кубанского войска. Правление волости обеспечивало сбор налогов, выполнение государственных повинностей, комплектованием военных кадров и разрешением всяких житейских споров. Был выбран и утверждён волостной старшина с жалованием в 50 рублей в год. Волостной писарь при этом получал 100 руб, а почтосодержатель – 500 (лошади и сено у него были за свой счёт). Все казённые повинности были возложены на коренное дворовое мужское население, какового тогда числилось податных 278 душ, фактически лица владеющие землёй.

Волостной сход собирался тогда на хуторе Братском по надобности из дворов, имеющих осёдлость или свою собственную землю, а с окружающих селений на него посылались по трое представителей, которые были *«согласны в делах, касающихся владельцев отведённой обществами земли»*. Такое право голоса имели тогда только русские подданные, имеющие землю или же недвижимое имущество по оценочной стоимости свыше 300 рублей больше года. Иногородние и евреи таких прав не имели. За них всё решало волостное правление.

В 1914 году в волостном правлении числились: старшиной – Апанасенко Конон Корнеевич, помощники старшины Попик Федот и Вальтер Яков, секретарь правления – Хоружевский Павел, главные сборщики податей – Середа Иван, Гармаш Александр и Долбня Константин, Избранные волостным сбором судьями в разное время были: Маловик, Клименко и Бондаренко.

Названіе населеннаго мѣста. Сверху его - общее число десятинъ земельнаго довольствія. Подъ чертой — общее число душъ всего населенія. Въ скобкахъ — указаніе, если административно причислено къ иному мѣсту (не имѣетъ своего правленія).	Земельное довольствіе въ десятинахъ.							НАСЕЛЕНІЕ.									
	Число паевыхъ надѣловъ	Пахоты.	Сѣнокосу.	Выпасу (толоки или выгона).	Лѣса, садовъ и кустарника.	Плавней или болотъ	Иныхъ угодій.	Число дворовъ (домохозяйствъ).		Число душъ.						Національность коренныхъ жителей.	Вѣроисповѣданіе коренныхъ жител.
								Коренныхъ жителей.	Иногородн. жителей.	Коренныхъ жителей.		Иногородныхъ.					
												Осѣдло живутъ.		Временно прож.			
										М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.		
2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
800 дес. Братская вол. . . 442 души.	—	500	80	200	—	—	70	55	—	197	209	—	—	17	19	Рус.	Прав.

Хутор Братский в списках населённых мест Кубанской области на 1 января 1914 год.

Названіе населенныхъ мѣстъ, имѣющихъ свои самостоятельныя управленія, число дворовъ и число душъ обоего пола къ 1-му сентября 1914 года.	Названіе населенныхъ мѣстъ, не имѣющихъ своихъ управленій, находящ. на собств. землѣ число дворовъ и душъ обоего пола.
Поселенія не казачьи.	
Вол. Братская 58 дв. и 442 души.	Сел. Зубовское 37 двор. и 318 душъ „ Согласное 63 дв. и 492 д. „ Ново Екатеринов. 17 дв. и 94 д. „ Новоселовское 34 дв. и 397 д. „ Нееленское 43 двор. и 378 д. „ Красное 57 дв. и 437 д.

Список селений Братской волости на 1 сентября 1914 г.

В те годы на Кубани значительно увеличилась рентабельность сельхопроизводства, заметно выросли доходы хуторян и благосостояние их семей. Ранее при более разреженном населении, удалённые от

станиц земли юртов Кубанского войска и частнособственнические участки охотно сдавались арендаторам с позволением строить хаты и обзаводиться хозяйством. Безземельные крестьяне толпами валили в эти благодатные края. По прошествии каких-то десятка лет число осевших крестьян в окрестных местах увеличилось в несколько раз. По берегам Зеленчуков постепенно появлялись и появлялись их многочисленные хутора, вокруг которых вырастали ещё и ещё дома с приусадебными участками. В течение каких-то двух десятков лет вокруг Братской волости возникли хутора, местами уже довольно многолюдные. Большинство из них работали по найму в товариществах, либо на арендованной земле у землевладельцев. В тоже время данные по аренде тех лет показывают, что многие такие хозяйства не только обеспечивали продуктами сельхозпроизводства собственные нужды, но и занимались извлечением каких-то дополнительных доходов – ремёслами.

На ближайших юртовых землях Кубанского войска тогда числились хутора, образованные безземельным казачьим элементом: Александров, - год основания 1864, Болгов - 1865, Ковалёв - 1865, Атапин - 1868, Гунькин - 1873, Орлов - 1885, Семенов - 1885, Чернов - 1887. Выросли крестьянские хутора, создававшие товарищества на заарендованных владельческих землях: Киевский - 1864, Габаева - 1867, Красный – 1868, Фролова - 1869, Зедергольма - 1869, Мерланда - 1870, Зубова – 1871, Финогенова - 1875, Школьный - 1880, Херсоновский - 1885, Саратовский - 1885, Нейгем (Новосёловка) - 1887, Согласный - 1906, Новоекатерининский - 1907. Появились новые хутора и на отрубных участках купленных у частных землевладельцев, получивших их ранее в награду от Кубанского Казачьего Войска: Нееленко - 1883, Муравенко - 1904, Воровского - 1905, Миронова – 1906, Котлярова – 1906 гг.

Хутор Братский до самой революции продолжал оставался волостным центром, которому подчинялись старосты по хуторам. Сама же волость по-прежнему управлялась казачьей администрацией Кавказского отдела Кубанского Казачьего войска. В 1914 году на самом хуторе Братском стояло 58 дворов и числилось 442 души при их общем земельном довольствии в 800 десятин. Имелись своя церковь и молитвенный дом с иконостасом, фактически две школы: церковно-приходская и через речку в Школьном народная, по хуторам волости – три училища Министерства Народного Просвещения, четыре лавки (скобяная, с красным товаром и одна питейная), фельдшерский пункт с двумя врачами, гостиница и баня на 25 мест. На Зеленчуке находилась хорошая водяная мельница, было несколько кузниц – самая большая у Лукьяненко на Габаевке, и даже сапожная артель у Гурских.

Кузнецы Лукьяненко. Фото 1913 г. семьи Корсун.

Артель сапожников Гурских. Фото 1913 г. семьи Манько.

Хуторской быт в прошлые века

Быт жителей хутора Братского в те года складывался под влиянием тех традиций, которые завезли сюда первые поселенцы с Малороссии. Нужно сказать, что Братское товарищество так и оставалось организующей основой хуторской жизни, которому принадлежали все частновладельческие земли. Число тружеников в поземельном товариществе в 1913 году достигло 205 человек из 47 домохозяйств. Оно продолжало быть основой доходов всех хуторян, как коренных, так и иногородних. Коллективным трудом сельхозтоварищество неразрывно связывало хозяйствование всех на хуторе. Совместный труд его членов был обязательным на таких массовых работах, как устройство пересыпей на Зеленчуке, осушение прибрежных болот, строительство общинных токов, унавоживание полей, весенние посевные работы, прополка. Хлеборобская семья, какой бы крупной не была и самостоятельностью ни обладала, редко обходилась без посторонней помощи. На Кубани для крестьянской семьи рассчитывать лишь на собственные силы в ведении трудоёмкого хозяйства означало оказаться менее защищённой в социальном отношении. Если же кто-то хозяйствовал на земле в одиночку, как это делали многие многодетные казаки из окружающих хуторов на юртовых участках, то это лишало бы его семью надежды на более достойную жизнь из-за того, что казачество всё же находилось в более привилегированном положении в отношении уплаты налогов и подушных податей. Хозяйственная практика тех лет свидетельствует о том, что уже начиная с 8-10 десятин собственной земли сельхозпроизводство могло нести прибыльный характер для её хозяина. Но товарищество с его круговой порукой, плановым переделом земли, чересполосицей, трёхпольем с принудительным севооборотом, служило для её членов весьма успешным залогом получения в будущем более высокого дохода по сравнению с единоличниками, у которых было сравнительно небольшое количество скота и практически отсутствовала техника. При более производительном сельхозинвентаре и наличии хорошего стада рабочего скота, эффективное хозяйство было под силу только такому вот обществу. Поэтому урожайность зерновых в товариществах получалась значительно выше, чем у единоличников.

Общинное образование в Братском товариществе отражалось в первую очередь на порядке распределения угодий. Правление при очередном межевании по паям старалось использовать уравнительную систему распределения земель между отдельными семьями по числу их

душ. Из общего количества земли в 889 десятин сначала выделялась приусадебная, затем общественная под пастбища (выгоны, попасы) и земля на сенокосы, а потом уже вся оставшаяся под распашку. Спорные пустоши, подъезды к речкам и колодцам не учтённые межеванием в количестве 50 десятин, считались общественными и если кто-то их использовал, то ему присуждали дополнительные общественные повинности. Пахотная земля приблизительно в 500 десятин делилась между членами Братского товарищества на участки раз в три года. Раздел пахотной земли проводился обычно правлением в конце октября, величина надела в большинстве случаев определялась глазомером. В редких случаях, это когда нужно было выделить отрубной участок, прибегали к помощи местного землемера, которому нужно было платить за то немалые деньги. Мерили землю при дележе по старинке: два человека становились друг за другом и один тянул мерную бечёвку в 25 сажень (1 сажень - 2,16 метра) пока та полностью не растягивалась. На концах мерок выкапывали неглубокие ямки. Наделы делали чаше всего полосами шириной приблизительно по 100 сажен, если позволяла местность. В каждом квадрате четырёх наделов оставлялись дороги в 2-3 сажени для проезда к другим участкам с плугами и сеялками во время полевых работ или же для прогона скота. После раздела каждый получивший паевой надел считался хозяином своего участка и мог распоряжаться им по своему усмотрению, вплоть до сдачи его в аренду другому члену товарищества или иногородним.

Паи паями, но если малочисленная семья не способна была обработать весь выделенный им участок пашни или сенокоса, то он тогда обрабатывался коллективно по просьбе хозяина. За этим хозяйством закреплялось дополнительное общественное тягло (быки или лошади). Обычно для работы на таких участках в поле привлекались наёмные рабочие (батраки). Приходили они как из северных губерний России, так и из закубанских горных поселков. Российским труд оплачивало само товарищество деньгами, а закубанцам нужен был только хлеб. Жнецу обычно платили по 1-2 рубля в день. Хозяева такого участка после получении урожая отдавали натурой в пользу самого товарищества местный оброк, каждую 3-ю меру в зависимости от урожайности года.

В уборочную страду, чтобы быстрее собрать урожай, все в товариществе работали коллективно с раннего утра и до поздней ночи. Во время уборки урожая девочки шли следом за косилкой и подбирали сбрасывающиеся в сторону колоски. Снопы с участка поля на общий хоздвор перевозили пацаны. Общественное место – ток, куда все члены товарищества свозили скошенную пшеницу, женщины предварительно

поливали водой, утаптывали каменными катками и стелили парусный брезент. Снопы укладывались в одонки. Так на Кубани называют стога снопов, сложенные таким образом, чтобы было удобно подавать в молотилку. Количество одонков было показателем урожайности года. Если несколько одонков на семью – то это нормальный урожай, а если больше четырёх – зерно ещё можно было хорошо продать. При этом урожай с одной десятины в некоторые годы мог доходить до 100 пудов.

Сам обмолот пшеницы для хлеборобов хутора всегда ответственное мероприятие. Но это было и самое приятное время для жителей хутора. Все старательно готовились к этому заранее. Приводили в порядок закрома, тару для транспортировки зерна с тока. Правление Братского товарищества распределяло между дворами поочерёдную организацию питания. Хозяйки, как правило, для работников готовили каждый день кубанский борщ в большом казане (чугунный котёл), лапшу с мясом и варенное-жаренное. Они должны были хорошо кормить всех работников три раза в день. Старались больше угодить обслуживающих молотилки и особенно машинистов, работающих совсем без продыху.

Во время обмолота правление обычно создавало тока на пару десятков хозяйств, которые должны были выделять не менее четырёх пар лошадей и быков, чтобы ими можно было крутить конные молотилки или перебазировать тяжёлые паровые локомотивы. В Братском товариществе было четыре паровые молотилки. Так вот, для нормальной работы только одной такой молотилки требовалось не менее 30-ти человек. Здесь уже привлекались и наёмные рабочие.

На току во время обмолота хлебов. Фото 1913 г.

Паровая машина – локомотив, устанавливалась посередине между четырьмя одонками так, чтобы углы верхней полки молотилки как бы примыкали к каждому одонку и снопы легко засовывались в молотилку. Паровик растапливали соломой. Для работы на нём выделялся специальный кочегар, который постоянно подбрасывая солому в топку, поддерживал определённый уровень давления пара в котле локомотива, равномерность подачи пара на поршень и ритмичность вращения маховика. На маховик был одет длинный ремень, который соединял локомотив с молотилкой и приводил её в движение. Котёл нагревался, барабаны под паром начинали вращаться, колосья о них разбиваются, зерно, собравшееся на ситах, проваливается вниз. И по жёлобу уже чистая пшеничка ссыпается в мешки.

На току во время работы всегда шумно и людно, сплошное движение людей в разные стороны. Но машинисты были центральной фигурой. На старшего возлагалась одна обязанность – обеспечивать бесперебойную работу молотилки. Во время работы молотилки ему нужно очень внимательно следить за качеством обмолота. Если молотилка отрегулирована плохо, то она недостаточно хорошо вымолачивает колоски и гонит зерно в полову. Он так же должен был контролировать действия своих помощников, от которых во многом зависело качество обмолота. Чаще всего он сам или его помощник находились на лестнице чуть повыше всех, громко отдавал команды и следил за общим порядком, а особенно за закладчиками на верху молотилки.

Коллективные работники на паровой молотилке.

Основная обязанность закладчиков – это равномерно подавать снопы в барабан молотилки, не допуская перегрузок, при которых проскакивают необмолоченные колоски. Очень часто сквозь рёв молотилки слышен гудок локомотива, подающего сигналы этим закладчикам, работающим на самой молотилке, где они кидают снопы на барабан. Если те спешат, то перегруз в весе будет сказывается на оборотах большого колеса паровика и с него соскальзывает приводной ремень. Тогда нужно останавливать сам локомотив и натягивать его на место, что являлось не такой уж и простой процедурой. Если медленно кидают, тогда паровик работает вхолостую. А самое главное, простой в работе никак никому не желателен – пока стоят солнечные дни нужно побыстрее всё успеть перемолотить. За обмолот машинист с кочегаром и закладчиками получали десятую часть обмолоченного зерна.

Не только машинисты, но и все, а особенно пацаны, зорко следили за малейшей искоркой, которая могла бы вылететь из трубы паровика. Если начинался сильный ветер, то все немедленно прекращали работы. Люди строго соблюдали противопожарную безопасность, никто не курил, рядом всегда стояли чаны с водой для загашивания искр, лопаты и насыпаны кучи песка. Случаев пожара, по заявлению стариков, на Братском не отмечалось ни разу ни в каком году.

После взвешивания и дележа намолоченного хлеба хозяева участков обычно сразу увозили с тока домой каждый свою часть, а вот общественное зерно из всего урожая зерновых (в основном это излишки пшеницы) шло на продажу. Заготовители заранее приезжали и подготавливали транспорт – фуры для отправки на ссыпки в Ладожскую или в Усть-Лабинскую. На фуру помещалось по 50-60 пудов и им за доставку платили по 2-3 рубля в зависимости от перевезённого веса и текущего состояния дорог. Ячмень и овёс почти весь оставался у хозяев на корм скоту. Такие вот коллективные работы в товариществе позволяли всем хуторянам быстро завершать уборку и обмолот хлебов.

Сразу после уборки урожая особой заботой хуторян была заготовка сухого камыша, которого по Зеленчукам росло порядка 10 десятин. Братским товариществом назначался день, раньше которого запрещалась его съёмка. Обычно это рождество пресвятой Богородицы. Косили все коллективно на мелководье, но не там, где кто хочет, а на определённых и ранее поделённых участках. Выносили его на берег для просушки, а затем уже поделив, перевозили на своё подворье. Два раза в году ту его часть, что не удавалось скосить, поджигали вместе с другими растениями, являющимися рассадником малярии. Вплоть до

XX века эта заразная болезнь уносила в год с десяток хуторян, иногда вымирали даже целыми семьями, особенно те, кто жил рядом с рекой. Летом почти всегда вечером с наступлением темноты большинство хуторян регулярно купались в конце огорода на реке с полупроточной водой, где и подхватывала эту гадость. Другого более радикального способа борьбы с такой заразой как её просто сжечь, тогда не было. Впрочем, болели обитатели хутора не так уж и часто. Преобладала простуда, от которой можно было и умереть. Если её совсем запустишь, то она может перейти и в воспаление лёгких. Больному практиковались всевозможные народные средства, основой которых служили картошка на пару, листья лопуха, бузина, подорожник, всякие отвары крапивы, настои из разных трав или корней. Так же ставили банки. Застуженные почки всегда лечили настойкой цветов лабазника на горилке.

Камыш с реки ещё давал хороший строительный материал для турлу́ка. Это его смесь с мокрой глиной накладываемый на основу из иловых веток. Из него делались все придомовые пристройки. Кроме того, он шёл на затопку печки зимой. Ближе к осени, но ещё в тёплые дни, когда весь скот ещё пасся за хутором, в хозяйствах шла заготовка кизяко́в – это резанный на прямоугольники сухой навоз. Раскладывая его на плоском месте, накапливали и давали подсохнуть, а затем уже рубили и досушивали. Поздней осенью, когда тот окончательно высыхал, переносили его в сарай. Жар от них очень продолжительное время поддерживает в печке тепло и экономит дрова. С дровами в Братском всегда было тяжеловато из-за их относительной дороговизны – непилённые бревна привозили с верховьев реки Лабы на телегах.

С началом осени начинали стричь овец. Большинство хуторян сдавало их шерсть в артель станицы Ладожской, а взамен получали пряжу, из которой женщины зимой вязали чулки, носки, шарфы, кофты и другие полезные вещи – даже юбки. У моей бабушки Сани ещё в семидесятые годы прошлого столетия оставалась с тех времён целой прялка, которую она иногда доставала с чердака и изредка пряла на ней пряжу из собачьей шерсти для вязания носков внучатам. Ей это очень нравилось.

Осенью у хуторян так же шла активная заготовка продуктов на зиму. Особое внимание в заготовительных заботах – это пуздырёк (погребок). Его обычно рыли и обустраивали при постройке дома посредине двора. Весь погребок занимался кадушками – это огромные дубовые бочки, скреплённые обручами. Солили и мариновали в них различные овощи. В больших кадушках заквашивали отдельно кавуны и капусту вместе с яблоками или сливами. Они плавали в сусле, изготовленном из ржаных

отрубей и ещё нескольких частей, чаше всего составляющих какой-то свой особый семейный секрет. До начала XX века хуторяне не знали, что такое стеклянная банка и железная крышка, всё солилось только в дубовой бочке. В окрестностях хутора ближе к зиме созревал тёрн, так вот его и мариновали на зиму в стеклянных банках для любителей острых закусок после горилки. Тёрна собирали немного, большинство же его оставалось на ветвях около речки на всю зиму.

В это же самое время резали свиней и другую домашнюю живность, солили и коптили окорока. Все наружные карнизы конюшен у хуторян были увешаны окороками, доводимыми до нужной кондиции. Получались они у них наивкуснейшим – вкус дедовых я помню с детства. Этим копчёным мясом могли потом зимой кормить семью по несколько месяцев. Женщины так же делали замечательные колбасы со свиными кишками. А ещё деликатесы – салти́соны. Это отваренные, мелко порезанные потроха (печень, сердце, почки), приправленные чесноком и другими специями, которые сначала хорошо перемешивают и кладут в ке́ндюх (желудок), потом варят продолжительно, а затем слегка поджаривают на сковородке. Сало солили в больших ящиках. Его всегда заготавливали впрок. Солёное сало ели потом до лета. А вот мясо солили редко. Только в том случае, когда его было слишком много, а семья не успевала всё съесть. И конечно же, шла заготовка молочных продуктов – домашних сыров и сливочного масла. Первыми по значимости животными всегда были коровы, после них – свиньи. Так уж повелось, что свиней ценили за мясо, а коров за молоко. Эти кормилицы, которые давали жирное молоко, из которого потом получали сметану, творог, простоквашу или варенец. Эти вот продукты тогда ценились дороже мяса. Говядину кушали только при крайней необходимости.

Все женщины в семьях не только владели секретами кубанской кухни, но и сами пекли вкусный хлеб на сыворотке. Обычно в будние дни для семьи они готовили не больше двух блюд, а вот по праздникам могли и больше трёх. Главное в еде хуторян – чтобы всегда был борщ, настоящий кубанский наваристый, с большими кусками хорошо проваренной свинины, свежей жирной сметаной и куском свежеиспечённого белого хлеба. Основой многих излюбленных кушаний многих хуторян была мука. Из пшеничной делали жидкие блюда: саламату или затирку. Затирка – одно из древнейших блюд народов Малороссии. Муку рукой растирали в миске с водой до тех пор, пока не образовывались шарики размером с горошину или фасоль. Их варили в молоке или в крайнем случае в кипятке с куриными яйцами. Затирка считалась готовой, когда тесто всплывало. Из кукурузной муки

делали мамалыгу – блюдо, которое любили местные черкесы. Рецепты перенимали у них. Из гречневой и ржаной муки приготавливали квашу – кисло-сладкую жидкость, подаваемую на стол с мёдом. Галушки – непременные составлявшие хорошего ужина, делали из замешанного пресного пшеничного теста, которое бросали небольшими кусочками в слегка подсоленный кипяток. На столе уже с осени всегда лежали соленные огурцы с чесноком. В пост первые блюда часто составляли из юшки или ки́ртофиля. Это простой суп из картошки, в который ложат много лука. А на второе шли вареники с шинкованной капустой, поджаренной на сковородке с салом. Ещё из постных кушаний любили шулыки, сделанные из мелко ломанных коржей толщиной в мизинец, политые мёдом с хорошо перетёртым маком. Получше всяких конфет. А самое любимое из сладких блюд – это узва́р, густой компот из сухих фруктов. Сахар для него покупали в Ладожской, обычно местный гирейский, большими конусообразными слитками весом по 5 кг.

Ненамного уменьшалась работа хуторян зимой. В эти короткие дни у каждого из членов семьи обязательно было какое-то своё дело. Взрослые мужчины вставали рано утром в четыре-пять часов и обходили двор, заглядывая в конюшню, коровники и загоны для скотины, проводили там уборку. Женщины потом в них кормили живность. Возили зерно на мельницу, рушили кукурузу, готовили корма животным. Мужчины днём занимались ремонтом инвентаря, домашних и хозяйственных построек. Вечером женщины и девчата пряли пряжу или вязали крючком, а мужчины обязательно что-то мастерили.

Весной, когда только хорошо потеплеет, начиналась заготовка сена для скота. Пригодной для сенокошения земли в Братском товариществе числилось не так уж и много – 80 десятин и ещё 115 десятин выпаса. Старики хутора отправлялись на луга осматривать уродившеюся там траву и её количество. Затем в хуторском правлении приступали к распределению сенокосов, составляли списки в зависимости от паёв Братского товарищества. Потом опять выезжали на луга и на границах долей глазомерно ставили «тычки» из хворостины, навязав на неё пучок сена. Если же кто-то был недоволен: мол ему этого маловато из-за плохой травы, тогда тому отводили ещё кусочек, но уже толоки (выгона). Были случаи, что в некоторые года почти целую неделю шла делёжка, нередко даже с ссорами между членами товарищества из-за отдалённой или неудобной земли. Но в результате всё решалось мирно и назначался день, с которого можно начинать косьбу. Косили сено обычно мужчины сообща, кооперируясь по десятку хозяйств, а затем уже скошенное с каждого участка хозяева развозили домой по скирдам.

В огородах на своих участках земли по весне обязательно садили различные овощи, картошку, огурцы и прекрасные розовые помидоры. Семена этих помидор завезли жившие в 3-х вёрстах от них на хуторе Морланга (сейчас Новосёловка) немцы-колонисты, прибывшие из Аккермана. Лучших семян в ближайшей округе не было, помидоры из них всегда вырастали сладкие, пресладкие и мясистые. Штук пять можно было запросто съесть с хлебом и солью в поле с большим удовольствием. Вкус их я помню с детства, сейчас таковых уже нет. Сам огород у большинства хуторян выходил на речку Зеленчук и поливная вода для овощей позволяла выращивать весьма неплохие урожаи. Для полива овощей обычно отрывали на берегу речки неглубокую яму – котлу́бань, оттуда черпали цебарками воду и лили под овощные культуры. В середине огорода почти у всех ещё стояла ко́панка (колодец) без сруба. С неё доставали чистую воду и раз в неделю носили штук по десять вёдер под плодовые деревья в саду, которые находились поближе к дому. Обязательно после посадки растений всегда удобряли разведённым сухим коровьим навозом.

В это же время на выделенном товариществом поле садили бахчу. Какую-то часть толоки Братское товарищество выделяло своим членам по 10-15 сажень на пай, в основном желающим хозяйствам, на которых каждый сам мог сажать кавуны (арбузы) или кабаки на корм скоту. Место бахчи обычно ограничивалось живыми урочищами или пашнями. Через год-два менялось на другое. Мой прадед обыкновенно осенью вместе со старшим сыном Яшкой по четвергам возил на ярмарку в станицу Ладожскую три-четыре гарбы (телеги) излишков кабаков со своей бахчи, продав которые, бывало, выручал до 10 рублей за день. К примеру, отрезы кашемировой материи тогда продавались по 30 копеек за аршин (аршин равен 72,11 мм). А у местных сапожников Гурских сапоги под заказ можно было приобрести за 3 рубля, модные лайковые туфли стоили очень дорого – аж 5 рублей. На базаре хороший бык стоил 70 рублей, косилка – 175 рублей.

В сегодняшних архивах практически не сохранились каких-либо документов Братского товарищества тех лет, но вот просматривая имеющиеся сельсоветские материалы 1920-х годов, я обратил внимание, что некоторые характеристики на тогдашних людей были написаны на обороте старых типографских листов от различных справок и же ведомостей товарищества. Видимо отсутствие бумаги вынуждало так делать первых советских руководителей на хуторе. Вот один из примеров найденного таким образом списка дополнительных расходов Братского поземельного товарищества на 1914 год:

1. Пахата	298
2. Баронование въ три следа	164
3. Лущение стерни	34
4. Уничтожение сорной растительности на вспашке после уборки урожая, уходъ за паромъ и прополка пропашныхъ	188
5. Уборка урожая, косьба хлебовъ	296
6. Уборка пропашныхъ	138
7. Кошение травы сенокосилкой	12
8. Свозка урожая и укладка в стога	354
9. Уборка сена и свозка его	62
10. Обмолотъ	76
11. Осеменение полей	196
12. Заделка семянъ	38
12. Очистка зерна	58
13. Другие мелочные расходы на ремонтъ орудий и машинъ	154
14. Семена хлебныхъ растений	157
А всего…	2225 рублей

Соседская солидарность всегда были основой взаимоотношений в быту каждого хуторянина. Каждый старался не причинять какого-либо вреда соседу. Во избежание нанесению убытков другим, все как-то огораживали свой приусадебный участок. Соседи по обычаю заборы и плетни строили напополам. Забором из дерева огораживали только входные дворовые места. Сады и огороды внутри – плетнём из ивовых веток. У большинства соседей были калитки для прохода друг к другу. Возле плетней нельзя было устраивать навозные ямы, рыть водосточные канавы, строить рядом с ним погребки. Деревья тоже садили только с разрешения соседей. Плодовое дерево, стоящее на меже, делилось по плетню. Плоды были того, на чьём участке они падали. Без позволения хозяина никто не мог входить в пределы его владения. Тем более прогонять через него скот. Но если тому нужен был проход к водопою или пастбищу, то соседи всегда предоставляли прогон для скота. Для этих целей хуторским правлением определялись дороги и тропинки. Никто не имел права воспрепятствовать другому пользоваться этими путями, застраивать или загораживать заборами. Был правда такой случаи на хуторе, когда один из членов товарищества загородил и засадил проход к Зеленчуку, обещая провести новый путь к водопою. Но он оказался менее удобным для окружающих, и тогда правление товарищества наняло рабочих, которые снесли «непотребную городьбу» за счёт этого хуторянина. На том месте и сейчас находится проход к мостику на бывший хутор Орлова (сегодня это на улицу Восточную).

Что известно о колодцах, то они были в каждом дворе. Кроме этого, в центре хутора было вырыто четыре общественных, использовать которые позволялось любому, но только для питья. Пользовались ими проезжающие, по большей части иногородние. Лошадей и коров поить с них запрещалось, их гоняли на общий водопой, устроенный неподалёку на реке. Относительно рыбной ловли на Зеленчуках, то любому можно было беспрепятственно ловить удочкой в текущих водах. Но обычно у каждого хуторянина было своё какое-то рыболовное место, на которое другой не претендовал. Сеткой в запрудах могли ловить только люди, выделенные для этого товариществом. Их улов продавался потом по хатам. Дело в том, что противоположный берег Большого Зеленчука всегда находился в введении некрасовского юрта, формально граница проходила посередине реки. Но при такой вот ловле сетками постоянно возникли неприятные моменты с некрасовскими казаками, некоторые из них были недовольны большим количеством выловленного. Те считали, что Братские хуторяне как-то приманили к себе рыбу, что не соответствовало действительности. Просто наиболее удобные места для рыбы находились ближе к правому берегу реки.

Жители одного кутка обычно сгоняли весь свой скот в одно стадо. Весной нанимали пастухов, а в межсезонье пасли сами поочерёдно. Пастухи (кайдальщики) с середины марта месяца и по ноябрь были из иногородних. Кроме оплаты осенью, пастухи каждый день получали от хозяев скотины по очереди ещё харчи. Стада гоняли в разные места. Коровы дойные и рабочие быки паслись вблизи хутора по реке, а гулевой скот – подальше на толоках. Вольно пасти скот можно было только после снятия хлеба и сена. Иногда соседи, у кого много детей, соглашались не нанимать пастухов, а пасли самим подённо, независимо от того сколько у кого голов. Но таковых было немного. Нанимаемые пастухи отвечали за пропажу скотины рублём, а вот с соседа за это ведь ничего не возьмёшь. Для наблюдения за бахчами хуторяне так же нанимали иногородних, а рассчитывались с ними частью урожая, который сторож обычно выбирал сам себе из лучшего на участке.

Каждое хозяйство на хуторе, какое большое оно не было, всё равно вынуждено было прибегать к помощи родственников или соседей в своих домашних делах. Повседневную одёжку хуторяне шили сами из домотканого полотна, которое выменивали у местных кустарей, а вот верхняя одежда, обувь и зимние кафтаны заказывалась готовыми в местных артелях. Утварь покупались в красных лавках, которые принадлежали в большинстве своём иногородним. За мебелью ездили в станицу Ладожскую или Уст-Лабинскую. Там всё было подешевле.

На Кубани раньше вообще собиралась, как говорили – «гуртом», родственники, друзья, соседи со знакомыми и за несколько дней строили молодым семьям саманную хату. Саман те заготавливался заранее, тоже коллективно. Во дворе делали круг, внутри которого лошадьми, привязанными к столбу, месили замес из глины и соломы. Затем на земле наполняли этим составом деревянные формы. Сушился саман не меньше месяца. Из него делали кладку стен и штукатурили их глинной с известью. Таким вот образом, с помощью родственников и друзей в то время были построены большинство хат хутора. Строевой лес заготавливали постепенно за несколько лет, в основном с делянок на левом берегу реки Лабы, напротив станицы Воздвиженской. Сами вырубали его и перевозили уже разбитый по сортам. Рубеля же по заказам привозили купцы с верховьев реки. Отделочные работы выполнялись так же своими руками. Родственники, соседи, кумовья, сваты, друзья и товарищи сами приходили поработать, зная, что в случае необходимости и им на помощь всегда придут окружающие. А потом вечером устраивалось пиршество с обильным угощением, умеренной выпивкой и весельем – своеобразным праздником труда. Работали все до упаду, но отдыхать и хорошо веселиться тоже умели. Соседи и родственники садились вечером за один общий длинный стол во дворе, кто-то брал в руки гармошку и на весь хутор долго *«справляли»* песни. Молодые в это время играли в *«Апанаса»* – это ловля девчат с завязанными глазами. Однажды я ещё маленьким мальчиком как-то на одной из таких вечеринок, где собралось довольно много народа, увидел, как мой дед Иван лихо станцевал старинную казачью лезгинку *«Ойся, ты ойся, ты меня не бойся»*. От всего этого я долго сидел с открытым ртом. Вот так довольно вольготно и жили люди на хуторе.

Самым радостным праздником на хуторе, в котором принимали участие все от мала до велика, была Пасха. В канун этого праздника каждый хуторянин приводил в порядок своё подворье. Мужчины убирали мусор со двора, привозили песок и разбрасывали во дворе, женщины белили дом. Для них работы было особенно много. Нужно было испечь сорок псалтырей (пасок), двадцать сдобных и двадцать пресных. Чтобы хватило на следующий праздник Вознесение, он праздновался через 40 дней после Пасхи. Пекли паски в основном из творога. В печке запекали ветчину, пекли печенье, варили и красили в различные цвета яйца. Варили кисель, молочную рисовую кашу, узвар, многие гнали самогон. По-особому украшали комнату, где принимали гостей и отмечали праздник. Приносили туда сушёные травы: чабрец, васильки, растирали их в ладонях, чтобы создать в комнате ароматный запах, зажигали ладан.

На иконе, зеркале, над окнами вывешивали рушники, выставляли веточки вербы. Под иконой стоял угольник. На нём размещали паски, псалтыри, яйца на тарелке и свечи. На стенке, выше угольника вешали снопики из колосьев пшеницы. В пасхальную ночь постель не стелили, все спали не раздеваясь. В канун праздника, сразу после захода солнца, церковь звоном колоколов извещала прихожан о наступлении большого праздника. Особо верующие собирались на всю ночь в церкви. С собой брали пасхи, яйца, сало, псалтыри, сливочное масло и прочее, чтобы утром освятить их. С вечера и до утра в церкви шла все время служба. Самый интересный ритуал происходил на рассвете. Тогда шла главная и ответственная служба: выносили плащаницу и стелили на стол перед алтарём. Священник восклицал: «Иисус Христос воскрес!» Все молились и подходили ближе к столу, чтобы увидеть икону Христа. Женщины от радости плакали, поздравляли друг друга. С этого момента в разных уголках церкви дети проверяли принесенные яйца на крепость, хотя это и запрещалось до их освящения. Чьё разбивалось от удара, тот должен был отдавать своё разбитое яйцо победителю. Многие ребята хитрили и заранее изготовляли деревянные крашеные яйца, их трудно было отличить от настоящих. К рассвету к церкви подтягивались люди чтобы освятить продукты. Внутри ограды у церкви на земле расстилали скатерти, а на них расставляли всё то, что принесли святить: паски, разного размера псалтыри, сало, масло. Собирался весь хутор. Вокруг церкви по кругу становились по два, а то и три ряда. Как только начинало рассветать из церкви после службы выходила вся свита и направлялась к пришедшим для проведения обряда. Впереди шёл священник, и поздравлял с праздником Пасхи. Возле него шёл титарь, который нёс святую воду. Следом шли «собиратели» и несли скатерть, на которую каждый прихожанин клал паски. Ещё два человека с корзиной собирали яйца. После освящения продуктов многие хуторяне отправлялись на кладбище посетить своих умерших родственников. Считали, что их души в этот день находятся рядом с Иисусом. Самый старший поздравлял с праздником Пасхи, читал молитву, вслед молились все члены семьи. Женщины ломали освящённую паску и раздавали пришедшим яички со сладким. По возвращении домой все садились за стол. Старший в семье становился перед иконой и долго молился, следом подходили все члены семьи и тоже молились. В конце трапезы младшие подходили к отцу и матери, целовали им руки и благодарили за обед. Молодёжь затем устраивала различные игры, танцы. Старики собирались группами на улице возле дома на посиделки. Тихо и спокойно протекал хуторской быт.

Вообще все жили на хуторе довольно мирно, драк и ругани особо не отмечалось, если у кого-то и была беда, родственники и соседи всегда помогали. Приходилось, конечно, слышать от старожилов, что бывали и трения между хуторянами, но проявлялись они в основном на волостных сходах. Сами члены Братского товарищества ходили на сходы не очень-то охотно, не желали отвлекаться от своих текущих дел. С окружающих хуторов собрать людей было ещё труднее из-за дальности расстояния и слишком небольшого интереса к таким делам. Мало кто желал в воскресенье ехать вёрст за пять для того, чтобы лишь отдать свой голос. Сохранилась докладная о том, что в 1913 году Братское волостное правление в течении нескольких месяцев никак не могло собрать сход и составить списки граждан, имеющих законное право голоса для выборов представителей на съезд Кавказских уездных землевладельцев. Вообще к отбытию натуральных повинностей привлекались хуторяне с неохотой, в особенности военных, так как по приказу отдела приходилось нести их безо всякого вознаграждения и старались каким-то образом откупаться. Это касалось каких-то срочных ночных караульных служб, выборов десятников при старшине или при назначении сборщиков налогов. На воинскую же службу хуторяне призывались наравне с другими селениями, но могли и откупится.

Данные волостного правления по использованию частновладельческой земли за 1912 год показывают, что подавляющее большинство крестьян в Братском товариществе относились тогда к зажиточным и всего лишь несколько хозяйств составляли бедняцкие, с доходами ниже средних по Кубанской области. Всё движимое и недвижимое имущество хуторской семьи считалось общей собственностью, но её распорядителем всегда был старший мужчина в семье. После его смерти распоряжение имуществом и паями переходило к его старшему сыну и так далее. Поэтому семьи не спешили разделятся. А если сыновей не было вообще, то к брату. В редких случаях к жене. Старики помнят, как-то в большой семье Марии Манько мать с пятью сыновьями решила стать главой семьи, так они, не получив от неё главенства, начали делится, а один обидевшись, вообще даже ушёл к тестю в примаки.

Отделяя сына от себя, семейство обычно совместно строило ему новую хату на приусадебной земле, выделяло часть домашнего скота и утвари, хозяйственный инвентарь. По прошению главы семейства правление товарищества наделяла тому часть земляных паёв. Но бывало, что отец сам сгонял сына со двора без выделения ему имущества за какой-то тяжкий проступок или же пьянство. Такие случаи были в семьях Киптило и Сидоренко. Тогда те шли в наёмные работники (батраки) на

соседние хутора или же к богатым землевладельцам. По этой причине распоряжение старших всегда было законом для всех членов семьи, так как те боялись остаться без какого-то отцовского вознаграждения.

Семьи хуторян в большинстве своём были патриархальными, работали в них все без исключения, в том числе и дети, сидеть кому-то без дела считалось просто недопустимым. До семилетнего возраста, мальчики преимущественно были привязаны к женской среде. Старшие считали, что в этот отрезок времени мать лично должна быть ответственна за их воспитание. А уже после, мужчины начинали постепенно приучать пацанов к труду – использовали в качестве погонщиков лошадей или заставляли пасти скот. По рассказам, даже самому малому моему пятилетнему деду всегда находилась работа: то принести что-нибудь, то присмотреть за телятами. С 12 лет работа ребят в поле становилась более регулярной, а с наступлением 15 лет – постоянной.

Женить парубков хуторяне старались в возрасте 18-20 лет – моложе не разрешалось, а вот девушек можно и пораньше в 16-18 лет. Если же не хватало возраста, то поп за солидный «магарыч» (подношение) почти всегда мог приписать возраст венчающейся. Зачастую родители для своих детей сами заранее выбирали жениха или невесту. Благочестивые отношения к старшим в семье были тем стержнем, на котором держались и крепились все семейные отношения. Поэтому женились и выходили замуж хуторяне предпочтительно между собой. Практиковалось переселение на хутор девушек из бедных иногородних с предоставлением им каких-то льгот в товариществе. Обычно такие невесты были умелыми работницами, хорошими хозяйками и преданными жёнами. Так как на хуторе всегда был избыток невест, то также приветствовалось если кто-то пожелал бы выйти замуж за какого-то дальнего справного казака. Удивительно то, что многие родители в Братском предоставляли свободное право выбора своим детям при женитьбе. Такие порядки практиковались в семьях Середа, Солодких, Ткаченко, Левченко. Например, старшая сестра моего деда – Матрена, вышла замуж за Матирного из станицы Платнировской, среднюю Надежду засватал казак Никоненко и та уехала с ним на хутор Романовский (ныне Кропоткин). Средний сын прадеда Яков женился на дочке Величко из хутора Раздольного. И это всё без особого участия самих прадедов. Как они тогда полюбовно находили друг друга – сейчас нам это трудно понять, но таковы факты. В случае же заключении браков детей членов товарищества с чужими примаками или вдовцами, то те должны были получать на это освящение (добро) правления. Иначе они потом не смогли бы претендовать на паи товарищества.

Вообще с начала XX века на юге России был отмечен небывалый экономический рост – открывались новые сельхозпроизводства и предприятия. Не обошло всё это и сам хутор Братский. На нем строились уже не хаты из самана под соломой, а большие кирпичные дома под железом. Можно с полным основанием считать, что перед Первой мировой войной хутор Братский был на вершине своего расцвета. Именно за эти годы в центре хутора Братского были выстроены многие капитальные здания, которые потом долго служили людям: семей Солодких (дом Быта), Маловиков и Апанасенко (школы), церкви (потом хуторской клуб), правление, ветлечебница. Некоторые из них дожили до нашего времени, стоят и ныне служат людям, например, кирпичный дом моего прадеда по улице Ленина (напротив товарищества «Восток»).

Дом братьев Солодких на хуторе Братском, выстроенный до 1910 года. Сразу после революции в нем располагалась школа, а с 1968 года он был передан под Дом Быта.

Интересно то, что в окрестностях хутора Братского издревле довольно широко было развито производство по выжигу кирпича из местного сырья на кустарных кирпичных заводах, хотя называть их так слишком громко. По берегам Зеленчуков довольно много суглинков, которые всегда использовались местными в качестве сырья. Выжигаемый из них кирпич пользовался большим спросом у жителей окружающих мест и вполне конкурировал по цене и качеству с большими войсковыми кирпичными заводами. Были таковые и на хуторе Братском, один недалеко от того места, где сейчас почта по ул. Советской, у самой реки. Первые кирпичи оттуда шли на строительство церкви. На таком заводике работало обычно 3-4 работника. Кирпичные мастера выбирали

глину, лежавшую под грунтом около берега, и осенью её выкапывали. Цвет самого сырца имел при этом важное значение. Добытую часть глины оставляли на открытом воздухе на зиму. Весной после таяния снега и размораживания она трескалась, у неё вымылись соли. Затем высушивали, чтобы можно было легко работать вручную. Сухую глину тёрли в порошок и просеивали, избавляясь от мелких камней. Снова размешивали с водой и месили, пуская по кругу лошадей, которых гонял погонщик. Формовщик кирпичей был главным в процессе производства кирпичей и стоял возле своего стола бросая размешанную глину в посыпанные песком формы по 12 часов не прерываясь. Вместе со своими помощниками он мог заложить до 5 тыс. кирпичей в день. Сушили формы по две недели на открытом воздухе в солнечном месте на берегу реки, а потом обжигали 5-7 дней в глиняных печках. Кирпич получался крепким, работники дорожили своей маркой и старались строго соблюдать технологию. Наиболее известных таких производств в округе было тогда более десятка: самое большое «Нейхейм» в Новосёловке, чуть поменьше – в Новоекатериновке, ещё два восточнее хутора Болгова, глинища Муравейко по берегу Зеленчука за хутором Согласным, небольшой заводик – севернее хутора Ковалёва. По левому берегу реки Кубани возле Ладожской в те времена работали три крупных завода, хозяевами которых были Евсюков, Саоков и Язвин. Кирпичи с клеймами таких производств можно и сейчас найти по хуторам Братского поселения при ремонте каких-то старинных домов.

Образцы кирпичей с клеймами товариществ «Братское», «Neuheim», «Ульян Болгов и Скрыльников», из которых в XX-м веке были выстроены дома в Братской волости.

Местный народ на Кубани до первой мировой войны в большинстве своём богател. В Братской волости стал появляться новый слой довольно крупных сельхозпроизводителей – кулаков, перестроившие свои хозяйства на капиталистический лад, занимавшиеся только наймом живого труда для обработки как своей земли, так и на взятой в аренду у других землевладельцев. В эти годы в метрических книгах церкви хутора Братского довольно часто стали появляться фамилии с записями о сословии – «мещанин». Чаще всего это были разбогатевшие местные крестьяне, купившие дома в Екатеринодаре или Майкопе и получившие там эти сословия. Наиболее известны такие семьи: Муравенко, Мироновы, Попковы, Котляровы.

К примеру, Павел Муравенко прибыл на Кубань в конце 1860-х годов из Екатеринославской губернии села Щербиновки Бахмутского уезда после скандала там с каким-то тамошним паном, у которого он работал по найму. Тот ударил Павла плетью, а он в злобе *«посадил пана на вилы»,* после чего был вынужден бежать и скрываться. Через какое-то время Павел с сыном Саввой как-то смог уехать на Кубань, где примкнул к макаровским крестьянам-арендаторам. После смерти пана Павел перевёз всю оставшуюся семью на юг. По-уличному их все звали Муравейки – в ней только мужчин числилось 12 человек, ну чистый муравейник. Семья, взявши в аренду земли у генерала Зедергольма Альберта Карловича (1822-1878 гг.), очень хорошо зарабатывала на посадке кукурузы. Вначале Муравейки жили все вместе в одной небольшой хатке на хуторе, а в начале века уже начали расселятся по окрестностям Братской и Семёновской волостей. После смерти генерала Зедергольма, довольно образованный по тем временам внук Саввы Муравенко – Яков Андреевич, выкупил у сына генерала Владимира в 1904 году 430 десятин владельческого участка и начал сдавать земли окружающим крестьянам под арендную плату порядка 10-14 рублей за десятину в год. На заработанные деньги прикупил в Братской волости ещё земли и отдельно от хуторских на своём участке построил хороший кирпичный дом с прислугой. Приобрёл две паровые молотилки для крестьян, а уже к 1910 году выстроил двухэтажное домовладение в Екатеринодаре, оценённое тогда риэлторами в 31 тыс. руб. Так вот, этот большой красивый дом семьи Муравенко и сейчас стоит в центре города Краснодара на углу улиц Седина д. 59 (бывшая Котляревского) и Гимназической д. 91. Внуки утверждают, что он был сделан из кирпича собственного производства. Кстати, в его доме останавливался мой прадед, точнее во флигеле, когда ездил на заседания Кубанской Рады. В то время часть дома там арендовала школа художественной живописи. В Екатеринодаре Яков Андреевич Муравенко подал прошение в Мещанскую Управу и получил звание, которое потом перешло на всех членов его семьи, живших в Братской волости и станице Некрасовской.

Аналогично и с семьёй Мироновых, где тоже было довольно много рода мужского. Прибыли они в 1880-е годы, как и большинство местных крестьян, из селения Вязовок Павлоградского уезда Екатеринославской губернии. Иван Миронов вместе со своим братом Степаном тогда занимались чумачеством с Бахмута, т.е. перевозкой и продажей. Много они поездили по Кубани, посмотрели, как тут осваиваются тамошние крестьяне и стали инициатором переезда семей на юг. Иван с братом добирались к новому месту со скарбом на быках, а вот их семьи

приехали по новой железной дороге. Поселились все на соседнем с Братским участком у генерала Фролова, где брали в аренду земли под производство сельхозкультур. Почти сразу же Мироновы изготовили самостоятельно паром для гужевого транспорта и получив в 1889 году разрешение от атамана, начали перевозки людей с их грузами через реку Кубань в районе старого брода у Ладожской. На чем довольно неплохо зарабатывали. В начале XX века уже сын Ивана – Дмитрий выкупил земли у вдовицы генерала Фролова и построил недалеко от его имения новый дом с усадьбой на площади в шесть десятин. Перед революцией очень подешевела недвижимость, и семья Мироновых начала её скупать, купив недорого одноэтажный кирпичный дом со флигелем в Екатеринодаре (сейчас он снесён, это где-то в районе ул. Гоголя, д. 32).

В Екатеринодаре по ул. Борзиковской д.31 (сейчас это Коммунаров) имел тогда большой дом и Николай Гаврилович Нееленко (1842 г.р.), служивший с 1869 года гражданским чином по военно-медицинскому ведомству в станицах Усть-Лабинской и Ладожской, сам имевший наследственный титул дворянина: «изъ оберъ-офицерских дѣтей г. Изюма Харьковской губерніи. Окончилъ Императорскій Харьковскій университетъ своекоштнымъ студентомъ на медицинскомъ факульте съ званіемъ лѣкаря». Приказом по Кавказскому военному округу от 1874 г. был назначен коллежским асессором (согласно табели о рангах того времени, это соответствовало капитану). В 1895 году выйдя в отставку с чином коллежского советника (мундир генерал-майора) и полной пенсией за выслугу лет, он стал директором Ладожской учительской семинарии. Для постоянно жилья Нееленко построил себе дом в станице Ладожской напротив церкви. А ещё ранее в 1883 году, на собранные при службе средства он покупает 552 десятины земли у отставного генерала Габаева из Ладожской и сдаёт её местным крестьянам в аренду. Этот участок как раз граничил с Братским товариществом. В 1906 году он по довольно выгодной цене предложил тамошним крестьянам выкупить его земли, что некоторые из них и сделали. После 1909 года учительская семинария была переведена в Екатеринодар, куда и перебирается коллежский советник. Там дела у него шли довольно неплохо, он числится вольнопрактикующим врачом и строит большой особняк с бактериологической лабораторией и химическим кабинетом по улице Гимназической д.52 (номера домов старые) стоимостью порядка 47,2 тыс. руб. и дом на углу Борзиковской и Базарной д.31/49 за 17,5 тыс. руб. (сейчас это ул. Коммунаров и Орджоникидзе д.55). Ближе к 1913 году на него регистрируются ещё три домовладения по улицам Новой д.138, д.165 и по улице Кузнечной д.204.

Со временем Екатеринодарская Городская Управа выдала всем этим господам удостоверения о мещанском сословии. Члены их семей, да и они сами, летом жили в своих поместьях и имея многочисленных родственников по Братской волости, довольно часто посещали наиболее близкую к ним церковь на хуторе Братском, делали в ней какие-то метрические регистрации, вот откуда и пошли в книгах записи об их сословиях. После 20-х годов XX столетия всем вышеперечисленным семьям из-за репрессий пришлось покинуть свои дома в Братской волости, основная часть разлетелась по Северному Кавказу, часть из них во время революции была расстреляны. Позднее в усадьбе Мироновых обосновалась Братская школа крестьянской молодёжи, а в поместьях Муравенко и Нееленко – сельхозучилища.

Первая мировая война, а затем и последняя Кавказская, так или иначе, но хорошо тогда задела всю Кубанскую область. На хуторе Братском о начале войны узнали в начале августа 1914 г. Все трудоспособные были в поле. Утром зазвенел церковный колокол. Бросили все работу – и на хутор. А навстречу им уже мчалась детвора на лошадях: «*Война! Германец ийдетъ на Россию*». Сначала большинство коренных хуторян на войну не мобилизовали, давали всем отсрочку, кому по семейным обстоятельствам, кому по возрасту. Призвали с десяток молодых парней 1892-94 годов рождения, и то в войсковые обозы. В назначенное время на сборный пункт должны были явиться отобранные мужчины призывного возраста, с запряжёнными в бричку парой лошадей и необходимым для вьючной службы инвентарём, который перечислялся в полученном хуторским правлением предписании. Спустя какое-то время на хуторе уже пошли массовые призывы. 17 октября 1914 г. турецкие корабли обстреляли Новороссийск. Россия объявила войну Турции и начались военные действия на Кавказском фронте. Столкнувшись с армией далеко не передовой страны, но обученной и вооруженной передовыми державами, империя Николая II вот тут обнаружила всю гнилость своей социально-экономической системы. Из деревень и станиц на войну взяли наиболее работоспособную часть крестьянства. Военные ведомства начали реквизировать лошадей, мясной скот, хлеб. Министр земледелия Риттих осенью 1916 года тогда решился на крайнюю меру: объявил принудительную разверстку хлеба. Попытка эта окончилась крахом, крестьяне сумели сберечь свои запасы. Но товарность Братского товарищества резко пошло на убыль. Нечем было платить сильно увеличивающиеся налоги и поборы. С армии всё больше и больше стали приходили письма с пораженческими настроениями.

Война быстро приближалась к границам Кубани. Тут уже стали призывать всех оставшихся здоровых ребят на фронт. Приблизительное число призванных с Братской волости в 1915 году – 95 человек. Известно о безвозвратных потерях (погибших) с Братской волости за 1915-16 года – это 29 человек.

Участники 1-й Мировой войны с хутора Братского из 14-го Кавказского стрелкового полка 4-й Кавказской бригады. Вверху слева: Сидоренко Ф.Г. 1893 г.р., Хоружевский М.П. 1892 г.р., Ушаков С.К. Ниже сидит Лондарёв К.С. 1891 г.р. Фото 1916 г., Турция, п. Каракурт.

Во время Первой Мировой войны сам хутор Братский, хоть и приходил в упадок, все же продолжал кормить себя и армию продовольствием, но вот за все года прошедшие со времени основания хутора впервые коренное население пошло на уменьшение и к сентябрю 1916 года составляло всего 270 душ. Везде по соседним хуторам увеличивалось постоянно проживающих иногородних батраков. Весной эти люди во время полевых работ ходили в поисках хоть какой-либо работы, а если её находили, то оставались жить там же у хозяев по нескольку лет. В 1914-16 годах число неоседлых, живших на самом хуторе Братском в зимние месяцы, официально доходило до 150 человек. Резко сократилось число арендовавших землю у помещиков-землевладельцев. Правда некоторые иногородние «скопом» брали какие-то совсем

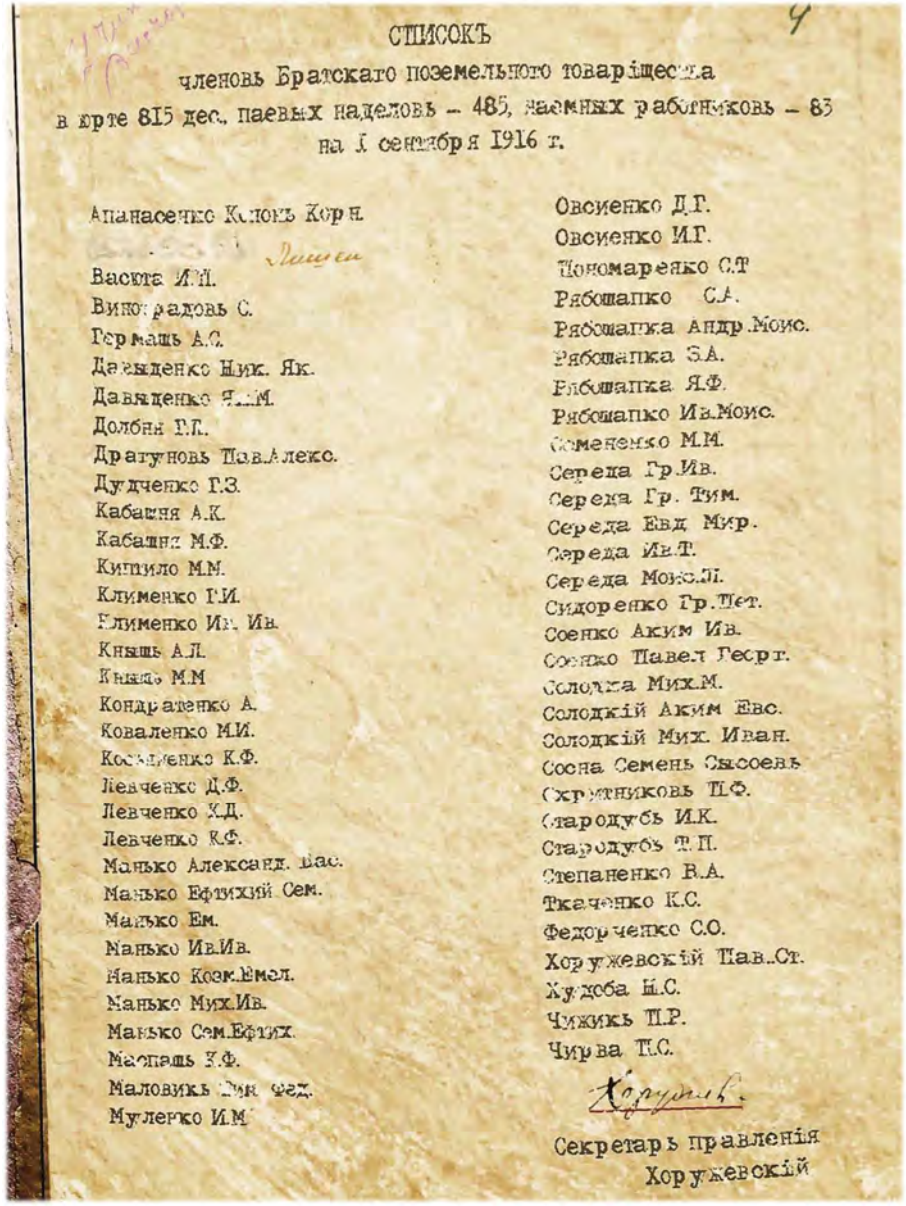
небольшие участки. Они арендовали какую-то частную делянку, вспахивали и засевали её, а урожай потом делился на три части, одна часть которого доставалась хозяину. На землях же Братского товарищества батраки работали в основном по найму, за счёт чего кормились. Эти иногородние пользовались правом пользования общественными выпасами и кошения камыша, рыбной ловли на Зеленчуках. Но строить жильё и перевозить семьи на хутор таковые могли только с позволения хуторского правления, да и то под видом родственников какого-то хуторянина, заручившегося за них и с обязательного согласия всех членов Братского товарищества. Тогда бы они смогли получить осёдлость.

Названіе населеннаго мѣста. Сверхъ его—общее число десятинъ земельнаго довольствія. Подъ нимъ—общее число душъ всего населенія. Въ скобкахъ—указаніе, если административно причислены къ иному мѣсту (но имѣетъ своего правленія).	Земельное довольствіе въ десятинахъ.							НАСЕЛЕНІЕ.									
	Число пашныхъ надѣловъ.	Пахоты.	Сѣнокосу.	Выпасу (сѣнокоси или выгонъ).	Лѣса, садовъ и кустарника.	Плавней или болотъ.	Иныхъ угодій.	Число дворовъ (домохозяйствъ)		ЧИСЛО ДУШЪ.						Національность коренныхъ жителей.	Вѣроисповѣданіе коренныхъ жител.
								Коренныхъ жителей.	Иногородн. жителей.	Коренныхъ жителей.		Иногородныхъ.					
												Осѣдло живутъ.		Временно прож.			
										М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.		
2	3	4	5	6	7	8	9	1	11	12	13	14	15	16	17	18	19
800 дес. Братская вол. . . 351 душа	—	485	—	800	—	—	15	53	—	130	140	—	—	33	48	Рус.	Прав.

Братский хутор в списках населённых мест Кубанской области за 1916 год.

Само же Братское поземельное товарищество оставалось для всех хуторян той основой, которая позволяла всем, в тои числе и пришлым иногородним более-менее нормально существовать и кормить свои семьи. За обеспеченностью продовольствием всего населения хутора Братского при неурожайных годах или же стихийных бедствиях, как и прежде, следило правление Братского товарищества во главе со старостой. Правление ещё до сбора урожая собирало на сход членов товарищества, на котором решались вопросы по количеству и ассортименту закладки общественного магазина. Составлялась Решение по выдаче доли бедным или лишившихся кормилица членам общины. Сходы признавалось компетентным во всех делах правления.

Вот список членов Братского поземельного товарищества на 1916 год, (восстановлен) принимавших участие в голосовании по особо важным вопросам в жизни хутора и для выборов представителей съезда уездных землевладельцев при избирании депутатов в Государственную Думу:



СПИСОКЪ

членовъ Братскаго поземельного товарищества

в арте 815 дес., паевых наделовъ – 485, наемных работниковъ – 83

на 1 сентября 1916 г.

Апанасенко Колокъ Корн.
Васюта И.И.
Виноградовъ С.
Германъ А.С.
Давыденко Ник. Як.
Давыденко Я.М.
Долбня Г.Г.
Дратуновъ Пав.Алекс.
Дудченко Г.З.
Кабанна А.К.
Кабанна М.Ф.
Кипило М.М.
Клименко Г.И.
Клименко Ив. Ив.
Кнышъ А.Л.
Кнышъ М.М
Кондратенко А.
Коваленко М.И.
Ковалъ Ф.К.
Левченко Д.Ф.
Левченко Х.Д.
Левченко К.Ф.
Манько Александ. Вас.
Манько Ефимий Сем.
Манько Ем.
Манько Ив.Ив.
Манько Коз.Емел.
Манько Мих.Ив.
Манько Сем.Ефим.
Маспанъ Х.Ф.
Маловикъ Ник. Фед.
Мулерко И.М.

Овсиенко Д.Г.
Овсиенко И.Г.
Пономаренко С.Т
Рябошапко С.А.
Рябошапка Андр.Моис.
Рябошапка З.А.
Рябошапка Я.Ф.
Рябошапко Ив.Моис.
Семененко М.М.
Середа Гр.Ив.
Середа Гр. Тим.
Середа Евд Мир.
Середа Ив.Т.
Середа Моис.П.
Сидоренко Гр.Пет.
Соенко Аким Ив.
Соенко Павел Георг.
Солоха Мих.М.
Солодкій Аким Евс.
Солодкій Мих. Иван.
Сосна Семенъ Сысоевъ
Схрятниковъ П.Ф.
Стародубъ И.К.
Стародубъ Т.П.
Степаненко В.А.
Ткаченко К.С.
Федорченко С.О.
Хоружевскій Пав.Ст.
Худоба Н.С.
Чижикъ П.Р.
Чирва П.С.

Секретарь правленія
Хоружевскій

Первая Мировая и последняя Кавказская войны очень сильно сказалась на жизни всех хуторян, особенно сильно почувствовали бедняцкие хозяйства иногородних. Бедные продолжали беднеть, а богатые начали разорятся. Стали приносить с фронтов безрадостные вести о гибели однополчан и возвращаться инвалиды. Принесли первые похоронки в семьи Стародуб, Клименко и Ефременко. Мрачные лица, слезы и горе пришло в дома многих хуторян. Появились вдовы, без мужиков рушились их хозяйства. Поражения Русской армии в Европе, непомерная тяжесть войны для крестьян и бедствия рабочих масс в центральной России, тяжёлым эхом подкатилось в то время и к Кубани. На смену патриотическому подъёму с начала войны, возобновились стихийные продовольственные бунты, аграрные движения иногородних против казачества, забастовки на предприятиях. Очень резко поднялись цены на промышленные товары и сельхозтехнику. Инфляция обрушила покупательную способность рубля. Тыл страдал от нехватки предметов первой необходимости и повышению цен на них. Кубанские крестьяне, не получая необходимых промышленных товаров, отказывались поставлять продукты своих хозяйств государству. Внутренняя ситуация в стране начала усугубляться продовольственным кризисом 1916 года. В самой России впервые появились очереди за хлебом. Уборка и обмолот зерновых затягивался до глубокой осени из-за отсутствия рабочих рук. Тогда же началась самая первая царская продразвёрстка. В эти года на хуторе Братском всё больше и больше стало появляется иногородних.

По поводу иногородних. До революции 1917 года на Кубани существовал своеобразный военно-бытовой уклад с общественным управлением станицами и хуторами – традиционный казачий демократизм, привязывающий всех жителей к месту. Помимо общероссийских законов на Кубани, в отличие от других мест России, имелось своё положение о пользовании землёй, которая на 70% принадлежала Кубанскому Войску. Переселенцы с Малороссии и России начали приезжать на Кубань с конца XVIII века после окончания войн. Большинство из них работали на казаков, обрабатывали паевую землю, помогали пасти их скот на выгонах. Крепостного права на Кубани никогда не было, местные крестьяне хоть и были зависимы от Войска, но это отнюдь не ущемляло их права. Но немало среди приезжих было людей без документов, таким приходилось тяжелее всего, если их выявляли, то штрафовали и отправляли за пределы юртовых земель. По приказу атамана полковое начальство Кубанского Казачьего войска проводило рейды, чтобы найти таковых людей. Местные жители жалели

их и часто помогали, показывая безопасные места, где можно скрыться, когда на хутор приезжала экспедиционная команда казаков. Беспаспортные были бесправными работниками и это весьма устраивало местных. Со временем ситуация изменилась. В 1862 году после выхода «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» правительство стало способствовать переезду, был издан целый ряд законов. На Кубань массово поехали жители малороссийских и центральных губерний страны. В итоге слабо контролируемая местной администрацией миграция привела к обострению земельной проблемы, ставшей в последующем причиной напряжённости и конфликтов между местными и иногородними. Продолжалась такая благодать для иногородних недолго, до начала 80-х годов XIX века, когда на российский престол взошёл Александр III. Он начал проводить антипереселенческую политику – центральные области России стали малонаселёнными из-за этого. Казачья администрация Кубани так же сама стала применять дополнительные административные меры, препятствовавшие переселению. Местные власти ввели повышенную посаженную плату, что уменьшило, но не прекратило поток переселенцев. К концу XIX века иногородних на Кубани стало больше, чем казаков. Иногороднее население нарушало традиционный уклад жизни местных.

К тому же времени центральные волости Кубани стали типичными районами аграрного капитализма. Очень широко начала практиковаться субаренда земли. Крупные землевладельцы, воспользовавшиеся своим положением, скупали или брали в аренду земельные участки как из войсковых земель, так и частнособственнические, а затем нанимали для их обработки сельскохозяйственных рабочих. Пользуясь большим притоком сезонных иногородних, хозяева при этом устанавливали им непомерно длинный рабочий день, снижали подённую оплату, обсчитывали при расчётах. Им можно было давать минимум натуроплаты и точно знать, что жаловаться они никуда не пойдут. Низкая оплата их труда, ненормированный рабочий день, начали порождать серьёзные противоречия сродни классовым. Пришлые в силу совсем уж своего бедняцкого положения негативно относились к более зажиточным коренным, которые по их понятиям их эксплуатировали. А всё прибывавшие и прибывавшие нуждающиеся крестьяне из центральных губерний России оказывали довольно сильное революционное воздействие на местных хлеборобов и казачью бедноту. У них явственно проявлялись неприязненные отношения, чувствовалась

естественная зависть пришельцев, но всё же особого антагонизма между ними и коренными тогда ещё не существовало, хотя и раньше были повсеместные жалобы бедняков на отсутствие у них земли.

В Братской волости трудящийся народ конечно и раньше протестовал, но тогда эти настроения чаще всего носили единичных случаев, массово особо они не проявлялись. В большинстве своём это были иногородние крестьяне. Например, в мае 1902 году забастовали и устроили серьёзный погром хозяйской сельхозтехники крестьяне с хутора Ковалёва, где им весьма сильно повысили арендную плату за землю. Хутор входил в состав Некрасовского юрта, казаки которого не захотели вмешиваться в конфликт, считая арендаторов правыми в своих требованиях. На просьбу землевладельцев утихомирить бунтовщиков, атаман по-казённому им отказал. В тот год довольно сильные протестные события началось с хутора Северина, что левом берегу Кубани напротив станицы Тифлисской на землях полковника Иосифа Терашкевича. Как только тот в 1965 году получил землю от Войска за свои заслуги, то сразу занялся переправой через реку Кубань у Тифлисской и к 1880 году построил новый широкий мост. Став инспектором переправ Кавказского отдела Кубанского войска, содержал его за свой счёт, за что потом Войсковое хозяйственное правление Кубанской области выплачивало ему 32500 рублей. (Кстати, его средний сын Людослав был убит революционерами в 1908 году в Тихорецке, а младший – Иосиф запускал первый трамвай в Екатеринодаре). Для своего огромного сада Терашкевич организовал там хутор, который позднее назвал по фамилии тестя – «Се́верин». На левый берег Кубани сразу же устремилось множество иногороднего населения. Так на набережной реки вдоль дороги стихийно появился один из самых больших рынков крестьянской рабочей силы на Кубани, где и произошли крупные волнения наёмных работников. Несколько тысяч безработных крестьян из центральных губерний России, потерявшие всякую надежду наняться на работу и оставшись совсем без продуктов и ночлега стали грабить на хуторе и угрожать восстанием. В конце мая 1902 года они начали погромы имения Терашкевича. В июне доведённые до отчаяния крестьяне, проникнув в дом соседнего землевладельца Пеховского забрали свои долговые расписки, а потом разгромили склады купца Мордовцева. Затем волнения перекинулись на соседние поселения. Прибывшая казачья часть сначала разогнала толпу, а затем уже взялась и за бастовавших местных крестьян по окрестным хуторам. В результате на хуторе Ковалёва всё окончилось мордобоем с казаками с последующими откровенными гонениями на иногородних.

А в 1906 году крестьяне, жившие на хуторе Фролова, поднялись на забастовку и хорошо избили местного крестьянина-землевладельца Дмитрия Миронова за то, что тот монопольно взяв в аренду все их земли у г-жи Фроловой предложил работать на ней же подёнщиками при мизерной оплате труда или же принять её в субаренду, но только за двойную цену. Разгневавшись, те попытались поджечь его дом. Приехавший вовремя с Ладожский полицейский наряд немного успокоил их плётками. Но они так и не стали Миронову ничего платить, подняв восстание, отбили все земли, которыми ранее пользовались. Тогда зачинщиков по жалобе арестовали и отвезли в Кавказский отдел Войска. Вот что они там писали в своей объяснительной в подведомственном отделе жандармерии: «*Мы только хотели честно трудится на земле, желая прокормить наши семьи, но нам владельцы её не дают за деньги, остаётся одно: побросать детей в Кубань, а самим идти на большую дорогу».* (Архивный отд. Упр. МВД по Краснодарскому краю. Материалы по революционному движению на Кубани. Док. №156.). После долгих уговоров и нажима местных властей наследники генерала Фролова всё же согласилась продлить аренду земельного участка на прежних условиях, но только крестьянам, постоянно живущим на хуторе. Оставшиеся иногородние вынуждены были наниматься в батраки к Мироновым. Вот как описывал тяготы их жизни на хуторах Братской волости корреспондент местной эсеровской газеты «Голос» в №4 за 1906 год: *«Высокая арендная плата иногородним служит причиной того, что на хуторе, несмотря на значительное количество число жителей, нет даже молока для их детей из-за отсутствию пастбищ на хуторе, и что их животные приспосабливаются есть совершенно непригодную для них пищу».*

На самом же хуторе Братском общепринято было что все жители должны наравне отбывать натуральные повинности, но в военные годы к ним стали больше привлекаться иногородних без осёдлости, чаще за какие-то совсем небольшие деньги. Местные же под разными предлогами предпочитали работать на своих полях, стараясь получить побольше с них доход. Во многих своих бедах они огульно винили иногородних. Притеснялись иногородние и в общественной жизни. Постепенно усиливающаяся антипатия беднейших слоёв приводила тогда к столкновениям отдельных личностей, но вот массового проявления на хуторе ещё не было заметно. Антагонизм в основном привносили приезжие батраки, до революции бежавшие с центра России из-за бедности и отсутствии необходимых средств к достойному существованию, а больше вояки, позже вернувшиеся с южного фронта.

Недостатки и уродливость форм царского правления чувствовались тогда всеми и давило на сознание даже тех, кто был далёк от политики. На войну демобилизовали хлеборобов, а царские служители сидели на свои местах с отсрочками. Повсеместно начались сплошные поборы, увеличились взятки чиновникам и судьям за решение любых вопросов касательно финансовых дел. Пошли какие-то непонятные проверки товарищества со стороны госструктур с начислением штрафов. Всё больше и больше нужно было платить людям: за перевозки грузов, за проезд по мостам и частным дорогам, за какие-то дополнительные услуги мельниц и маслобоен. Это всё начинало доводить многие хозяйства хуторян до упадка. Из-за резкого снижения прожиточного уровня всё больше людей становилось недовольных казачьим органами власти и царским правительством. Они пытались протестовать, устраивая мирные митинги или забастовки. Но в июле 1916 года в Кубанской области уже впыхнули так называемые «хлебные бунты». Голодные жены воюющих на фронтах Первой мировой войны из-за резкого повышения цен на продукты начали устраивать погромы лавок и магазинов. Много трудоспособного мужского населения было тогда на турецком фронте. Туда и стала агресивно проникать антиправительсвенная пропаганда, а когда в 1917 году произошла февральская революция, некоторые иногородние солдаты первыми дезертировали, то есть просто бросили фронт и стали возвращатся с Кавказа. Боясь идти домой, они бродили группами вдоль железных дорог, подбирали свежих дезертиров, вели пропаганду, вооружались и грабили гражданское население. Позже вообще стали бросать фронт и некоторые кубанские казаки. Они не желали подчиняться командованию, со своими командами и оружием возвращались домой под влиянием пропаганды о лучшей жизни, с солдатами и иногородними в спор не вступали. Иногородние же повсеместно собирали свои революционные комитеты. Отбирали у казаков лошадей и старались вооружиться. Они активно вели пропаганду, особенно против боевых офицеров и генералов, не брезгуя даже ложью. На юге Кубани вокруг железнодорожных станций собирались толпы вооруженных солдат. У них были свои комитеты с комиссарами и они старались распространить свою власть на соседние станицы и хутора. К тому времени стали возвращаться с войны многие молодые жители хутора Братского. Некоторые из них воюя на фронтах сблизились с революционерами и уже начали ясно понимать, как трудовое население должно бороться с царским режимом за свою лучшую жизнь.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ НА ХУТОРЕ БРАТСКОМ

Молодёжь в те революционные годы уже была сильно пропитана идеями, внушёнными ей на митингах о свободе и счастье для всех хлеборобов. В станице Ладожской эсеры и коммунисты постоянно проводили такие митинги с обсуждением вопроса о том, какая же нужна власть. Обычно заканчивались они там дракой или мордобоем казаков с иногородними. На самом же Братском всё это происходило как-то поспокойней. Информация на хутор поступила обычно с опозданием, да и мало кто ею интересовался. Митинги заезжих агитаторов мало кто посещал, все больше были заняты на сезонных работах. Люди старались поскорей разойтись по своим делам. По существу, революционные процессы на хуторе вначале были чисто внешними и особенно не влияли на повседневную жизнь. Но потом всё больше начали проходить сходки бедноты, бросавших работу ради появления на хуторе нового агитатора. Те же ставили им принципиальные вопросы: почему некоторые живут в роскоши, а вот ваши крестьянские дети бедные, только ходят по людям и просят кусок хлеба, не имеют даже обуви. Сходки иногородних чаще всего проходили вечером на Зеленчуке под открытым небом, а когда холодно, то в сарае или в хате у кого было поменьше детей. Революционным идеям были наиболее подвержены в те годы окружающие бедняцкие хутора, в которых проживало довольно много крестьян, не имеющих собственной земли и арендовавших её у собственников: Фролов, Согласный, Нееленский, Муравенко, Ново-Екатерининский. В этих хуторах в 1916 году уже создались первые коммунистические ячейки под руководством местных иногородних. Сущность и значение всех этих исторических событий усваивались коренными жителями тогда с трудом, но они вселяли в умы наиболее домовитых хуторян весьма большие тревоги.

В Братской волости одним из сорганизовавших многих местных борцов за справедливую жизнь был Муравенко Сергей Яковлевич (1883-1922 гг.), сын известного крестьянина-землевладельца. После окончания военного училища Сергея забрали служить в Севастополь. В октябре 1905 года во время всероссийской политической стачки, уже будучи старшим унтер-офицером, он вступил в ряды социалистической революционной организации «Союз офицеров – друзей народа». Подвергнувшись их идеям о справедливом устройстве российского

общества, участвовал в известном восстании против царской власти моряков с броненосца «Потёмкин» под руководством лейтенанта Петра Шмидта, который подняв на бунт довольно много матросов, провозгласил себя командующим Черноморским флотом. После неудавшейся попытки мятежа, закончившийся для них довольно печально, восставшие сдались. Неудачным оказалась и решение его партийной ячейки вызволить подкупом мятежников из тюрьмы. Сергей участвовал в организации их освобождения из крепости Очаков. Но на последнем заседании революционной организации старший офицер объявил, что вся их подпольная деятельность охранкой раскрыта. Муравенко присутствовал при расстреле лейтенанта Шмидта и тот перед казнью подарил ему свои именные мо́зеровские чугунные часы. Поголовно всех причастных к делу Шмидта потом судили и отправили этапом в ссылку на русско-японский фронт. После поражения России в Японской войне, демобилизовавшись Сергей вернулся домой и поссорившись со своим отцом, устроил в Братской волости забастовку, подговорив крестьян требовать от местных землевладельцев не увеличивать им арендную плату за землю. И те мирным путём добились своего. Во время февральского переворота 1917 г., считая себя уже опытным революционером, вошёл в руководящие органы волости от эсеров. Большевизм он не признавал, говорил, что тот только может искалечить революцию. Больше веря в частную собственность, стал скупать распродаваемые по дешёвке земли для создания крестьянских коммун. Правда потом все эти земли Советская власть реквизировала. Уже после революции он всё ещё оставался в рядах наиболее почитаемых в округе героев революционного движения, пребывая в их числе и в начальный период становления Советской власти. К сожалению, Сергей Яковлевич Муравенко был убит в 1922 году членами орудовавшей местной банды из-за пары хороших лошадей и дорогих шмидтовских часов. Бандитов так тогда и не нашли, но многим хуторянам их имена были хорошо известны.

Муравенко Сергей Яковлевич 1883 г.р.. – один из почитаемый героев революционного движения в Братской волости.

События в феврале 1917 г. по отречению царя Николая II, переворот и смена власти на Временное правительство хоть и застали население хутора Братского врасплох, но прошли всё же как-то тихо, как и положено в относительно отдалённой провинции. В Братское правление это сообщение официально поступило через три дня. Позже мой прадед Конон привёз со станицы центральные газеты, где сообщились подробности о падении самодержавия и образовании Временного правительства. По рассказам стариков, на хуторе Братском жители с каким-то полным безразличием и непротивлением поддавались революционной агитации. Реальной же властью на хуторе всё ещё оставалось волостное правление, где управлял поставленный Кавказским отделом Войска старшина Апанасенко. Согласно присланным циркулярам, как и по всей Кубанской области, прошла реорганизация органов волостного управления. К старым органам власти добавился ещё один новый – крестьянский комитет, в который вошли оседлые иногородние. Завершилась реорганизация к 20 апреля.

А в это время обиженные и недовольные своим положением бедняцкие массы начали захватывать власть в крупных станицах и вершили понятное им революционное правосудие. Иногороднее население на волне революционного подъёма после февраля 1917 года начало везде выступать с требованием к местному казачеству и землевладельческому элементу поступиться частью своих прав и решить земельные проблемы с учётом интересов всех групп населения Кубани, как они считали «по справедливости». Повсюду собиралась Красная гвардия из них, к которым примыкала часть казаков, вернувшаяся с фронтов. Они призывали вообще отказаться от внесения посаженной платы, взимаемой с иногородних крестьян за аренду приусадебного участка, отобрать у местных богатеев землю и разделить всю её между всеми поровну. Однако в первые дни революции попытки урегулировать на хуторе вопрос о каких-то одинаковых правах иногородних с членами Братского товарищества не привёл к положительным результатам. Но подогреваемый большевиками вопрос о справедливом разделе земли продолжал порождать рознь и личную неприязнь между иногородними и коренными. Всё же у большинства местных складывалось неоднозначное представление о большевизме, в основном как о примитивной уравниловке, да ещё с наделением своей земли каким-то пришлым. Многие хуторяне продолжали рассуждать, что бог с ней с этой Новой властью, лишь бы она их не трогала и давала спокойно работать. По бытующему общественному мнению, только бездельник или же человек слабого ума мог плохо жить на Кубани.

После пришедшего 28 октября 1917 года декрета из Петрограда «О полноте власти Советов» и падение Временного правительства Керенского, в котором говорилось, что вся верховная власть отныне принадлежит только Советам, повлекло за собой введение Кубанской Казачьей Радой военного положения. Но 2 января 1918 г. частями 39-й пехотной дивизии прибывшими с Кавказского фронта была установлена Советская власть в Армавире, который стал первым советским городом на Кубани. Под контролем же краевого правительства оставался центр Кубани и Екатеринодар. Хутор Братский ещё оставался в подчинении Кавказского Отдела Кубанского Казачьего Войска.

29 января 1918 года в станице Ладожской революционерами начала устанавливаться Советская власть. Ладожский военно-революционный Совет, собрав около трёхсот человек добровольцев в дружину, приступил к выполнению местных задач: построению Советской власти по району, обезглавливанию казачьих органов и их разоружению, земельному переделу и изъятию хлебных излишков у населения. В окружающих хуторах, густо усеянных безземельными крестьянами, митингами было введено Советское управление и в них начали первыми существовать Ревкомы, выбранные большинством иногородних.

Среди казаков тоже было много недовольных царским правительством и те поддерживали эти группировки. Казачьи полки, возвращающие с фронта, находились в полном разложении. Они были глубоко убеждены в том, что большевизм направлен против эксплуататоров простого народа – богатейшего класса капиталистов. Объединяясь в районные армейские организации, эта хорошо вооружённая сила начала выдворять атаманское правление. В итоге Советы демократическими лозунгами и силой взяли то, что хотели – власть. Таким образом гражданская война становилась неизбежностью. 1 марта 1918 войскам Красных удалось взять столицу Кубани город Екатеринодар. В апреле 1918 года на Кубани образовалась Кубанская Советская республика. В конце апреля волостные управления везде уже принадлежали Советам, Ревкомам, Исполкомам. Первый приказ, полученный Братским правлением от Ладожского Ревкома, был о национализации всех средств производства. Подписанные атаманами и старшинами волости бумаги считались незаконными. Всем крестьянам волости предписывалось подчиняться только распоряжениям и законам рабоче-крестьянской Советской власти. С приходом 1918 года произошло немыслимое до этого событие: представители бедняцкого иногороднего населения стали наравне с коренными жителями участвовать в управлении. Старый порядок рухнул, а с новым наступило полное безвластие.

Братское товарищество продолжало своё существование и после смены власти, её члены по большому счету жили ещё довольно зажиточно, считая себя хозяевами на своей земле, а прибывшие в окружающие хутора иногородние в основном работали у них в товариществе по найму. Сразу после революции их официальное число на хуторе превышало сотню семей. В отличие от членов товарищества, имевших свою землю, жили они гораздо беднее и её очень хотели. К началу революции многие батраки работали не только в товариществе, но и у частников. Те, кто имел какие-то свои хаты на хуторе ещё платили товариществу арендную плату за использование участков. За одну десятину им нужно было платить в год до 100 рублей. Хороший вол тогда стоил столько же. Поэтому иногороднее население хутора сразу же поддержало Советскую власть. Они восторженно встретили революцию и ленинские декреты о земле. Так или иначе, но именно земельный вопрос стал приводить к конфликтам с коренными жителями хутора. И те понимали, что им придётся утратить часть своих имущественных привилегий пытались браться за оружие. Когда же коренные хуторяне спохватились в своём легковерии по этому вопросу, было уже слишком поздно – пришла совсем новая жизнь, чуждая и им совсем непонятная. Пошёл прахом весь их вековой уклад. Как рассказывали деды: «*Ходють по хутору який-то пьяны хлопцы в обнимку с местной голотой и по ночам надрывно выют новы пэсни. Роблить не хочють – давай им готовае. А опосля ыть прыходятъ сбройные тятьки у хаты и вынесут усё шо исть – «революционная контрибуция» называлась»*. Местные в большинстве своём стали просто искренне ненавидеть иногородних и их ставленников на хуторе.

Одним из руководившим революционными действиями на хуторе Братском за установление власти рабочих и крестьян стал местный демобилизованный солдат-артиллерист Сидоренко Фёдор Григорьевич, провоевавший всю мировую войну с 1914 года в 14-м Кавказском стрелковом полку 4-й Кавказской бригады.

Сидоренко Фёдор Григорьевич - член ВКП(б) с 1917 г.
Первый председатель Братского Революционного
Комитета Советских Народных Комиссаров в 1918 году.

Став на фронте большевиком, научившись там грамоте и начитавшись политических книг, он проникся идеями Ленина о необходимости революции в России и активно принял участие в установлении Советской власти на хуторе. С местными активистами Коваленко, Ефременко, Драгуновым и братом Никитой, опираясь на силу приехавшего вооружённого отряда Ладожского Ревкома Кубанской Советской республики во главе с уполномоченным Часовским, 1 февраля 1918 года они митинговым порядком сместили Волсовет. Волостное правление, в том числе и мой прадед как волостной старшина, добровольно перешло на сторону Советской власти, все сдали свои дела. Прадед вначале стал придерживаться этих новых порядков и лично передал все документы и печати ревкомовцам. Как грамотный даже стал активистом, помощником местного уполномоченного Революционного Совета Коваленко. Положение помощника на самом деле ему ничего не давало, кроме лишних хлопот. Просто старался помочь избежать любых кровопролитий. В его голове не укладывалось, как это могут люди-единоверцы, жившие бок о бок друг с другом, истреблять своих же, да ещё с такой лютой жестокостью. Но, когда в руководстве Совета стал товарищ Шлаут, а потом появились ещё довольно алкогольнозависимые люди с низкой культурой и весьма однобокими понятиями о социальной справедливости, он понял, что от этой власти ему ничего хорошего уже не стоит дожидаться. А когда стали откровенно притеснять многих коренных хуторян, то стал относиться к ней несколько негативно и оставил все сельсоветские дела.

Созданный Революционный Совет сразу же начал мобилизацию оставшегося молодого населения в ряды Красной Армии. Первый призыв в Красную армию парней 1893–1896 гг. рождения на хуторе Братском был проведён в феврале 1918 г. Из 53 мобилизованных потом не вернулось домой 29 человек, они погибли за коммунистические идеи. Всего по Братской волости воевавших в рядах Красной Армии и сложивших головы за Советскую власть – 69 человек. Могилы этих бойцов из 2-го Северо-Кубанского полка есть под Кропоткиным и в Астраханских песках, лежат они и под Кизляром. За хутором Киевским был большой бой эскадрона красного командира Г.Г. Захарченко из Петропавловской с бригадой казаков болговского атамана Василия Попова, там погибло много партизан с самого хутора Братского. Тела их захоронены на территории теперешнего мемориального комплекса хутора. В этих годах в окрестностях Зеленчуков совместно с черкесами тогда довольно активно действовал отряд зелёных, который затем после больших потерь примкнул к красным партизанам.

Но были тогда и такие хуторяне, которые полностью отрицали все идеалы большевистской революции. Они по идейным соображениям пополняли ряды Белой гвардии, когда та потом обратно взяла власть в свои руки. Из Братской волости их число было близко к полсотни. Одним из главных среди них был прошедший все фронты мировой войны Максим Хоружевский – брат моей бабушки Александры. Уже немолодой, но горячий, он считал, что нужно спасать Кубань от пришлых элементов, убирать их всех из власти и самим устанавливать демократические порядки. Максим, выступая на волостном сходе в апреле 1918 года говорил: *«У нас исть свои захланыя куркули. Тильки кабы нам не прыдатны эти ксплуататыры, нам самим потрибно им узду одеть и аппетиты их умерить. Но тольки ноне к власти прыдут пришлые элементы, то хозяевами мы тута вже не будемо ни кады. Дывытыся як политикой в волости верховодят «коца́пские жа́дки»* («каца́п» на старославянском – оскоплённый козёл, жидок – ийуда, предатель). *Хай надысь наводять ландские порядки у сэбе тама, выдкиля воны прыихалы!*». Взял коня, шашку и пошёл воевать в Кубанскую армию думая, что сделает лучшей жизнь на своей родной Кубани, да и вообще в России. Так потом и погиб на полях гражданской войны, тесня отряды красного командира Захарченко в астраханских песках. В противоположность, его младший брат Григорий Хоружевский был одним из активистов у комиссаров Ревкома и при новой Советской власти даже стал секретарём Сельсовета хутора, правда потом его всё же репрессировали за «саботаж», и он почти сразу умер в лагерных застенках.

Большевицкий переворот в Петрограде не был признан на Кубани, и Кубанская Казачья Рада объявила, что отсутствие государственного единства и власти заставляет, впредь до создания таковой, взять всю полноту власти в свои руки. 14 января 1918 (по ст. стилю) Казачьей Радой на землях бывшей Кубанской области провозглашена самостийная Кубанская Народная республика (с 20 ноября 1918 года – Кубанский край). На хуторе Братском эскадроном кавалерии болговского атамана Попова 26 февраля 1918 года был разоружён волостной штаб сторонников Советской власти. Прадед принял дела волости обратно. А в это время сформированные отряды Красной гвардии развернули наступление на Екатеринодар, который 1 марта был занят частями красногвардейцев. Тем временем Добровольческая армия вместе с Кубанским войском поставила задачу полного захвата власти на Кубани. 3 августа 1918 года Екатеринодар был отбит силами Добровольческой армии Вооружённых сил юга России.

Если сразу после того, как в России произошёл Февральский переворот 1917 года, в Кубанской области казаки вместе с крестьянами и иногородними создали какие-то свои местные органы власти, то вот в Краевой Кубанской Казачьей Раде второго созыва большинство голосов получили самостийные казаки-черноморцы. Рада желала объединить Кубань в республику, которая хотела бы войти в самостийную Украину по примеру штатов США, но в крайнем случае – в Россию. В 1918 году Кубанская Казачья Рада обнародовала целый ряд решений, направленных на улучшение общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе. Вся земля края по их плану должна была бы передана не государству, как хотели Советы, а разделиться поровну всему населению. По новому земельному закону Кубанского краевого правительства юртовые земли у всех владельцев должны быть национализированы, а затем сданы в аренду населению поровну.

Командование Вооружённых сил юга России, в свою очередь, не желало даже слышать ни о какой автономии и делёжки земли на Кубани. В итоге Кубанская армия попала в явное подчинение Вооружённых сил юга России. Кубанцы – мол провинциалы и их дело подчиняться Верховной власти, которую представлял в то время генерал Деникин. Кубанская Казачья Рада не захотела с этим мирится. В её составе было много националистов, имелось сильное крыло самостийников, которые голосовали за автономию. Пока война полыхала далёко от границ края, отношения с белогвардейцами были натянутыми, но терпимыми. Но позднее они приняли характер открытой вражды. Всё закончилось расправой командования Вооружённых сил юга России над Кубанской Краевой Радой, повешением за измену Родины её активистов и высылкой некоторых её членов в Константинополь. Такой вот раздрай стал возможным из-за чрезмерной самостийности в Раде *«хохлов»* и слепой *«упёртости»* белых генералов.

Апанасенко Конон Корнеевич – волостной старшина с 1913 года, член Кубанской Казачьей Рады от Братской волости в 1917-1920 годах

Нужно отметить, что в 1918 году в Братской волости, как и в крае, власть несколько раз переходила из рук в руки. С приходом белых вывешивалась атрибутика белых, а приходом красных всё убиралось, и вешался красный флаг. «Зелёные» же воевали против «красных» и «белых» – за самостийность, они хотели иметь только свою местную Кубанскую власть, работать самим на себя, на своей земле и без указов с Петрограда. С приходом других фактически сменялись лишь названия: волостной сбор переименовывался Волсоветом, хуторское правление – исполнительным комитетом. События в стране протекали так стремительно, что хуторяне и не успевали за всеми ими даже уследить.

Большинство хуторян всё же восприняли смену власти восставшими войсками Кубанского войска как должное и были больше рады возврату к старой более спокойной жизни. Братское волостной правление заработало в прежнем режиме. Летом 1918 года работать на полях стало совсем некому, местные в большинстве своём воевали. Резко снизилась урожайность, быстро росла дороговизна, реальной становилась угроза голода. В бедняцких крестьянских селениях по берегу Кубани, что возле станицы Ладожской, опять начали вспыхивать массовые восстания. Многие братские иногородние тогда подались к красным партизанам. Их небольшие партизанские отряды насчитывали по 10-15 человек. Это давало им возможность легко укрываться от врага и облегчало снабжение продовольствием. Нападали они ночью внезапно, что бы казаки не смогли определить силы партизанского отряда. Вооружены большей частью были охотничьими ружьями и дробовиками, добытыми при вооружённых схватках. Часто в ночных боях использовали трещотки. Порох и пистоны партизаны доставали у местных казаков склонных к Советской власти. Хлеб, фураж и другие продукты часть им давали крестьяне, а большинство реквизировали у населения. Некоторые партизаны из крестьян уходила в отряды со своей амуницией, но чаще всего их пополняли иногородние и тем приходилось реквизировать лошадей и скот у кулаков. Большим подспорьем для питания была рыба на реке Кубани и в Зеленчуках – её глушили гранатами. К осени 1918 года численность бойцов в закубанских отрядах резко увеличилось до сотен, их объединённый партизанскиий штаб находился на хуторе Северин, в 20 км от Братского. Из них создавались роты 2-го Северо-Кубанского полка. На самой территории Братской волости тогда активно действовал партизанский отряд под руководством Тимофея Немогаева (ГАКК Ф.Р-776).

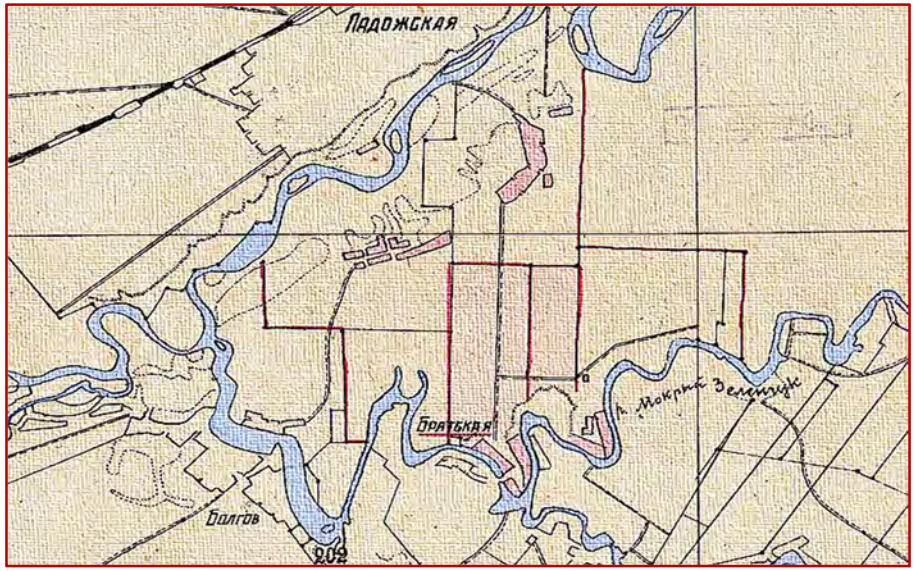
В конце августа 1918 г. по братским хуторам пошли откровенные грабежи. То красные партизаны налетят на хутор, то белые придут и

возьмут верх. И ведь у каждых были свои высокие цели «во имя спасения Родины», но кушать-то хотелось всем, вот и реквизировали они у местных крестьян что только можно было. Казаки Кубанского войска не в силах были бороться с партизанами. Деятельность подпольных большевистских комитетов так же наносила материальный ущерб жителям. Тогда 20 августа 1919 года по приказанию болговского атамана Василия Польшака, местные казаки под предводительством монархистов из Белой Армии Фёдора Миронова и Степана Буханова, отловили на хуторах Братском, Ковалёва, Фролова, Болгова и Киевском около 25-ти родственников этих красных партизан и долго пороли плётками до без сознания. За то, что их сыновья и племянники воевали в рядах Красной Армии. Шесть человек из них и двоих иногородних после этих истязаний расстреляли. Изуродованные тела сбросили в реку Кубань и родственниками так тогда они и не были найдены. Братское Волостное правление, под давлением Екатеринодарского Отдела ККВ, приняло решение о выселении остававшихся по хуторах волости семей партизан, красноармейцев и красных казаков. Но большинство из них не совсем собиралась этого делать и тогда по приказу командира гарнизона Мирошникова у них начали реквизировать имущество и хорошо избив нагайками всё же вынудили 14 семей покинуть свои жилища.

В сентябре 1918 года органами новой Кубанской Народной республики состоялся очередной административный передел. Хутор Братский был передан из Кавказского отдела в управление Екатеринодарскому отделу Кубанского Казачьего Войска. Ранее, ещё в 1916 году жители хутора Братского возбуждали ходатайство к властям о переименовании хутора в станицу, но из-за революции это дело так и не было доведено до конца. Согласно вновь поданному прошению к Новой власти землеустроительная комиссия Екатеринодарского отдела утвердила межевой план волости и станицы. На сходе сразу был выбран атаман Братской волости – есаул Мирошников. Он сформировал с казаками-добровольцами гарнизон из 12 человек, который контролировал ситуацию, не допуская ломки старых порядков и разграбления продовольственных запасов революционными массами.

В дальнейшем Екатеринодарским Отделом Кубанского Казачьего Войска предполагалось присоединить к Братской волости поселения с остатками этнических немцев-колонистов, против которых ещё с началом первой мировой войны велись довольно большие гонения. В большинстве своём они поддерживали большевистские течения, но многие из них отказывались служить в Красной или Белой армии, создав свои отряды самообороны. Входили все эти села по большей части в

Семёновскую волость, вот её и захотели раздробить, желая полностью ликвидировать немецкие органы местного самоуправления, а всё хозяйственное руководство и сбор земских налогов полностью передать в постоянное ведение Братской волости. Но потом с приходом Советской власти всё стало немного по-другому, хутор был переименован в село, а позднее опять стал хутором.



Утверждённый межевой план земель волостной станицы Братской Екатеринодарского отдела Кубанского Казачьего Войска по данным Земельного Управления на 1918 год.

Название дач и населенных пунктов в них	Название административных центров в даче	Число хозяйств
1. Братское село	Село Братское (Братская вол.)	108
2. Село Согласное . . .	—	74
3. х. Муравенко	—	5
4. х. Ново-Екатериновский	—	9
5. х. Фролов	—	53
6. с. Красное	—	80
7. с. Нееленко	—	71
8. х Добровольский . . .	—	4
9. х. Новоселовский . . .	—	57
10. х. Котлярова	—	14
(н. м. 1774, ж. 1700. об. п. 3474).		475

Список селений Братской волости по состоянию на 1918 г.

В революцию Кубанское казачество, являвшееся когда-то одной из опор Российской государственности, в основной своей среде не особо-то и выступило в защиту монархии, хотя командование Добровольческой армии использовало для этих целей почти все казачьи части Кубанского войска. В 1919 году скопившиеся по территории Кубани множество монархически настроенных офицеров объединились с частью местных казаков, начали репрессии и казни над пленными большевиками и партизанами, а заодно всех тех иногородних, кто раньше поддерживал Советы. Довольно активно мстили семёновские и болговские казаки красногвардейцам с которыми они до этого воевали, с теми, кто истребил их семьи, убив жён и детей.

Осенью 1919 года от Екатеринодарского Отдела Кубанского Казачьего войска пришёл приказ о мобилизации остатков боеспособного населения на борьбу с Красной Армией. В нем были выдвинуты требования об обязательной сдаче крестьянством остатков хлеба для его отправки в Англию под оружие. Везде по волости начались проводится очередные мобилизационные мероприятия. Разгон Кубанской Рады и казни её членов повсеместно на Кубани вызвал появление самостийного движения под лозунгом: *"Большевиков мы к себе не пустим, но и освобождать от них Россию у нас желания нет"*. И этот лозунг быстро достиг фронта. Все это оказывало не совсем хорошее влияние на настроения кубанских казаков, большинство которых ещё продолжало сражаться на фронте с красными. Без ясно поставленных целей борьбы, без признанных ими вождей, кубанские казаки считали такое положение неприемлемым, начали расходится по домам. Утомлённые четырёхлетней внешней войной, а за нею ещё двухлетней гражданской, они потеряли волю к борьбе, воевать больше не хотели, бросали фронт в самую критическую минуту и уходили для делёжки земли в своих станицах. Новая Кубанская Рада не смогла разобраться в этом политическом моменте и продолжала мечтать о какой-то *«самой демократической в мире республике»*, не оказывая помощи фронту. К концу декабря 1919 г., когда все армии - Добровольческая, Донская и Кавказская - с тяжёлыми боями оставили Ростов и отошли за Дон, Главнокомандующий Вооружёнными Силами Юга России дал согласие на организацию Кубанской армии. Но было поздно. Началось массовое возвращение с фронтов кубанских казаков с оружием. По пути они занимались грабежом иногороднего населения, забирали продукты для себя и фураж для лошадей, вызывая тем самым их озлобление. А так как южная часть фронта состояла преимущественно из кубанцев, то вооружённые силы Белых и покатились с Дона на юг.

Красная Армия воевала тогда за торжество коммунистических идей, за хорошую и справедливую жизнь для рабочих и крестьян. Но согласно Ленину, эта революция была невозможна без классовой войны. Некоторые из кубанских казаков и крестьян ещё на фронте не только по этим идейным соображениям перешли в состав Красной Армии, но даже стали занимать там командные должности, включая высшие посты, хотя и не были полностью согласны с большевистскими решениями. Но им всё-таки социальная революция Ленина была милее, чем идейный новый великорусский порядок Деникина. В рядах Красной Армии даже появились отряды, полностью сформированные из Кубанских казаков.

Кавалеристы из Братской волости со 2-го Северо-Кубанского полка Красной Армии Манько и Резанцев.

Весной 1920 года революционные большевицкие войска, пользуясь превосходством в численности и оснащении боеприпасами, двинулись на отделившийся от России самостийный Кубанский край (до 4 декабря 1918 года была Кубанская республика). Ослабленные и обескровленные казаки Кубанской Армии стали отказываться воевать вместе с Добровольческой Белой армией, отступали всё дальше и дальше. Южный фронт Вооружённых сил юга России к марту 1920 года докатился до реки Кубани. 4 марта 1920 года большевики заняли Екатеринодар, переправились на левый берег Кубани и после боя 7 марта у аула Тохтамукай разрезали войска Юга России на две части.

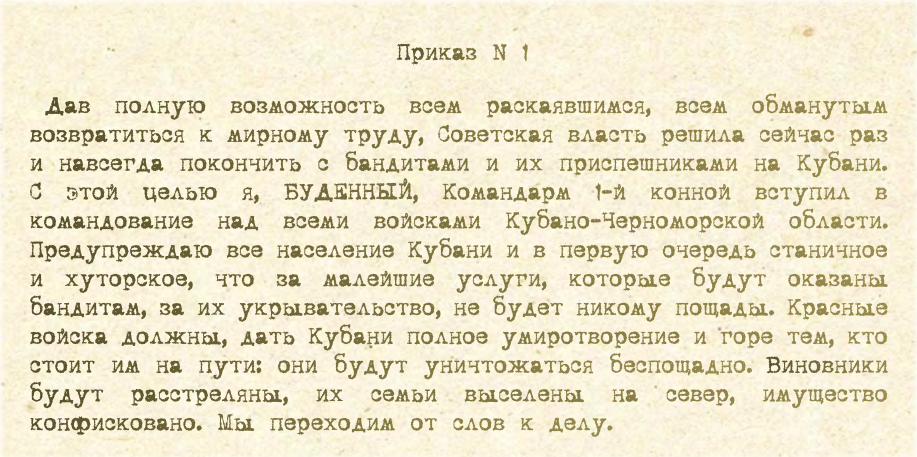
9 марта 1920 года кубанцы сдали станицу Тихорецкую, 12 марта пала Кавказская. Три Кубанских конных корпуса и часть 4-го Донского конного начали отходить к Черноморскому побережью через мост на реке Кубань у станицы Ладожской, чтобы идти дальше через перевалы к морю на Туапсе для пополнения и перевооружения войска. Но отряды 1-й конной Красной армии под командованием С. М. Будённого вплотную подошли к переправе. Завязалась лёгкая перестрелка в пяти километрах от станицы. Оборону, для отхода частей Кубанской Армии по мосту через Кубань, держал Лабинский полк есаула Сапунова с тремя десятками пулемётов, который отбивал атаки противника. Разрозненные части Кубанского конного корпуса генерала Науменко шли через ладожский мост на хутор Братский и далее в станицу Некрасовскую. Последним переправился сам генерал Науменко со штабом 2-го кавалерийского корпуса и 1-м Лабинским полком. Казаки подорвали мост через реку Кубань. 16 марта 1920 года Красная конница 20-й стрелковой дивизии 1-й конной Армии под руководством командира Майстраха без боя вошла в Ладожскую.

Проходящим мимо своих домов 17 марта 1920 года отступающим отрядам Кубанской Армии жители хутора Братского отдавали еду и последних лошадей. По договорённости с казаками из Ладожской братьями Калашниковыми, противники Советской власти с хутора Братского Мирошниченко Семён, Худолей Павел, Долбня Константин, братья Егор, Кирилл и Иван Бондаренко с Клименко Иван Ивановичем, а с ними Киптило Митрофан и Апанасенко Конон, привели своих коней на хутор Болгов, где при отступлении конный полк полковника Елисеева остановился на постой. Все боялись, что если придут красные, то всё равно их реквизируют, что потом так и случилось. В этом полку были какие-то дальние родственники этих хуторян, решившие что будут воевать с большевиками за свою *«Рідну Кубань»* до победного конца. Большинство из них, пройдя все мытарства отступления, фактического предательство своего командования из-за позорной сдачи красным весьма боеспособного Кубанского войска, в результате попали в пересыльные тюрьмы, где и погибли. Оставшимся же получилось уйти в Грузию, там им досталась горькая участь иммигрантов и они так больше никогда не смогли вернутся на Родину к своим хатам.

Почти сразу же после ухода отрядов Кубанской Армии генерала Науменко, на третий же день, устанавливать Советскую власть на хутор Братский прибыли части 33 Северо-Донецкого кавалерийского полка 6-й Чонгарской дивизии 1-ой Конной Армии (её командарм Будённый находился тогда в станице Ладожской вместе со своим штабом).

Советское время

Прибывшие на хутор Братский 20 марта 1920 года красные кавалеристы 1-ой Конной Армии сразу объявили о сложении полномочий волостного старосты, создании Советского управления и на хуторском правлении вывесили вот такую листовку, привезённую из Ладожской от самого командарма, Семён Михайловича Будённого:



Приказ N 1

Дав полную возможность всем раскаявшимся, всем обманутым возвратиться к мирному труду, Советская власть решила сейчас раз и навсегда покончить с бандитами и их приспешниками на Кубани. С этой целью я, БУДЁННЫЙ, Командарм 1-й конной вступил в командование над всеми войсками Кубано-Черноморской области. Предупреждаю все население Кубани и в первую очередь станичное и хуторское, что за малейшие услуги, которые будут оказаны бандитам, за их укрывательство, не будет никому пощады. Красные войска должны, дать Кубани полное умиротворение и горе тем, кто стоит им на пути: они будут уничтожаться беспощадно. Виновники будут расстреляны, их семьи выселены на север, имущество конфисковано. Мы переходим от слов к делу.

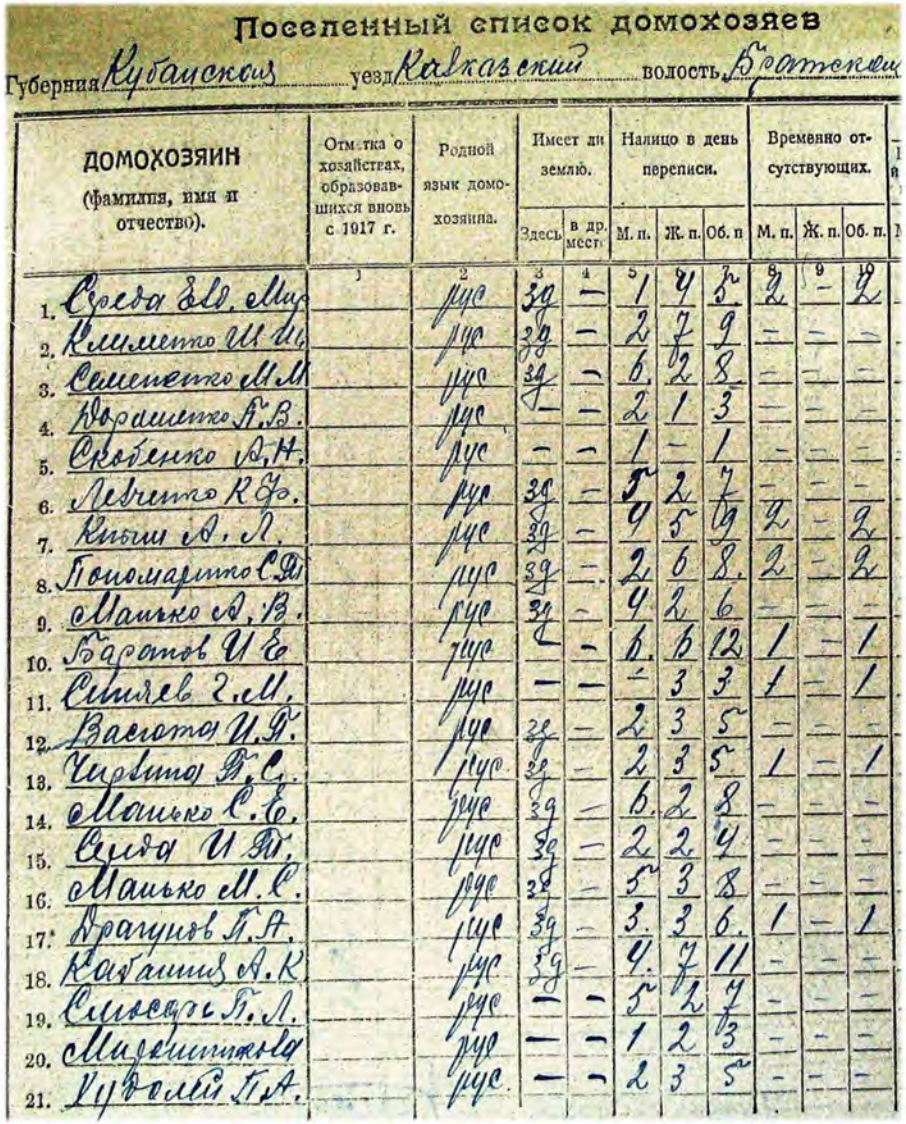
Как только конармейцы зашли на хутор, то они сразу стали практиковать политику «военного коммунизма» и пошли изымать продовольствие у населения для себя. Начались превентивные репрессии в отношении всех противников Советской власти. В 1920-х годах этот «красный террор» был уже направлен не только на казачью и крестьянскую интеллигенцию (буржуев), но и на средние слои кубанских хлеборобов, имевших тогда нейтральную позицию по отношении к новой власти: мелких землевладельцев, зажиточных крестьян, священников, дезертиров с Красной Армии и членов семей ушедших казаков. Естественно, эти меры, проводимые Новой властью, вызывали недовольство многих хуторян. Тогда по указанию начальника особого отдела СКВО Трушина кавалеристы 33-го полка по хуторам волости начали казни оставшихся в своих домах видных белоказаков вместе с офицером Мирошником и заодно с ними тех богатых крестьян, с кем у местных коммунистов ранее были какие-то свои личные счёты. Под эти репрессии попали семьи крупных местных землевладельцев волости: Попковы, Добровольские, Винники, Муравенко, Мироновы, Мякишевы, Хотяшевы, Котляровы и другие.

По рассказам стариков в марте 1920 года этих заложников со всей волости собирали в правлении, а затем часть из них по пять человек вывозили на телеге со связанными руками как-бы в станицу Ладожскую, но в обрыве у дороги за Новосёловкой их расстреливали. Казни длились пять дней. Родственники только потом смогли забрать их раздетые до кальсон тела. Метрическая книга церкви хутора Братского за этот год, в которой были записаны все конкретные фамилии тогдашних отпетых и похороненных на хуторских кладбищах убитых – а всего 24 человека, была уничтожена секретарём первичной организации ВКП(б) Братского Сельсовета Часовским при очередном погроме церкви в 1923 году.

Памятуя о расстрелах и испугавшись, что их тоже могут взять и «шлёпнуть» как противников Советской власти, оставшиеся казаки и справные крестьяне стали уходить из своих домов. Собравшись вместе, бежали и хуторяне с Братского: Киптило, Бондаренко, Клименко, Марченко, Маловик, Сосна, Худолей и Апанасенко. Несколько месяцев они скрывались в лесах вблизи реки Лабы и в адыгейских аулах. Тогда это не зазорно было, многие так делали – покидали родные дома из-за каких-то угроз, а младшие, привыкшие к частому отсутствию старших по военным необходимостям, спокойно вели хозяйство. Местные же черкесы во времена революции, ни при каких обстоятельствах не сдавали красным своих соседей-хуторян. Хуторские жители всегда были чрезвычайно консервативны в вопросах веры и гораздо более религиозны, чем иногородние жители России, хоть и непрерывно воюя с черкесами, они всегда проявляли исключительную терпимость в своей среде к ним, высланным с гор на равнину. А после ряда погромов черкесских аулов красными казаками, те принимали хуторян как себе равными, а большевиков – очередными завоевателями. Они крепко тогда держались своих национальных обычаев и магометанской религии, в основной своей массе были настроены резко антибольшевистски, больше старались поддерживать самостийных зелёных.

Со временем карательные меры и расстрелы ярых противников новой власти дали свои плоды. Продолжали вести борьбу лишь только самые непримиримые. Но и те почти сразу ушли в горы. После окончания репрессий часть из скрывающихся понемногу пытались возвращаться в дома, поддавшись агитации коммунистов о неприкосновенности. Когда же братским беглецам стало совсем уж невмоготу, они тоже вернулись в семьи, но к новой Советской власти относились покорно безразлично. Нужно же было хоть как-то выживать, да и рабочих рук на полях для сельхозработ катастрофически не хватало. Весенняя посевная 1920 года тогда проходила с большим трудом. В 1920 году по стране пошёл голод.

В сентябре 1920 года на хуторе Братском создался Совет крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов волости. Председателем избрали Сидоренко Фёдор Григорьевича. Новым Советом сразу же, в соответствии с директивным указанием сверху, была проведена первая советская сельскохозяйственная перепись населения по волости:



Поселенный список домохозяев

Губерния Кубанская уезд Кавказский волость Братская

	Домохозяин (фамилия, имя и отчество).	Отметка о хозяйствах, образовавшихся вновь с 1917 г.	Родной язык домохозяина.	Имеет ли землю. Здесь	Имеет ли землю. в др. месте	Налицо в день переписи. М. п.	Налицо в день переписи. Ж. п.	Налицо в день переписи. Об. п.	Временно отсутствующих. М. п.	Временно отсутствующих. Ж. п.	Временно отсутствующих. Об. п.
	1	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Середа Зл. Ми		рус	39	—	1	4	5	2	—	2
2.	Клименко И.И.		рус	39	—	2	7	9	—	—	—
3.	Семенко М.М		рус	39	—	6	2	8	—	—	—
4.	Дорошенко П.В.		рус	—	—	2	1	3	—	—	—
5.	Скобенко А.Н.		рус	—	—	1	—	1	—	—	—
6.	Левченко К.Ф.		рус	39	—	5	2	7	—	—	—
7.	Кныш А.Л.		рус	39	—	4	5	9	2	—	2
8.	Пономаренко С.Т.		рус	39	—	2	6	8	2	—	2
9.	Манько А.В.		рус	39	—	4	2	6	—	—	—
10.	Баранов И.Е.		рус	—	—	6	6	12	1	—	1
11.	Синяев Г.М.		рус	—	—	—	3	3	1	—	1
12.	Васюта И.П.		рус	39	—	2	3	5	—	—	—
13.	Чирва П.С.		рус	39	—	2	3	5	1	—	1
14.	Манько С.Е.		рус	39	—	6	2	8	—	—	—
15.	Середа И.Т.		рус	39	—	2	2	4	—	—	—
16.	Манько М.С.		рус	39	—	5	3	8	—	—	—
17.	Драгунов П.А.		рус	39	—	3	3	6	1	—	1
18.	Кабашня А.К.		рус	39	—	4	7	11	—	—	—
19.	Слюсарь П.Л.		рус	—	—	5	2	7	—	—	—
20.	Мирошникова		рус	—	—	1	2	3	—	—	—
21.	Худолей П.А.		рус	—	—	2	3	5	—	—	—

Фрагмент первого листа переписи по Братскому селению Кубанской области за 1920 г.

Вот полный статистический список владельцев домохозяйств хутора Братского согласно подворовой переписи, проведённой в 1920 году:

1. Апанасенко К.К.
2. Баранов И.Е.
3. Бибибиков П.К.
4. Бузукина П.И.
5. Васильева Е.В.
6. Васюта И.П.
7. Виноградов С.В.
8. Гамшин В.И.
9. Гермаш А.С.
10. Давыденко Н.Я.
11. Давыденко Я.М.
12. Дереза Н.М.
13. Долбня Г.Л.
14. Дорошенко П.В.
15. Драгунов П.А.
16. Дудченко Г.З.
17. Ефременко А.И.
18. Кабашня А.К.
19. Кабашня М.Ф.
20. Киптило М.М.
21. Клименко Г.И.
22. Клименко И.И.
23. Кныш А.Л.
24. Кныш М.М
25. Коваленко М.И.
26. Косьяненко К.Ф.
27. Левченко Д.Ф.
28. Левченко К.Д.
29. Левченко К.Ф.
30. Лобков М.К.
31. Лобкова Ф.П.
32. Манько Л.С.
33. Манько А.В.
34. Манько Е.С.
35. Манько И.И.
36. Манько К.Л.
37. Манько М.С.
38. Манько М.И.
39. Манько С.Е.
40. Манько И.М.
41. Марченко А.Н.
42. Маспаш К.Ф.
43. Молчков С.И.
44. Московец Е.А.
45. Муленко И.М.
46. Никифоров П.В.
47. Мирошникова Е.Г.
48. Михайличенко Г.И.
49. Михайличенко А.Г.
50. Маловик Т.Ф.
51. Овсиенко И.Г.
52. Овсиенко Д.Г.
53. Пономаренко С.Т.
54. Рябошапка Ф.Я.
55. Рябошапка А.М.
56. Рябошапка З.А.
57. Рябошапка Я.Ф.
58. Рябошапко И.М.
59. Симененко М.М.
60. Середа Г.И.
61. Середа Г.Т.
62. Середа Е.М.
63. Середа И.Т.
64. Середа М.Ш.
65. Сидоренко Г.П.
66. Синяев Г.М.
67. Скобенко А.Н.
68. Слюсарь П.Л.
69. Соенко А.И.
70. Соенко П.Г.
71. Соколенко Т.Н.
72. Солодкай М.М.
73. Солодкий А.Е.
74. Солодкий М.И.
75. Сосна С.С.
76. Скритников П.Ф.
77. Стародуб И.К.
78. Стародуб Т.П.
79. Степаненко В.А.
80. Ткачев П.Я.
81. Ткаченко К.С.
82. Федорченко С.О.
83. Хоружевский П.С.
84. Хоружевский Г.П.
85. Худоба Н.С.
86. Худолей П.А.
87. Чебанов К.И.
88. Чижик П.Р.
89. Чирва П.С.
90. Шереметьев Л.Ф.

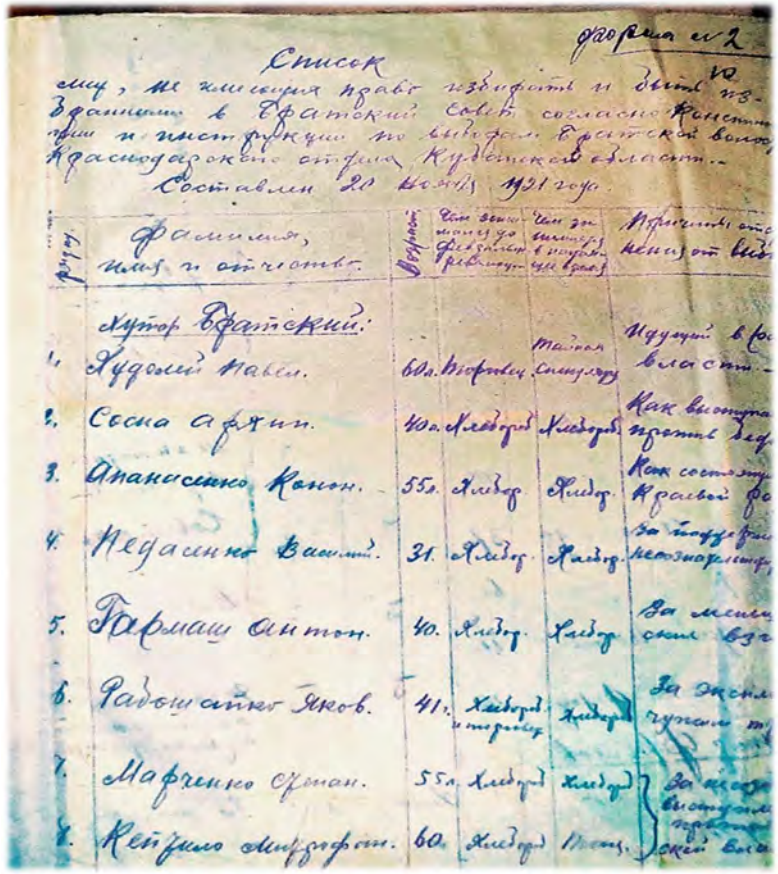
Согласно этой переписи, в селении Братском этой же волости Кавказского уезда Кубанской области в 90 дворах крестьян находилось налицо живых душ – 583, из них мужчин – 263, женщин – 319. Хозяйств, имеющих собственный земельный надел в Братском сельхозтовариществе – 66, а с наёмными рабочими ещё числилось 10 домохозяйств. Самыми крупными хозяйствами, имеющими землю в Братском товариществе, были семьи: Манько – 9 дворов 49 душ, Рябошапка – 5 дворов 46 душ, Середа – 5 дворов 18 душ, Кныш – 2 двора 24 души, Кабашня – 2 двора 22 души, Давыденко – 18 душ, Солодкие – 18 душ, Хоружевские – 17 душ, Сосна – 15 душ, Апанасенко – 14 душ, Киптило – 14 душ, Маловик – 12 душ. Иногородние домохозяева не имеющие земли: Баранов – 13 душ, Лобков – 9 душ, Бибиков – 7 душ, Марченко – 8 душ, Бузукин – 6 душ. В Красной Армии тогда служило 42 человека, а временно отсутствующих жителей по разным причинам – 39 человек (большинство у белоказаков). Умеющих читать и писать – 45, а со средним образованием числилось 12 человек.

Гражданская война и репрессии нанесли хутору Братскому весьма серьёзный демографический урон, гораздо больший чем Первая мировая война. Но судя по рассказам взрослых, домохозяйства многих хуторян после всех революций были ещё рентабельными, не только кормили семьи, но и что-то у них оставалось для продажи. Примерно в таком же положении находилось и само Братское сельскохозяйственное товарищество. И просуществовало оно в таком состоянии довольно значительное время, несмотря ни на какие отбиравшие излишки продразверстки. По первой советской разнарядке вывозка зерна из магазина членов сельхозтоварищества началась в августе 1920 года и продолжалась всю осень и зиму до марта 1921 года. Летом 1921 года на юге разразилась сильная засуха, а в центральной части России и Поволжье она уничтожила почти все посевы. Урожай хуторяне собрали скудный и тогда Советы начали отбирать излишки у хуторян по домам.

В 1920 году из почти трёхтысячного населения Братской волости 210 человек иногородних сразу объединились в кооперацию, они то и стали проводить изъятия продуктов у членов местного товарищества. Особые «оперуполномоченные» изымали не только излишки, но и необходимые крестьянской семье продукты. Когда находили схороненный хлеб или муку, беднота собирала хуторские сходки и разоблачала тех лиц, кто его прятал. Так создавалось недовольство среди жителей. Потом Волсовет опечатал мельницу на Зеленчуке, где все мололи муку. Здесь пострадали уже и бедняки с окружающих хуторов, особенно с Новоекатерининского хутора, которые привезли туда молоть лишь по мешку своей пшеницы

из остатков. Боясь разграбления голодными хуторянами, комсоды отвезли всё на склад Селхозпортебкооперации. Но собравшиеся крестьяне долго митинговали, в результате народ решил вернуть изъятое обратно, чтобы самим не умереть с голоду. Ночью небольшая группа во главе с Бондаренко Яковом и Симоненко Тимофеем связав сторожа вывезли муку и наутро раздали всю её по домам. Зачинщиков пытались арестовать, но люди смогли как-то их отбить силой.

В 1921 году опасаясь, что народ захочет выбрать в управляющие органы волости активных хуторян *«идущих вразрез с властью большевиков»,* избирательная комиссия под председательством Лукьяненко А., по предложению прибывшего с Усть-Лабинского Райкома ВКП (б) секретаря Ревкома Кундуриса, решила лишить этих хуторян и членов их семей всех гражданских прав:


форма № 2

Список

Фамилия, имя и отчество | Возраст | Чем занимается до февраля революции | Чем занимается в февраль революции | Причины отчуждения от выборов

Хутор Братский:

1. Худой Павел. 60л. Мельник. Тайная спекуляция. Идущий в ра власти
2. Сосна Афим. 40л. Хлебороб. Хлебороб. Как выступа против вла
3. Апанасенко Канон. 55л. Хлебор. Хлебор. Как состоя Красной ар
4. Недасенко Василий. 31. Хлебор. Хлебор. За поддер неизгнанных
5. Гармаш Антон. 40. Хлебор. Хлебор. За лишен отчуждения
6. Рябошапка Яков. 41. Хлебороб и торговец. Хлебор. За эксп чужим т
7. Марченко Роман. 55л. Хлебор. Хлебор. За агит выступле против скей вла
8. Киптило Мирофан. 60. Хлебор. Пасц.

Первый лист приложения к протоколу волостной комиссии от 20 ноября 1921 года.

В январе 1922 года по Братской волости создаётся первичная организация ВКП(б). Первыми коммунистами в ней были: Сидоренко Н.Г., Ленивый, Винник Т., Петрушенко, Александров, Пушков, Симоненко, Ефременко и Волобуев. Секретарём стал прибывший с Ладожской т. Часовской Г., который вместе с Сидоренко Ф.Г. организовал Комячейку №21 Братского хутора. Секретарь партячейки работал на общественных началах и на время выполнения своих обязанностей приходил в здание Сельсовета. Тогда же там возникла и комсомольская организация. Число членов РКСМ в 1922 г. – 10 человек.

Члены Коммунистической ячейки Братского Волсовета. Фото января 1923 г.

В том же году Комячейкой хутора была произведена попытка реквизиция имущества церкви. Изъяли напрестольный крест, дискос, лжицу, звездицу, золотые чаши и все серебряные тарелочки. Ценности по описи передали в отдел Краевой комиссии по их изъятию. Часть церковной литературы сожгли, метрические книги выбросили в водоём.

За годы Гражданской войны сельское хозяйство волости сильно пострадало. По сравнению с 1916 годом, посевная площадь в 1920 году сократилась на 32%, количество скота – на 20%. Но все же после гражданской войны жизнь на Кубани чуть-чуть начала налаживаться. В станицах заработали артели, оживилась торговля. В хуторских лавках уже можно было кое-что прикупить. Появились велосипеды, патефоны, стало жить немного полегче. Молодёжь не стала стремиться в города и станицы. В Братском начали шумно отмечать свадьбы, молодёжные гулянки и советские праздники.

В 1923 году на коллективных началах Братское товарищество за 2000 рублей приобрело первый трактор «Фордзон» с плугами, культиваторами и запчастями. Хуторяне стали обзаводиться новыми широкозахватными сеялками, паровыми молотилками и другой передовой техникой. Это стало превращать Братское товарищество по совместной обработке земли в весьма эффективное по тем временам сельскохозяйственное предприятие зернового профиля.

Коллективный трактор «Фордзон» увозит урожай с тока. Фото осени 1923 г.

С 1923 года X съезд РКП(б) принял решение о замене продразверстки продналогом и жизнь у многих на хуторе стала полегче. Остававшуюся часть сверх этого налога и семенного фонда после дележа Сельсоветом всем разрешалось продавать по свободным ценам на рынке. Продналог устанавливался как долевое отчисление от произведённой продукции. При этом учитывался общий объем урожая, имущественное положение той или иной семьи, число членов семьи и др. Первоначально величина продналога всем была установлена на уровне 28% от чистого продукта, полученного хозяйством, а вот на следующий год некоторым хуторянам он был снижен до 18% от урожая. Скорее всего тогда от многих из них брали *«магарыч»* (натурплата в качестве вознаграждения) сборщики налогов Гармаш А.С. и Клименко Г.И. Их в том году осудили за подтасовки и взятки во время сборов продналога. В прошлый год был сильнейший неурожай в России, заготовители зерна приезжали на хутор с Поволжья и Астрахани. Оставшиеся там совсем без хлеба крестьяне целыми семьями ехали на Кубань добывать его любым способом за ценные предметы или вещи домашнего обихода. От этого никак не

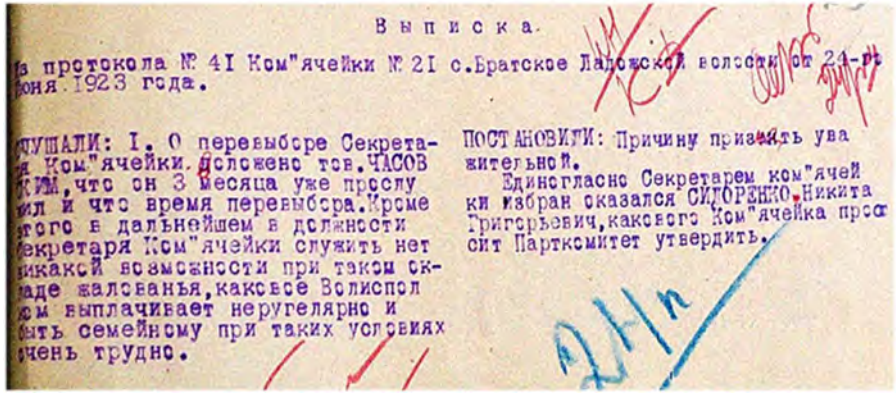
смогли устоять хуторские комсоды, меняя их на полученные от хуторян *«магарычи»*. С того времени начали осуждать людей и за перекупку вещей, что уже строго запрещалось законом. Отдали под суд за спекуляцию Худолея Павла, Сифорта Петра и Гайдука Якова, которые до революции имели свои лавки по Братской волости, а сейчас скупали кое-что из *«тряпочек»* и продолжали потихоньку ими приторговывать.

При строительстве новой власти Сельсовет сразу начал опираться на молодёжь и новых учителей. В 1922 году пришли серьёзные изменения в учительском составе школы. На заседании Комячейки хутора были рассмотрены персональные дела учителей относительно того какую они приносят пользу для Советского строительства. Мирошникову Евдокию Григорьевну и Суханова Николая Петровича исходя из революционных соображений и из-за их неработоспособности в новых условиях, решили от преподавания освободить. Дьяченко Татьяну Ивановну – пока не отстранять, пусть подумает, а вот молодую комсомолку Апашанскую Полину Ивановну рекомендовано обязательно принять в состав школы.

Сразу после образования СССР, в январе 1923 г. Кубчерисполком утвердил и новые территориальные преобразования на Кубани. Хутор Братский стал селом и вошёл в состав Ладожской волости Кавказского отдела Кубанской области с местным органом Советской власти – Сельским Советом депутатов трудящихся. Председателем Сельсовета коммунисты единогласно выбрали Сидоренко Ф. Г. На первом заседании Сельсовета ставились вопросы о выполнении плана по единому сельхозналогу и создание на хуторе избы-читальни. Избу правда смогли организовать только в июне 1923 года, изъяв часть помещений, занимаемых докторами Соколовым и Радченко. Тогда же произошли некоторые изменения в политике Советского государства, была разрешена аренда земли и использование наёмного труда. На следующий год в волости был собран весьма хороший урожай, сразу же начала функционировала сеть ярмарок, при помощи которых реализовывалась готовая продукция. И осенью этого года разразился так называемый «кризис сбыта», не все торопились сдавать хлеб государству по весьма низким ценам, старались его попридержать.

Начиная с 1924 хозяйственного года в волости был введён единый сельскохозяйственный налог, заменивший все натуральные и денежные налоги. Этот единый налог взимался частично продукцией, частично – деньгами. А после проведения в том же году денежной реформы, единый налог принял исключительно денежную форму – нужно было продавать урожай тому же государству и оплатить его осенью. Новый рубль приравнивался тогда к 1 млн. прежних денег.

В июне месяце 1923 г. переизбрали секретаря Комячейки, вместо иногороднего Часовского был единогласно выбран новый местный – Сидоренко Никита Григорьевич.



Выписка.

Из протокола № 41 Ком"ячейки № 21 с.Братское Ладожской волости от 24-го июня 1923 года.

СЛУШАЛИ: 1. О перевыборе Секретаря Ком"ячейки. Доложено тов.ЧАСОВСКИМ,что он 3 месяца уже прослужил и что время перевыбора.Кроме этого в дальнейшем в должности секретаря Ком"ячейки служить нет никакой возможности при таком окладе жалованья,каковое Волиспком выплачивает неругелярно и жить семейному при таких условиях очень трудно.

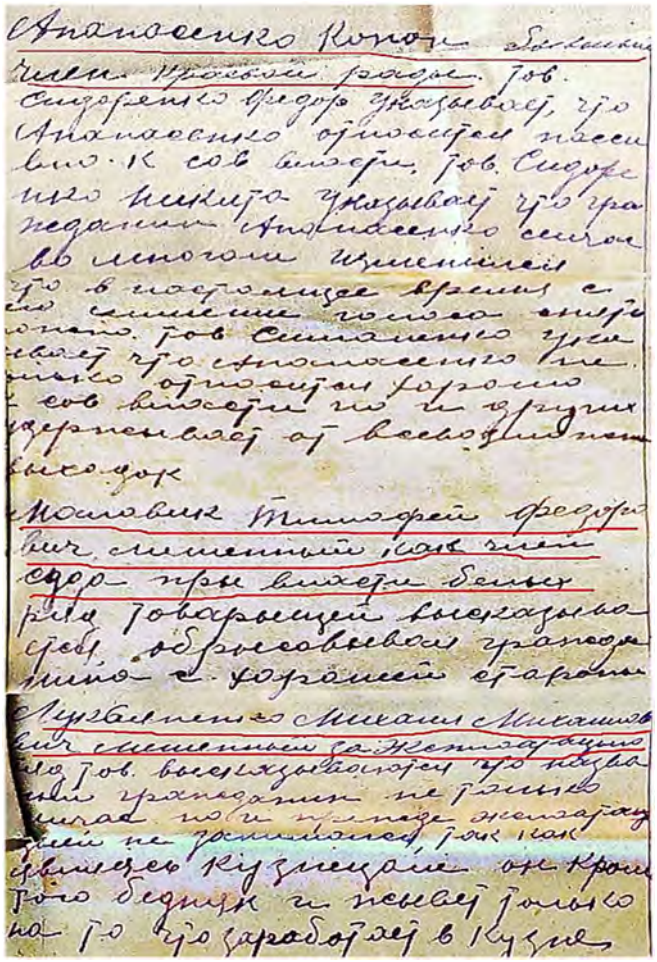
ПОСТАНОВИЛИ: Причину признать уважительной.

Единогласно Секретарем ком"ячейки избран оказался СИДОРЕНКО.Никита Григорьевич,какового Ком"ячейка просит Парткомитет утвердить.

Из выписки с протокола Комячейки селения Братского от 24 июня 1923 года

В 1924 году везде по стране пошло так называемое землеустройство – окончательный передел земли. В январе 1924 года и само Братское поземельное товарищество национализировались в пользу комиссии крестьянского общества взаимопомощи (КОВ). На хуторе все земли в пределах техграниц бывших членов товарищества и их технику поделили подушно поровну с оседлыми иногородними. В результате проведённого землеустройства свыше 30% иногороднего населения волости впервые смогло получить землю (женщины тоже). На основе этого передела вместе с другими товариществами волости была создана одна гигантская коммуна – «Красный восток». Все общественные хуторские постройки перешли к ней. В коммуну вошли национализированные земли хуторов: Братского, Согласного, Нееленского, Габаева, Муравенко, Новоекатериновского, Миронова, Добровольского, Котлярова и Новосёловского. Председателем коммуны митинговым порядком был поставлен коммунист Драгунов П.Е.

Из-за того, что некоторые хуторяне во время революции «пассивно» относились к Советской власти или когда-то использовали наёмный труд, их всех ранее ещё в 1921 году лишили гражданских прав. Они не имели право получать пенсию, не выдавались продовольственные карточки, не могли вступить в кооперацию и т. д. Вот коммунисты и предложили этим товарищем вступить в коммуну с увеличенным сельхозналогом. Те сразу согласились и за это Комячейка, после недолгих колебаний, восстановила этих лишенцев в правах.



Из протокола закрытого заседания Комячейки Братского юрта от 12.07.1924 г. о восстановление в правах некоторых хуторян

За гражданскую войну окружающие хутора наполовину опустели и своим решением Сельсовет разрешил изымать пустующие дома богатых крестьян. Их с радостью стали занимать приезжие бедняки с центральной России и демобилизованные солдаты со Средней Азии. Вновь прибывшие иногородние были весьма довольны работой в коммунах. Хоть земли и переделили в их пользу, но хорошо работать они не смогли – не было у них сельскохозяйственного инвентаря, лошадей и главное той внутренней самоорганизации, такого векового опыта и устоев как у местных. Урожайность зерновых стала везде ниже, чем даже во время Первой мировой войны. Большевики повсеместно считали, что достаток наживается эксплуатацией другого человека, но только не собственным трудом. В то время правительство начало

осуществлять чёткую социально ориентированную политику в аграрном секторе, поддерживая экономически беспомощные бедняцкие хозяйства, при этом разоряя все крупные. Так хуторским Сельсоветом только им снижались налоги, предоставлялись льготные кредиты, но как правило, все это мало помогало. Зачастую семенное зерно и розданный экспроприированный скот бедняками использовались в качестве дополнительного продовольствия – им очень хотелось наесться досыта.

В то же время решением крестьянского Комитета Общественной Взаимопомощи (КОВ) на Братском создаётся сельскохозяйственное Кредитное товарищество, председателем правления которого поставили Коваленко. Кредитное товарищество брало под какие-то низкие проценты кредиты в госбанках и оказывало денежную помощь беднякам и иногородним в приобретении скота, семян или же какой-либо сельхозтехники. Затем по окончанию срока займа выкупала у этих граждан часть полученного ими урожая, сдав который государству расплачивалась с банком. Но из-за скачка инфляции крестьяне неохотно влезали в такого рода общества, так как считали, что сами они смогли бы получить гораздо больший доход, продав зерно через свою коммуну или же на рынке. Так что это товариществе больше числилось на бумаге, а через несколько лет было закрыто, едва рассчитавшись с долгами.

С июля 1924 г. по декабрь 1934 г. хутор Братский пребывал в составе Усть-Лабинского района Кубанского округа Северо-Кавказского края, (потом до 1953 г. в Ладожском районе Краснодарского края, а с 1953 опять вернулся в Усть-Лабинский). Образовался Братский Сельский Совет с общим количеством 3037 чел. из следующих хуторов:

Название сельсоветов и населенных пунктов по районам (В скобках старое название).	К О Л И Ч Е С Т В О									
	Дворов.	Населения			Колодцев.	Прудов.	Партийных организаций.	Школ I ступ.	Библиотек и изб-читален.	Детских домов.
		Мужчин.	Женщин.	Всего.						
2	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
205. БРАТСКИЙ С. С.										
Братский хут.	92	297	324	621	58	—	1	1	1	—
Неслянский хут.	92	288	303	591	75	—	1	—	—	—
Н.-Екатериненский хут.	35	116	131	247	17	—	1	—	—	—
Новоселовский хут.	70	294	306	600	32	—	—	1	—	—
Светлый День комм.	1	49	55	104	2	—	—	—	—	—
Согласный хут.	85	259	282	541	70	—	—	1	—	—
Фролов хут.	40	157	176	333	6	—	—	1	—	—

По переписи 1926 года в наличии количество населения в Братском Сельсовете Кубанского округа Северо-Кавказского края составляло 3287 человек, в него входили хутора: Нееленский с Габаева (129 дворов, 356 чел.), Воро́вского (39 дворов, 74 чел.), Ново-Екатериненский (52 двора, 140 чел.), Новоселовский (с Морланга, 112 дворов, 350 чел.), Согласный (116 дворов, 580 чел.), Фролова (66 дворов, 344 чел.), Светлый день - Ясная заря (25 дворов, 55 чел.) и некоторые помельче.

Ближайшие хутора при этом отошли: Орлова (23 двора, 229 чел.) – в Некрасовский Сельсовет; Киевский (56 дворов, 289 чел.), Школьный (19 дворов, 47 чел.), Чернова (24 двора, 66 чел.), Саратовский (54 двора, 247 чел.) и Се́менова (77 дворов, 351 чел.) – в Болговский; Пятихатки (40 дворов, 196 человек) – в Александровский.

На самом хуторе Братском тогда стояло 99 подворий, а население составляло 509 жителей. Этнический состав хутора Братского был следующим:

IV. Округ Кубанский.

Наименование н/пунктов и тип их, в них казаков и главнейших народностей	Общ. колич. хозяйств	Мужчин	Женщин	Обоего пола
III. Братский с/с.				
1. Братский х.	99	247	262	509
В том числе казаков	—	1	4	5
украинцев	70	196	211	407
великороссов . . .	21	35	34	69
цыган	6	13	13	26

Всего по Братскому Сельсовету согласно переписи этого 1926 года: казаков – 177, русских: малороссы (по-советски уже украинцы) – 1342, великороссы – 945; немцев – 649, мадьяр – 10, латышей – 5, цыган – 33.

По поводу немцев. Вообще вдоль левого берега реки Кубани против станицы Ладожской и почти до самой Тифлисской (Тбилисской) в селениях Семёновском, Леоновском, Новониколаевском, хуторах Красном и Новосёловка проживало в большинстве немецкое население. Самое большое их число было в колонии Семёновская, что в 20 километрах от хутора Братского. Основана она в 1861 году немцами, прибывшими с паспортами из Саратовской губернии. Находя там жизнь для себя слишком бедной, они двинулись на Кубань и арендовали землю у полковника Гусарова Крым Гирея, получившего её по приказу главнокомандующего Кавказской армией за заслуги в войне. Потом колонисты с помощью шульца (старосты) обратились в Кавказское

наместничество с просьбой о выделении им казённых земель. Просьбу их в августе 1863 года удовлетворили и выделили по 30 десятин угодий на каждую семью от реки Кубани до Зеленчука. Освободили от налогов и повинностей на семь лет и дали участок казённого леса по реке Лабе. Первоначально в колонии насчитывалось 50 семей, все они получили земельные участки и государственные льготы, но вскоре прибыло ещё 50. Постепенно помимо казённых земель колония стала выкупать у частных владельцев-соседей участки и заводить там поселения. В 1892 году 38 семейств семёновцев отделились и образовали уже самостоятельную колонию Новониколаевскую. К 1917 году сама Семёновская выросла в довольно крупный населённый пункт в 1584 души. 927 из них являлись основателями колонии или их наследниками, т.е. коренными лицами католического вероисповедания. К этому времени семёновцы имели 2017 десятин земли. В 1926 г. в Семёновском сельсовете проживало 3819 человек, из которых 2654 немцы.

Второе место по численности немцев занимала Новосёловка Братской волости. Жили они там компактно, в основном на хуторе. Изначально хутор называли по имени немецкой семьи – Морланг (Morlang), взявшей в 1867 году в аренду у капитана Мякишева 118 десятин земли, которую тот ранее получил за заслуги в Кавказкой войне. К Морлангам на Кубань потянулись их земляки-лютеранцы с Аккерманского уезда Бессарабской губернии, основав небольшую колонию на заарендованных частнособственнических землях генерала Романова. В 1887 году немцы из 10 семей создали товарищество Нейхеим (Neuheim), которое за два года выкупило прилегающие к ним участки земли у генерала Романова, капитанов Фомина и Близнецова, штабс-капитанов Ильюшенко и Мякишева, общим размером в 600 десятин. Переименовав хутор в более удобное для русских название *«Ней-Саловка»* (потом уже Новосёловка), основательно его обустроили, стали строить добротные хаты, насыпали себе хорошую дорогу к станице Ладожской. В 1913 году на хуторе Новосёловка стояло 39 дворов, в них числилось 470 душ. Он выделялся многочисленностью семейств, дворами без заборов, внутренними входами в хату и ухоженностью приусадебных земельных наделов. Появился свой лютеранский приход, прихожане которого построили прямоугольной конфигурации здание кирхи с начальной школой, где преподавание велось на немецком языке (кирху эту закрыли в 1930-х годах). В первую мировую войну немцев начали притеснять и население хутора резко уменьшилось. Но сразу же после революции их много вернулось, и количество хозяйств дошло до 112, с общим числом немцев в 582. Всего жителей Новосёловки в 1926 году числилось 624 человека.

В начале XX века Новосёловка считалась самой криминогенной по Братский волости. Представители местной общины тогда не во всём соответствовали устоявшемуся образу добропорядочного бюргера. Как рассказывали старики, с ними всегда был один и тот же разговор: «Где бы вот достать капиталу». Проезжающих мимо посторонних крестьян, ехавших через их дорогу на базар в Ладожскую, там частенько избивали, а вечерком могли ограбить уличные шайки молодёжи. Больше половины дел волостной суд тогда рассматривал из Новосёловки, там постоянно возникали какие-то самовольства, скандалы и драки. Одним из специфических промыслом новосёловских немцев была доставка по окрестностям кирпича производства собственной артели Нейхеим на специально сконструированных для этих целей металлических телегах с шестью лошадями. Колеса стояли тоже металлические, диски колёс постоянно уходили в «восьмёрку» при спусках с горок и их часто приходилось менять. Ковали колеса им местные цыгане. Кирпич немецкого товарищества Нейхеим славился своим качеством и многие дома в Братской волости были выстроены именно из него.

В дальнейшем, история местных немцев особо не отличалась от историй других немецких сельских обществ Северного Кавказа. Уже позднее, в мае 1941 г. Верховный Совет СССР издал Указ о ликвидации поголовно всех немецких национальных образований, а осенью 1941 г. все семьи из числа немецких жителей хутора Новосёловка (около 120) были депортированы на Восток страны, остались проживать там только русские в 20 дворах. По окончании войны хутор стал заселяться демобилизованными воинами. После реабилитации немцев в 1972 году в Новосёловку возвратилось всего несколько семей, да и то с русскими корнями. Сейчас численность населения хутора Новосёловка составляет всего 150 человек, из них более 40% приходится на пенсионеров.

О цыганах. Появился их первый табор около хутора Братского ещё где-то в начале 1890-х годов. Казаки по окрестным местам гоняли их отовсюду, до тех пор, пока те не прибились к Братскому товариществу. Среди них были четверо знатных кузнецов, подковывающих лошадей и великолепно делающих кованные изделия. Их кузня работала не только на заказы Братского товарищества, но и на всех окружающих крестьян. Остальные же семьи занимались в основном перепродажей лошадей. Сами их не воровали, но на базаре в Ладожской все знали, что такого коня братские цыгане всегда охотно скупят по дешёвке. Темные людишки отводили цыган в сторону и торговались. Затем те отгоняли этих лошадей подальше за Лабу к черкесам, где никакие концы уже нельзя было найти. Так постепенно разбогатев перешли на полуоседлый

образ жизни, построив себе хаты на окраине. Они хоть тогда и приняли Советскую власть, но в большинстве же своём привычному бытовому укладу жизни не изменяли, продолжая в основном заниматься попрошайничеством и перепродажей лошадей. Потомки некоторых тех цыганских семей и сейчас проживают на хуторе Братском.

А тогда в конце 20-х годов везде по СССР пошли сумасшедшие планы госхлебозаготовок, самообложение, какие-то страховки, навязывание советских облигаций под обязательную сдачу хлеба. Стали наступать совсем худые времена для хуторских хлеборобов, живших только плодами рук своих на своей земле. В какую сторону тогда не кидались крестьяне – не отвяжутся местные власти и не оправдаешься, всё равно заберут весь урожай под продразверстку. Но, тем не менее, большинству людей на хуторе как-то удавалось оставаться в живых и растить детей.

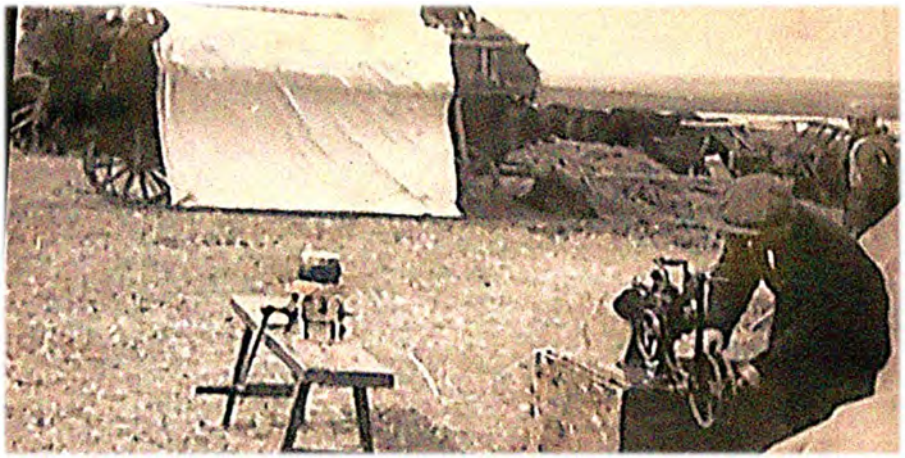
В те года резко пошла инфляция. Приобрести в местной лавке что-либо уже можно было с большим трудом, всё стало дефицитом. К примеру, если до революции, чтобы купить в Ладожскую хорошую сеялку хватало всего пять мешков пшеницы, то в 1924 году требовалось уже 50 пудов натурой (1 пуд = 16 кг). Да и невозможно было что-то местным продать на базаре, у людей просто не было никаких денег на покупку даже самого необходимого. В районную станицу Усть-Лабинскую ездить обыдёнкой (одним днём) было совсем не с руки – слишком большое расстояние, да и обычными стали грабежи по этой дороге. А мост через реку Кубань на станицу Ладожскую, после того как его подорвали отступающие части Кубанской Армии в 1920 г., местные власти сколько тогда не пытались, так никак и не смогли восстановить.

Так переправлялись через р. Кубань с х. Братского на Ладожский базар в конце 20-х гг.

С 1926 учебного года на хуторе Братском была закрыта хуторская церковно-приходская школа, где учёба со старорежимными учителями не соответствовали советским требованиям. На её месте для хуторской молодёжи было сделано учебное культурно-просветительское заведение с пятью секциями: сельскохозяйственной – вёл Дьяченко Ф.Н, кооперативной – Манько Прокофий, поэтической – Соловьёв, драматической – Кузнецов, естественной (пропаганды) – Казанов В.И. А для полного всеобуча 36 детей тогда числилось в начальной советской школе, расположившейся в имении Миронова (реально посещало меньше), созданной в 1921 году на базе министерской хутора Болгова.

Вообще в конце 20-х годов, с полным установлением Советской власти, хутора Братского Сельсовета были охвачены масштабной идеологической работой. Одну из первых годовщин Октябрьской революции отпраздновали 7 ноября 1924 г. Прошло большое шествие с горящими факелами от мельницы до церкви. К коллективным мероприятиям при Сельсовете привлекались беднота и иногородние. На революционные праздники с большим размахом и часто проводились митинги. Созывались они и перед проведением политических кампаний или очередных выборов. Однако из-за «бедности и убогости» некоторых, как описывается в ряде сохранившихся партийных отчётов за 1929 год, половина жителей окружающих хуторов не смогла попасть на избирательные участки. Из-за отсутствия надлежащей обуви или одежды они были не в состоянии принять участие в них.

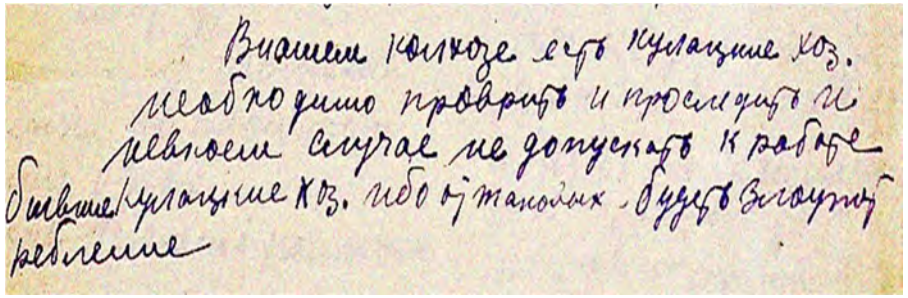
Летом раз в месяц со станицы Усть-Лабинской на хутор Братский на бричке с кинопередвижкой приезжал культотряд и вместе с народным театром хутора давали агитсеансы под руководством Кузнецова. Для сельской местности это было чем-то сродни великому событию. Некоторые люди в то время впервые в своей жизни узнали, что такое кинематограф. Узкоплёночный кинопроектор обычно устанавливался на столе напротив глухой белёной стены какого-либо дома, а чаше всего экран просто подвешивался на какой-то телеге прямо в поле. Привод этого немого кинопроектора был ручной, механизм прерывистого движения плёнки – грейферный, источник света – маленькая автомобильная лампочка и питалась она от ручного динамо-привода, который помощник механика тоже должен был постоянно крутить. Вечером зрители собиралась задолго до начала сеанса и рассаживались прямо на окружающих пригорках. С наступлением сумерек механики начинали «крутить» ручки и на экране появлялось движущееся изображение фильма. Один из них читал заготовленный заранее текст. Местные баянисты в паузах делали музыкальные сопровождения.



Перед началом агитсеанса кинопередвижки в колхозной бригаде. Фото 1929 г.

Начиная с середины 1929 года Советским правительством на первый план ставилась чисто политическая задача – полное обобществление всей земли и главное средств производства. Для большинства коренных хуторян обстановка на хуторе Братском стала резко меняться совсем не в радостную сторону. Летом на здании бывшей церкви появился плакат, призывавший всех бедняков бороться с зажиточными хуторянами. Обстановка на хуторе накалялась. Маловика Тимофея, Рябошапка Якова и Долбню Константина, не смогших заплатить наложенного на них налога по самообложению, милиция избила и издевались. В то же самое время коммунисты начали очередной погром церкви, при котором верующими в самой церкви до полусмерти был побит руководивший этими действиями председатель Комсода – Гармаш.

В октябре 1929 г. в Сельсовете состоялось закрытое совещание хуторского и партийного актива из 47 человек, в котором принял участие уполномоченный Усть-Лабинского Райкома ВКП (б) Кундурис. Он настаивал на использовании в юрте хутора системы «десятидворок» и «стодворок» (трудовая порука, при которой планы заготовок давались группе дворов). Постановили т. Мартынову составлять такие списки, усредняя бедняков и батраков с зажиточными. Потом обсуждались вопросы закрытия колхоза-гиганта, организации новых колхозов на землях Сельсовета и раскулачивания. Коренным хуторянам предложили самим провести раскулачивание тех, кто раньше использовал батраков. Уполномоченный заявлял, что здесь нужно придерживаться только классовых принципов, срочно проводить разукрупнение и организовывать новые колхозы без бывших кулацких элементов.


Внутри колхоза есть кулацкие хоз.
необходимо проверить и проследить и
ни в коем случае не допускать к работе
бывшие кулацкие хоз. ибо из таковых будут вносить
разложение

Из протокола закрытого совещания хуторского партактива Братского Сельсовета.

Совещание шло всю ночь, кто станет кулаком – тогда так ни к чему и не пришли. Многие активисты находились в состоянии полной растерянности. Бывшие владельцы паевых участков земельных товариществ волости – середняки, а они составляли половину населения, в большинстве своём не в какую не хотели принимать решение о новой коллективизации, их недовольство всё возрастало, требовали выделения им личных наделов. Они твердили, что в колхозе неправильно организованно хозяйство, не ведётся надлежащий учёт инвентаря, вместо бережного отношения к урожаю колхозники сами его растаскивают, небрежно относятся к тяглу и постоянно лентяйничают. Выступивший с разъяснениями секретарь ячейки ВКП(б) Сидоренко заявил собравшимся, что сейчас вопрос о раскулачивании отпал и уже нет необходимости продолжать собрание. Утром следующего дня около Сельского совета собралось около пятидесяти хуторян, узнавших о результатах закрытого собрания. Они потребовали продолжения накануне прерванного собрания, только открытого для всех. Когда же представители Сельсовета категорически отказались это сделать, толпа окружила их и пыталась побить. Хуторяне продолжали требовать продолжения, чтобы всё население могло высказало свои претензии.

В итоге, после долгих переговоров, представителям власти вместе с группой бывших красных партизан, всё же удалось успокоить население и играя на материально-потребительских интересах бедняков, составить актив из 26 семей, через которых на национализированных землях 13-ти хуторов Братской волости начали создавать новые колхозы: в Братском – им. Воровского, Фролова, Миронова и НовоЕкатерининском – «Надежды Ленина», Согласном – «Победа», Новосёловке – «Карла Либкнехта», Нееленском – «Комсомольский Труд». Многие тут же решили подать заявление о выходе из колхоза-гиганта и войти в новый. Саботирующим Сельсовет решил выделить отрубные участки малопродуктивной земли по окраинным землям хуторов.

Заседание партийных активистов по созданию колхозов. На переднем плане за столом слева-направо: Кундурис, Корсун, Ковалёв, Сидоренко. Фото 1929 г. семьи Корсун.

Коллективизация в стране шла усиленными темпами. В ноябре этого же 1929 года было издано постановление ЦК ВКП(б) о сплошной коллективизации, обязывавшее все крестьянские хозяйства работать со своим инвентарём и лошадьми только на коллективных полях. Сталин объявил о *«полной ликвидации кулачества как класса»*. Скот и перевозочные средства у них должны были отбираться, а самих их в случае *«саботажа»* необходимо привлекать за это к ответственности или же вообще выселять со своего дома. Циркулярно свыше новые административные меры пришли на смену старым экономическим.

Сельсовет получил директивные указания, чтобы весенняя кампания проводилась только колхозами. По дворам хуторян начала ходить специальная комиссия, созданная при Сельсовете, которая для обобществления описывала рабочий и продуктивный скот, корма для него, сельхозинвентарь и посевное зерно. Коммунисты на все лады расхваливали колхозную жизнь, что мол там она без буржуев будет зажиточная. Середнякам было жаль расставаться со своим добром, те стали прятать скот. Комиссия всё равно его находила и записывала для принудительного изъятия. Местная Комячейка причислив тогда всех недовольных к кулакам, стала рассматривать их как лиц, возрождающих идеалы частнособственничества. В первую очередь во внимание принималось нежелание этих хуторян вступать в колхоз.

Поскольку многие крупные хозяйства волости были разорены ещё во время гражданской войны, то кулаками теперь становились хуторские середняки, которые ценой своего упорного труда добились какого-то благополучия. Когда пришло время выявлять кулаков, тут уже большую роль у местных активистов стала играть личная антипатия, зависть. В предыдущие годы НЭП-а власти активно поддерживали покупку вскладчину тракторов, молотилок и разной сельхозтехники. Теперь же владельцы за использование наёмного труда попали в списки лишённых избирательных прав, у них изъяли всю технику в пользу новых колхозов.

Услыхав об обобществлении скота, некоторые середняки «самораскулачивались», решив от всего избавиться. Но цены на скот тогда так сильно упали, что приличную лошадь нельзя было продать даже за 10 новых советских рублей, в то время как год назад она стоила на базаре 80-100 рублей. В хуторе были случаи, что лошадь сбывали за четверть водки и тут же её пропивали. Некоторые хозяйства пустили под нож всех своих телят, овец, свиней и даже кур, говоря: «*Дома то я кушаю что захочу, а в колхозе что дадут, то и будем есть. Надо перед концом жизни ещё хоть немного мя́ска попробовать*». Волна массовой резки скота, свиней и птицы особенно сильна была в декабре 1929 г. Но тут же перед Новым годом по дворам опять пошли активисты, начав переписывать остатки живности и вызывать владельцев на правление для проведения им разъяснительной работы о необходимости выполнения плана заготовок. Принятые немедленные репрессивные меры вплоть до запрещения без ведома Сельсовета продажи и порезку, наложенные штрафы, хоть как-то приостановили разбазаривание скота. Но отрицательно настроенная часть населения хутора стала проводить активную агитацию против сплошной коллективизации. Отдельные группы иногородних во главе с Василием Педасенко всё ещё колебались по различным причинам: *«Колхоз – это не товарищество. В нем сейчас много разных начальников. Давайте оставим это дело до осени, ведь мы уже засеяли свои участки, а теперь их кто-то возьмёт и заберёт себе».* Среди же пришлых бедняков были такие, как тогда выражались, чисто «собесовские» настроения: побыстрей войти в колхоз и прокормится за счёт него. Они первыми начали войну с местными – следили и заявляли, куда только можно, об остатках хлеба у них и вообще, кто, сколько и что имеет, где там прячет. Озлобляясь на более обеспеченных местных, иногородние начинали даже переходить на пакости – писали клеветнические доносы в Сельсовет и районный партийный комитет. Так тогда получилось, что и мой прадед оказался в числе таковых, хотя донос на него потом никак не подтвердился.

В самом начале 1930 г. опять пошла очередная волна репрессии по отношении к коренным хлеборобам. Основанием для этого послужило Постановление ЦИК от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по борьбе с кулачеством» об их массовом выселении с конфискацией имущества. Партком Братской Комячейки (Сидоренко, Красилов, Кузнецов и Мартынов) составил список из 32 явно кулацких и 5 зажиточных хозяйств. В список попали те, кто до революции были просто зажиточными крестьянами или казаками и ещё продолжали жить в Братской волости. На объединённом и закрытом партийном заседании Братского Сельсоветов в составе членов бюро: Винник Т. Ф., Винник М., Коломиец, Гончаров, Федченко, Шлавцов, членов партии: Сидоренко, Клименко, Ефименко, Гончаров А., Башмаков, Бунин В., Чистяков и уполномоченного Кундуриса, он был утверждён. Этот список подали начальству для выноса окончательного решения на совместном бюро ВКП(б) и Райисполкома Усть-Лабинского района об выселении этого саботирующего населения за пределы края.

Утверждение Усть-Лабинским Райисполкомом действий Братского Сельсовета по отнесению семей к явно-кулацким

Выписка из протокола № 64 Заседания Президиума Усть-Лабинского Райисполкома от 4 февраля 1930 года.

СЛУШАЛИ: Утверждение решений сельсовета по лишению избирательных прав

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить лишения избирательных прав по признаку отнесения глав семьи к числу явно-кулацких х-в хут. Братскому:

1. АНАНАСЕНКО Конона

Зав. Поляков.

И вот холодным утром 14 февраля 1930 г. в хутор Братский приехали на линейке с Усть-Лабинской четверо вооружённых работников ГПУ во главе с уполномоченными Брауном и Кундурисом, у каждого по шашке на боку. А с ними прибыло местное начальство: председатель ячейки ВКП(б) Гончаров, председатель Сельсовета – Сидоренко, новый председатель колхоза им. Воровского – Бунин с кучей комсодов и «берданками» на плечах. Они-то и проговорились: *«Советская власть морить кулаков не запрещает. Они нам в новом мире не нужны».* Сразу пошли по дворам и начали выселение кулаков. Писарь Иван Винник аккуратно описывал всё и тут же записывал в акты. Конфискованное имущество, за исключением той её части, которая была зачтена в счёт погашения обязательств государству, было передано в качестве взноса в колхоз вновь прибывших бедняков с центральной России. Остатки приусадебной земли раскулаченных семей, ещё ранее отрезанной хуторским советом, пошли в колхозную собственность.

Партийные власти ничего нового строить не смогли, но им понравились внушительные дома Солодких, Маловиков и Апанасенко в центре хутора и местным Советским органам было рекомендовано их реквизировать. Перешли они в собственность Сельсовета.

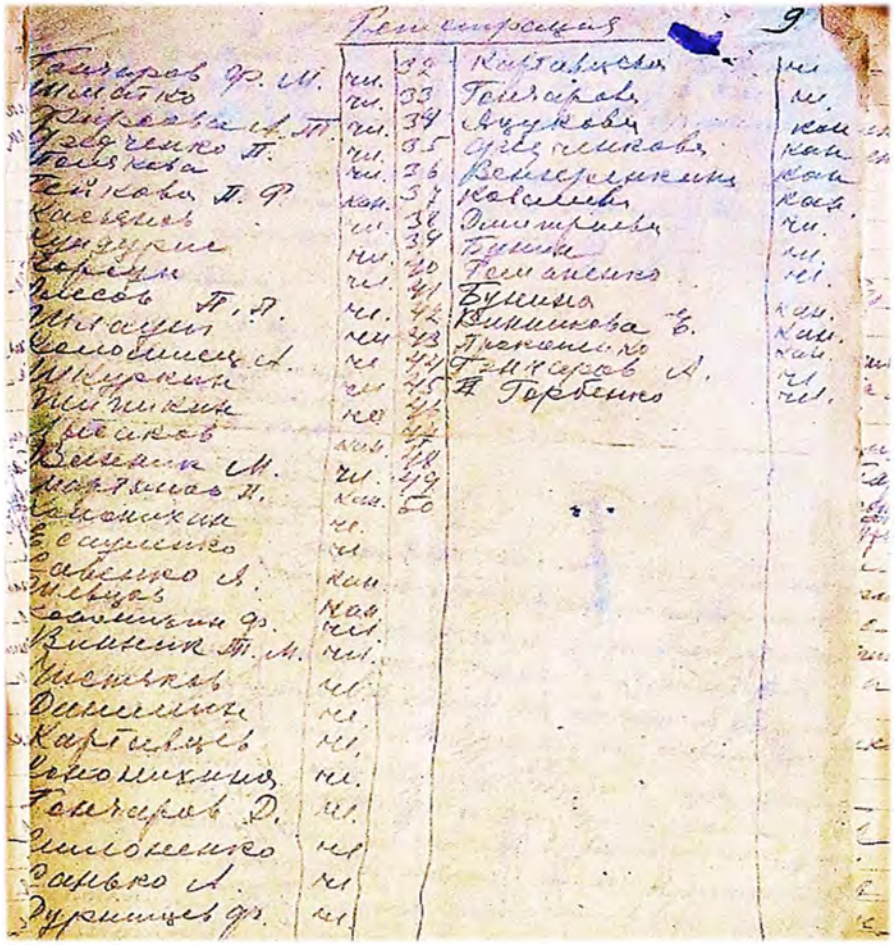
Чудовищную несправедливость перенесли тогда многие коренные хуторяне в 1930-м году. Через некоторое время все узнали, что часть из хуторских старожилов, кто ещё имел большие хозяйства и оставался на хуторе, оказались в худшем положении – их просто сослали в Сибирь. Маловика Тимофея Фёдоровича, который особенно агрессивно отнёсся к экспроприации своей собственности, увезли в Усть-Лабинск приехавшие рано утром милиционеры, там быстро осудили и больше от него никаких сведений уже не поступало. Оставшиеся члены семьи Маловиков сразу же были высланы на спецпоселение в посёлок Чердынь Пермской области вместе с десятками таких же хуторян. Раскулачены были мои прапрадеды Солодкие. Реквизирован их садовый участок и дом. В Советское время в нем находилась средняя школа, а позднее комбинат Бытового обслуживания. Сами Солодкие, не имевшие особых «грехов» у Советской власти, под давлением активистов вступили в новый колхоз. Правда потом решением Братского сельсовета часть семьи всё же получила в своё хозяйство заброшенную хату вымерших в голодовку семьи Дреевых. У моего прадеда Павла Хоружевского из-того, что его сын Максим когда-то служил в Белой Армии – обобществили поголовно всю скотину, даже несмотря на то, что другой его сын Григорий в то время был за Советскую власть, стал активистом в Сельсовете и вошёл в колхоз со всем своим имуществом.

Дома раскулаченных семей были переданы по акту под административные нужды Сельсовета и Братской школе крестьянской молодёжи (ШКМ), созданной на базе новой советской, располагавшейся в усадьбе Миронова. Спустя много лет хуторские старики, которые тогда были ещё совсем маленькими детками и учились в той школе, очень неохотно и с таким чувством, будто бы это они сделали что-то несправедливое, вспоминают тогдашнее время. Видимо то, что ты находишься в чужом доме, где ещё не остыло тепло домашнего очага, долгое время висело тяжёлым грузом над этими учениками. Им тогда новые учителя говорили, что здесь жили кулаки-эксплуататоры трудового народа, которые грозились уничтожить Советскую власть и лишить их счастливого детства. Но многие из этих детей были хорошими знакомыми раскулаченных, свояками или даже родственниками, и они никак не могли взять в толк, как это вдруг эти семьи стали такими враждебными для всех окружающих.

Есть такое выражение «полное опустошение» – оно, как нельзя лучше, подходило к тогдашнему положению, а в большей мере, к духовному состоянию большинства членов раскулаченных семей. Добровольно отказаться от владения земли, получения радости от результатов труда на ней, отречься от своей любимой лошади, от коровы, ради которой он привык жертвовать всем, которая кормила ребятишек, человек с хлеборобскими корнями просто так не мог. Выгнанные из собственного дома, подавленные, не имея устремления и уверенности в будущем, не прося Божьей помощи, они уже не способны были что-либо созидать.

В начале 1930-х годов, когда страна только начинала сплошную коллективизацию, прежний исторически сложившийся веками уклад жизни на хуторе был полностью разрушен. Появились на хуторе такие явления как мордобой между соседями, ненависть к земле и отсутствие трудолюбия, запойное пьянство, что никак не было присуще этим же людям раньше. Кулаками власть уже стала считать всех бывших членов товарищества, кто до революции имел свои личные паи земли и их тоже выселяли. Людей увозили приезжавшие из района какие-то уполномоченные ГПУ, и они потом бесследно исчезали. Ситуация на хуторе стала крайне напряжённая и сопровождалась кровавыми драмами. Тогда же за найденные в карманах брюк колоски осудили на три года трудовых лагерей красного партизана Курочкина. Трое женщин провинились лишь только в том, что срезали пшеницу в поле, чтобы их семьи не умерли от голода – их тоже осудили. Пошло на хуторе много случаев воровства скота и птицы. До коллективизации у людей замков во дворах и на калитках не было ни у кого. Если хозяева уходили из дома, то снаружи подпирали её палкой, чтобы с дороги всем прохожим было видно, что их нет дома. Вот тут и случалось, что пришлые и иногородние в наглую уводили скотину. Местные органы милиции никак не реагировали на заявления хуторян по этому вопросу и тогда потерпевшие вынужденно брались за оружие, убивали воров. Начались совсем никому непонятные репрессии против казачества. За хранение казачьей сабли, формы, папахи или вообще даже за старые фотографии в казачьей форме можно было сильно поплатиться и запросто попасть в трудовые лагеря. Потому мало что сохранилось из документального материала от того времени. Если же просматривать фото тех лет на хуторе Братском, то бросается в глаза то, что до 30-х годов на снимках много взрослых и детей сидели в папахах. А уже с 1933 года вообще ни одного не увидишь. Некоторые старики тогда даже завещали хоронить себя с фото своих родителей на груди, чтобы они остались с ними навечно. А выжившие их дети молчали потом долгие и долгие годы.

Многим коренным жителям хутора тогда большевизм принёс неисчислимые личные трагедии, большинство их семей были разрушены под самый корень, а вот иногородним – большие надежды. Поддавшись агитации, они с радостью шли в колхозы, думая навсегда связать с ним свою жизнь. Коллективизация для них, как они считали, стала бы быстрым путём к сытной и обеспеченной жизни сразу для всей семьи. С оставшимся местным населением они пыталось как-то строить новую светлую жизнь под руководством Коммунистической партии большевиков и с большим энтузиазмом выходили на колхозные поля. Но как показали дальнейшие события – получилось всё совсем не так как это им представлялось в своих мечтах.



Список членов и кандидатов ВКП(б) Братского Сельсовета на март 1930 года.

Коммунисты в большинстве своём везде искали своих классовых врагов и ими подчас оказывались люди с мышлением, отличавшимся от курса Партии. Новое Советское государство тогда без разбора попирало человеческое достоинство, обрекало на смерть и голод ни в чём не повинных, но почему-то классово чуждых ему людей. И всё это было со своими гражданами-единоверцами, в своей же стране под идеей «благих целей» для создаваемого коммунистами нового Советского общества. Многие семьи старожилов в то время от безысходности разбрелись по Кавказу, а некоторые окрестные хутора просто побросали на произвол судьбы со всем что там было нажито. В их хатах уже практически ничего ценного не оставалось, кроме пустых построек, бывшими когда-то для них родным домом. На 13-ти хуторах Братского Сельсовета оставалось совсем мало мужского населения, как старых, так и молодых – часть поубивали, часть отправлена на ссылку, а часть сама побежала в станицы и города. Оставшиеся мужчины были большей частью больными калеками, дети малы, а молодёжи совсем недостаточно. По официальным данным Краевой Земельной Управы в 1931 году от всего населения Братского Сельсовета только 42% было трудоспособно.

Но жизнь на этом не остановилась. В 1930-31 году задачу нехватки рабочих рук Компартия решала простым способом – в пустующие хутора были присланы малоземельные крестьяне с Нечерноземья, а на руководящие посты с городов края направляли коммунистов из рабочих. Высшее руководство страны не скрывало, что на смену выселяемым «саботажникам колхозного строя» обязательно должны прийти лояльные к власти колхозники, каковыми и стали переселенцы. По решению Братского Сельсовета они заселяли дома раскулаченных. Им предоставлялись различные льготы, а рабочим с городов ещё кроме трудодней платился оклад в размере заработка с прежнего места работы. По вопросам коллективизации они все активно сотрудничали с руководством Братского Сельсовета и местными партийными органами. Всех председателей колхозов и заместителей большинством голосов выбрали из вновь прибывших рабочих.

Нижевский Пётр Казимирович – 1895 г.р.
Один из первых переселенцев на хутор Братский из числа рабочих с города Краснодара, член ВКП(б) с 1917 года.
Председатель артели, а затем колхоза «Путь коммунизма» с 1931 по 1852 гг.

Курс партии на коллективизацию продолжался. Его не остановило ни сопротивление бывших в годы НЭП-а кулаков, ни повсеместное обнищание крестьян, ни возникшее их неверие в политику Компартии и уже начинавшийся голод. В 1931 году государству удалось его предотвратить только лишь за счёт предоставления колхозам большой семенной ссуды. Из-за этого все сельхозартели и коммуны сразу же попали в тотальную зависимость от государства. У коллективных хозяйств потом выметалось всё подчистую, не оставлялось даже для натуроплаты по трудодням. Спускаемые колхозам годовые госпланы хлебозаготовок проваливались, а ответственность за их невыполнение возлагалась на руководителей колхозов, которые постоянно менялись.

Полуголодная зима и засуха 1932 года сопровождалась массовыми выходами крестьян из колхозов. Разбежались артели «Чекист» и им. Карла-Либкнехта. Тем не менее к жатве 1932 года оставшееся население Братского Совета, с общим количеством в 4525 человек, 85% коллективизировалось в шесть сельхозартелей и одну коммуну. Из 1164 хозяйств Сельсовета, вне колхозов оставались лишь только 59 дворов. В основном это семьи бывших кулаков, которых в колхоз не принимали.

Коллективные хозяйства Братского Сельсовета по данным Северо-Кавказского краевого земельного управления на 1 июня 1932 года

Название кол-хоза и его уставная форма	Всего населения на территории	В том числе трудоспособного	Всего хозяйств в колхозе	Всего площадь посева в га	Всего рабочих лошадей	Всего коров	Фермы кол
Коммуна им. Воровского	1332	678	58	1835	145	119	2
С/х артель Весёлый труд	676	250	140	887	73	-	1
С/х артель Героев революции	628	343	117	733	91	2	2
С/х артель Победа	559	281	176	713	75	3	1
С/х артель Путь к коммунизму	463	286	311	832	53	33	1
С/х артель Надежды Ленина	394	169	155	604	39	42	2
С/х артель Комсомольск. труд	211	92	148	300	19	24	3

И вот в итоге зимой 1932-33 года в Ладожском районе Азово-Черноморского края разразился страшнейший голод, подготовленный всем ходом советской коллективизации. Раньше тоже бывали сильные засухи, например, в 1921 году на хуторе почти всё засохло, пшеница даже колосков не выбрасывала. Но тогда запасы продуктов были почти у всех. А вот страшный голод 1933-го года был вызван властями искусственно. Сталин тогда сказал: «*Наша промышленность отстала от развитых стран на пятьдесят лет, и мы должны сейчас пробежать это расстояние за десять*». А для закупки промышленного оборудования требовалась валюта. Получить её тогда можно было лишь в обмен на хлеб. Между тем в мировой экономике разразился кризис, цены на зерно резко упали. За 1932 г. несмотря на засуху и начинавшийся массовый голод, из страны экспортировали огромное количество хлеба по бросовым ценам. Люди умирали от голода, а в это время правительство вывозило всё зерно за границу. Это конечно, позволило к началу 1940-х годов превратить Советский Союз в одну из немногих стран мира, способных производить все виды индустриальной продукции. Но для этого только в Краснодарском крае было заготовлено свыше 15 млн. центнеров хлеба. Потребовалось сдать в счёт хлебозаготовок даже часть семенного фонда, но планы партии так и не были выполнены. В колхозах урожай был плохой. Из окрестных хуторов вывезли всё зерновое. У жителей взяли на учёт кормовое зерно и сено, лошадей, рогатый скот, свиней, овец, домашнюю птицу, определив минимальную норму расходов для животных по каждому двору. Оставшееся изымалось. Во многих семьях стал намечаться серьёзный недостаток в еде. В колхозе «Путь к коммунизму» рабочие с бригадиром Смакат побив председателя, смогли как-то утаить часть зерна прошлогоднего урожая от выгребавших госпоставок и нелегально его раздавать, за это потом они попали под суд. Хотя формально местные колхозы и существовали, но фактически все хуторяне поразбежались в поисках продовольствия. Из того, что ещё можно было что-то достать и кукурузной муки с макухой делали хлеб. Рядом была река, кое-что удавалось там выловить. Хотя воду из реки и спустили, но её немного оставалось. От безводья везде вырос густой высокий камыш, комары сильно заедали людей, появился запах гнилья и болота. Но охота в них тоже спасала. Правда живность и птиц побили всю сразу, но ловили оставшихся в полях сусликов. Люди в этот год многие не выжили от голода, где-то около трети жителей окрестных хуторов умерли в зиму этого года. Ходить по улицам люди боялись, везде были пустые дворы. По рассказам старших в самом хуторе Братском около двадцати семей

полностью не смогли пережить эту голодовку, но трупы по улицам, как в соседней станице Ладожской, всё же не валялись. Тогда холодной зимой и весной 1932-33 гг. около 75% жителей станицы Ладожской вообще исчезло: умерли от голода или же болезней. Как рассказывали старики, в станицу Ладожскую для оказания помощи в выполнении государственного плана по сбору хлеба и борьбы с кулацким саботажем прибыли чекисты под руководством комиссара одной из воинских частей Черноморского флота. Люди были очень злы на власть, убили присланного комиссара и несколько его помощников. За что и поплатились. Опираясь на карательные отряды ГПУ, специальные бригады стали ходить по домам и изымали всё, что можно было взять: пшеницу, кукурузу, фасоль. Продукты забирались с одной целью – под страхом смерти заставить людей отдать спрятанное от государства зерно, выполнить любой ценой утверждённый план хлебопоставок. Власти считали, что у населения ещё есть где-то что-то припрятанным. Каждому, указавшему на спрятанный хлеб, выдавалось 10% от найденного зерна. Но на самом же деле у людей было всё изъято, а нереальные планы по заготовкам срывались. Запас продовольствия и фуража осенью иссяк почти сразу и его больше не подвозили, базары закрылись, остатки товаров с магазинов были все перевезены на базы. На дорогах установили заслоны по возврату «ушедших на отходные заработки», введён тотальный контроль над продажей железнодорожных билетов – продавали только по командировочным удостоверениям или с разрешения Советов. Патрулировались улицы станицы силами милиции с подворным обходом для выявления беглецов. Несмотря на то, что у жителей станицы были деньги и предметы для продажи, купить продукты на них возможности не было. Просто никакой еды в ближайшей округе не у кого уже не оставалось. Сначала съели остатки припасов, которые по тем или иным причинам не забрали, потом стали есть семена, а дальше – кто что добудет. Советы полностью прекратили завоз продуктов, раздавались только их остатки со складов Потребсоюза по разнарядкам Райисполкома. В станице Ладожской съели всё, что двигалось. Им тогда окружёнными со всех сторон милицейскими постами из латышей и чеченцев, просто стрелявшими в людей, шедших голодными на поиски пропитания, не удавалось даже вырваться за пределы станицы. Тогда они ложились и умирали на выезде. Телега-катафалк регулярно объезжала дворы и собирала умерших, которых хоронили в наспех вырытых братских могилах на окраине кладбища станицы. Когда появилась первая трава, люди ели её без разбора. Но и это не спасало.

Родня моего деда, точнее семья его родной сестры Татьяны, вышедшей замуж за Загорулько из Ладожской станицы и проживавшая тогда там, под видом поездки к своим родственникам, чтобы хоть как-то выжить, попыталась прорваться через кордоны за Кубань на Братские хутора. Но были почти сразу пойманы. Их вернули под конвоем в станицу и предупредили, что при повторной попытке бегства в них будут просто стрелять. Тогда они решились группой вообще уйти с этих краёв подальше. Прорываться коллективно всё же легче, а затем менее опасно было бы обживаться на новом месте, опираясь на помощь друг друга. С десяток семей беглецов побросав в станице Ладожской всё своё имущество и забрав только маленьких детей, совершили вторую попытку побега ночью на плотах через реку, на этот раз удачную. Им как-то удалось пробраться к своим родственникам на хутор Братский и тем самым избежать голодной смерти. Двинули они потом пешком до стации Тихорецкой, а далее смогли добраться в Тюркскую республику (Азербайджан) и осели там вблизи города Баку. Никто из них до конца своей жизни так больше не решился возвратится в свои родные края.

Вот как описывал события на хуторах этого голодного января 1933 года в своих воспоминаниях наш свояк, тогдашний молодой коммунист, Александр Коротченко, учившийся в то время в Краснодаре на III курсе педагогического института и принимавший участие в той хлебозаготовительной компании 1933 года:

«Меня вместе с другими коммунистами вызвали в Горком ВКП(б). Сказали, что на время зимних каникул нас направляют для оказания помощи при проведении хлебозаготовок. Проинструктировали, что при себе нужно иметь железный щуп, так как придётся искать хлеб, закопанный кулаками. На инструктаже в Горкоме нам прямо сказали: «Срывается план хлебозаготовок. Зажиточные крестьяне и казаки стали на путь саботажа, не хотят сдавать хлеб, спрятали весь по ямам. Надо его любой ценой взять». И вот сформированная Краснодарским Горкомом наша группа коммунистов около 60 человек отправилась по разным уголкам края. Мою бригаду из 12 человек поселили в хуторе на казарменном положении в доме выселенного кулака Маловика. На второй день собрали в Сельсовете. Уполномоченный Азово-Черноморского Крайкома партии Шлаут и секретарь местной Партячейки Гончаров распределили нас по 3 - 4 человека по окрестным хуторам. Каждой группе дали каких-то подпивших местных с подводами в качестве проводников. Главное внимание мы уделяли поискам хлеба, зарытого в земле. Получалось вскрывать ямы с бочками, заполненными пшеницей. Бывали дни, когда нам вообще не удавалось

обнаруживать хлеб. У многих крестьян его просто не было. Хуторяне по-прежнему занимались только своим хозяйством, на колхозную работу не ходили, хотя все и числились колхозниками. Много неубранного колхозного хлеба осталось лежать на полях, его никто не стал собирать, даже себе, за его присвоение – под суд и сразу выселение.

Во время этих хлебозаготовок вначале многие из нашей группы, в том числе и я, верили, что хлеб у всех упрятан и нужно только приложить старания, чтобы его найти. Однако, после бесед с хуторянами, которые все чаще и чаще стали открыто роптать и говорить, что *«к весне все распухнем с голоду»*, у меня стали возникать сомнения насчёт данных нам указаний *«забирать хлеб под метлу»*. Многие колхозники и даже хуторские активисты жаловались мне, что им кушать уже совсем нечего, сами они ноги еле таскают. Страшно было подумать о том, что забирая сейчас последний хлеб, мы обрекаем население хлеборобной Кубани на голодание. Я хорошо представлял себе, что в таких условиях будет очень трудно найти семена и рабочий скот весной, всё подвезти и провести сев. С этими трудностями действительно пришлось лично мне потом вплотную столкнуться в ту весеннюю посевную.

А тогда, в январе 1933 года, сразу бросалось в глаза, что хуторское населения уже довольно сильно голодало, хотя на полях хлеб и был. Своими глазами пришлось мне видеть эту страшную трагедию. Я хорошо запомнил местную, совсем молоденькую черноглазую девушку Ганю, которая приходила в хату, где мы питались, к завтраку и обеду, а иногда к ужину. Девочка становилась у двери, с жадностью наблюдала за нашей едой, незаметно глотая слюну. Когда я оказывался за столом вблизи двери, старался оставить что-либо из еды на столе, чтобы она могла после нас покушать оставленное. Намекал товарищам следовать моему примеру, хотя, если признаться, подаваемого нам и самим было мало, мы тоже были голодны. В это время кусочки местного хлеба мы часто не брали, а раздавали его людям. Прочнее мы чувствовали себя только тогда, когда из станицы нам привозили полученный по карточкам хлеб. Привозили его раз в три дня по 500 грамм и то кукурузного хлеба. Он нам казался сдобным. Это был самый тяжёлый случай в моей жизни, когда приходилось мечтать лишь о том, чтобы наступило время, в которое можно будет вдоволь насытиться хлебом.

В общем, нужно признать, что несмотря на все наши усилия, хлеба мы тогда заготовили очень мало. Вечером каждый член нашей группы должен был информировать руководство о результатах своей работы. Представитель райкома ВКП(б) и секретарь партячейки учиняли страшный разнос тем, кто вообще ничего не смог заготовить за день. Не

выдержав таких испытаний, трое студентов почти сразу без разрешения уехали. Двоих же отправили вон из группы, предварительно предложив им положить на стол свои партийные билеты и исключив их из института. Мы, конечно, тоже очень сильно побаивались, что и нас также может постичь такая же участь «саботажников».

В этот печальный 1933 год из руководящего состава хутора Братского в такие вот ряды «саботажников» попали больше десятка человек, в их числе «главари» – председатель колхоза Бунин, счетовод Иван Винник и секретарь Сельсовета Григорий Хоружевский.

Хоружевский Григорий Павлович - 1900 г.р.,
Секретарь Братского Сельского Совета в 1930-1933 гг.

Хоружевского первым обвинили в *«непредотвращении саботажа по выполнению плана»*. В апреле 1933 года его предали суду за участие в расхищении хуторянами излишков хлеба – как человек совестливый он, как только мог, помогал тогда людям переживать эту голодовку. Многие старики хутора Братского ещё помнят это время и с большой благодарностью вспоминают Григорий Павловича за то, что он лично помог им тогда выжить, оформляя разнарядки Сельсовета на продукты для работающих в поле колхозников. Заявление же на Григорий Павловича написала и показания против него на суде дала жена его старшего брата Максима – Александра. Идейно она всегда была на стороне своего мужа, погибшего за белых в Гражданскую войну. Григория Павловича считала источником своих жизненных бед и переживаний – ведь он сам добровольно пошёл на службу к Советской власти, убившей её любимого мужа и отца четверых детей. Александра, оставшись одна с детьми так и жила по соседству с Григорием, работала в колхозе, всё видела и про всё знала. Хоть и голодала её семья, но от помощи свояка она отказывалась. В протоколе следователю и потом на суде она подтвердила кому конкретно из голодающих были розданы продукты с колхозных закромов по спискам Сельсовета, кто и сколько конкретно получил. Григория Павловича после быстрого суда в станице Усть-Лабинской направили отбывать наказание в Томскую область, где вскорости в лагере он и умер.

Весной 1933 года и на моих родственников так же пошли откровенные репрессии. По заявлению нового председателя Сельсовета Покровского семью моего деда лишили гражданских прав. Им не давали возможности вступать в колхоз, получать пайки и различные льготы. Сам дед в марте 1933 года загремел в лагерь как сын кулака. Вооружённые милиционеры пришли и забрали его силой. Согласно ст.15 УК РСФСР призвали ополченцем в штрафной батальон Трудовой Армии. Через два дня на Усть-Лабинской станции погрузили в эшелон для отправки в лагерь на Дальний восток. Дед всегда мечтала увидеть какие-нибудь дальние края и вот он проехался через всю Россию по Транссибирской магистрали, единственному пути через Байкал на Восток. С апреля 1933 г. отбывал трудовую повинность забойщиком на лагерной шахте №2 «Артемуголь», добросовестно выполняя все задания и приказы командного состава. Дисциплинарным взысканиям не подвергался. Вернулся на хутор в марте 1935 года, где его жена Александра с тремя маленькими детьми переживала последствия голодовки. Дед был всегда порядочным и совестливым человеком, хорошо работал, это видимо оказало какое-то влияние на председателя артели «Путь к коммунизму» Петра Нижевского и тот почти сразу принял его в ряды колхозников.

Интересно отметить, что в те года в Адыгее голода практически не было. Черкесы понемногу что-то таскали со своих колхозных полей и ели, об этом никто никуда не заявлял. Достаточно было пройти через Лабу километров за десять и там можно было спокойно поменять у них вещи на продукты питания. Например, за новую кашемировую юбку адыгейцы давали десять маленьких початков кукурузы.

На третий год коллективизации вновь собранные в колхозы крестьяне совсем не справлялись с плановыми полевыми работами. В начале марта нужно было готовиться к весеннему севу, а сеять было просто нечего. Все семена оказались принудительно отобранными в счёт заготовок. Тогда ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о выделении для края 400 тысяч тонн зерна в качестве семян. Но в таких условиях практически невозможно его было их получить с вагонов, пришедших по железной дороге в станицу Ладожскую, куда также доставлялись крупа и мука для населения. Всё это нужно подвезти на хутора и хоть как-то провести сев, а не на чём было совсем. Но всё же как-то смогли.

Весной 1933 года на хуторе Братском практически одни только женщины, а с ними их маленькие дети, трудились в поле от зари до зари под неусыпным глазом колхозного бригадира – выживших взрослых мужчин совсем мало осталось. Были случаи что от голода, болезней и непосильного труда взрослые и дети падали на землю и умирали прямо

на работе. Такой вот случай произошёл и у моих родственников – Хоружевских.

Похороны Августины Хоружевской умершей в поле от бессилия. Хутор Братский. Март 1933 г.

Прошли похороны всех умерших от голода, их поминки, а оставшиеся в живых запуганные люди продолжали безропотно жить своей нелёгкой жизнью. Могилы старожилов на кладбищах сровнялись и заросли, не кому уже было за ними ухаживать. Со временем память и о них стёрлась. Бедняки тогда старались одобрять политику партии по раскулачиванию и ликвидации кулачества как класса, но костлявая рука этого страшного голода ещё долго потом морально и материально придушивала и их. На несколько поколений вперёд эта трагедия генетически оставила свой кровавый след в мозгах всех без исключения хуторян. Во мне тоже…

Во время массовой коллективизации, раскулачивания и голодных 30-х годов население хутора Братского резко уменьшилось, дети почти не рождались. Колхозы постепенно разваливались, люди поуезжали на отходные заработки в станицы или большие города. Многие, спасая свои жизни и семьи, продолжали покидать свои родные дома. Боялись, что Советская власть снова начнётся наступление на хлеборобов. Но в конце 1932 года было принято постановление правительства о введении паспортной системы для всех граждан СССР, за исключением крестьян. Так вот, этот документ, по сути, запрещал миграцию населения из сельских районов в города – не имея паспорта крестьянин не мог проживать в станице или городе, где необходима была прописка, а без неё устроится на работу там было невозможно. Тогда многие семьи из Братского Сельсовета просто собирали скромные пожитки и бежали с Кубани куда подальше: в Грузию, Тюркскую республику (Азербайджан) или же на Дальний Восток. А оставшиеся хуторяне к этому времени были уже основательно подорваны в экономическом отношении и совсем не верили, что будет хоть какое-то улучшение в их жизни.

Постановлением СНК СССР № 185 от 26 января 1934 года везде в сельской местности был введён похозяйственный учёт, но вот данные этого учёта до сих пор под грифом секретно. Возможно позднее они будут где-то в свободном доступе, но многие архивные работники считают, что они ещё до войны были преднамеренно уничтожены. Сколько тогда оставалось населения после раскулачивания и голодовки 1933 года – точно сейчас никто сказать уже не сможет. Единственное достоверно известно так это то, что к 1937 году за пять предыдущих лет число домохозяйств на хуторе Братском уменьшилось с 108 до 67. По окружающим хуторам Братского Сельсовета статистика убыли населения не лучше, из 1164 домохозяйств в 1932 г. числилось в 1936 г. только лишь 749. Многие хутора полностью исчезли с карты местности.

Летом 1933 года все окрестные хуторские поля из-за того, что некому было их обрабатывать весной, превратились в полудикую пустыню, поросшую лебедой и чертополохом. Осенью 1933 года в Кубанский край стали направлять крестьянскую бедноту из центральных областей России и демобилизованных бойцов с востока, которых распределили по хуторам. В Ладожскую их прибыло целых два состава. На хуторе Братском они тоже появились согласно разнарядке. Некоторые повымершие хутора стали полностью заселятся этими поселенцами. Всем тем, кто приезжал по вербовке, местная власть давала пустующую хату умерших, а колхозы выделяли общественных коров. Стали они занимать опустевшие дома и пользоваться хозяйством покойников. Им Сельсовет обещал, что если они отработают в колхозе 10 лет, то занятое ими хозяйство всё перейдёт в их собственность. Большинство из них не были знакомы с жизнью на Кубани, некоторые из них впервые увидели кукурузу. До поздней осени они помогали убирать оставшиеся на полях её початки, пытаясь провести посев озимых. Наступила зима. Топливом пришельцы своевременно себя обеспечить не смогли и начали вырубать деревья во всех окрестных местах. За ту зиму все тополя и фруктовые сады на хуторе были сожжены на топку. Тогда под топор попали и старые большущие сады раскулаченных семей Мироновых, Солодких и Хоружевских. Готовясь к весне, Советские власти из остатков населения и приезжих со средней полосы стали усиленно организовывать новые колхозы: им. Кирова и «Путь к коммунизму». В них вновь избранные председатели Ковалёв и Нижевский всё начали по-новому.

Осенью 1933 года создалась новая Братская МТС с завербованными Наркомземом через систему «Зернотрактор 20-ю рабочими из разных городов Центральной России». В ней числились 15 тракторов СТЗ-15 выпускаемых СССР и общая мощность на крюке 225 л.с.

Но на полевых работах в колхозах тогда ещё в основном работали взрослые женщины и мужчины вручную. За один рабочий день они получали в среднем 0,75-1 трудодень (прополка, сноповязание и пр.). Подростки и юноши – 0,25 трудодня, а если работы были тяжёлые – до 0,5. За скошенный же руками пол гектара сена мужчины могли заработать и до 2 трудодней. Оплата выполнялась один раз в три месяца, при условии, что выполнены все обязательства перед государством. Весь оставшийся доход от сдачи урожая государству поступал в распоряжение колхоза. На 1 трудодень обычно колхознику начислялось 1,5-1,9 кг зерна (в какие-то года трактористам доходило даже до 3 кг.) и от 60 до 90 копеек. Кирзовые сапоги тогда на рынке стоили не меньше 100 руб., а за самые простые дамские туфельки просили 50 руб.

К сожалению, в наших краях большинство людей так тогда существовало. По воспоминаниям хуторян, в их детстве они не замечали ничего вокруг, кроме счастья просто хорошо поесть. Но что интересно, в своих воспоминаниях они никогда не отзывались плохо о тех временах или людях. Рассказы их всё-таки были больше пропитаны пониманием к тому голодному и не очень весёлому хуторскому детству. Большую радость они получали от горячего хлеба, малюсенькой конфетки, подаренной на пасху или от первого душистого мёда с дедовых ульев. Хоть и подкармливали тогда детей на колхозной детской площадке, но они всё время плакали, прося хоть что-нибудь дать им пожевать. Голод, бедность, повсеместная скудость, всё это было, но для детей тех лет это было как-то привычно и обыденно: так жили все люди вокруг – ведь другой жизни они просто не знали.

Интересны воспоминания стариков про первую советскую школу для крестьянской молодёжи – ШКМ. Ещё в 1921 году при волостном Ревкоме образовался школьный отдел, который занялся подбором персонала для новой советской школы. Было собранно три группы учащихся из 26 человек и ШКМ расположилась в усадьбе Мироновых. На самом хуторе до 1926 учебного года всё ещё существовала церковно-приходская школа. Первый директор ШКМ – Рябоконь Георгий Евстафьевич. За свою работу он получал 53 руб. в месяц и заведовал школой до 1930 года. Дети получали начальное образование. Занятия в основном проводились в зимний период, летом все дети были в поле. В 1930 году в школе уже числилось 50 человек. В ней было организованно одноразовое питание. Каждому ученику выдавали на обед 50 граммов хлеба и по 200 каши с маслом. С 1930-31 учебного года школа переехала в дома раскулаченных семей Солодких, Маловиков и Апанасенко. В ней сохранились три группы учащихся, разбитых по возрастам и классам.

Детям зажиточных крестьян и казаков от поступления в новую ШКМ сразу стали отказывать. Но уже с 1933 года из-за малочисленности учеников начали зачислять детей поголовно всех возрастов из ближайших окрестных хуторов волости. В учебный план новой ШКМ был включен курс сельского хозяйства и обязательный производственный труд в колхозе. Районные партийные органы с 1930 года директором школы поставили Никитина Михаил Васильевича.

Первые ученики Братской школы крестьянской молодёжи с директором Никитиным М.В. (слева во втором ряду от верха). Фото 1930 г.

По рассказам стариков Никитин был инициативный руководитель, сам по себе довольно умный и весьма талантливый организатор, но тяжело переносил давление окружающих событий. Дети вместе с ним активно проводили свободное время на полевых работах и при первой же возможности делали уроки там же в поле. Но вот на следующий год его сменили на молодую специалистку, присланную партактивом с района, звали её Нинель. Интересен такой факт: по приказу сверху в учёбе детей новая директриса сразу начала «украинизацию» – так называемый «ланский» метод обучения («ланска́» на балачке – земляческое разделение или разграничение, в то время 80% хуторян разговаривали на ней). Преподаватели стали осваивать коллективные методы, такие же, как и в колхозах. Создавали бригады и звенья из одинакового возраста детей, которые разделялись по изучению на русском или украинском языках. Ученики образовывали звенья, больше половины

звеньев директриса сделала украинскими, рассортировав по фамилиям учеников. За усвоение материала всеми в целом отвечал звеньевой. Тот, кто знал больше, должен был подучивать более отстающего. Одними из таких «ланских бригадирчиков» были тогда Миша Перепелица, Георгий Хоружевский и Иван Драгунов. По их пересказам, половина звеньев беззаботно относилась к учёбе и плохо готовилась к контрольным, надеясь, что сам бригадир ответит за них всех. Письменные работы оценивались индивидуально, но и их легко можно было списать. Дети с плохим материальным положением обычно были вынуждены постоянно помогать родителям по дому и поэтому редко посещали уроки. На занятиях слабоуспевающие дети старались, как правило, отмалчиваться. От имени бригады выступали хорошо знающие, а оценки преподавательница выставляла бригаде в целом, что распространялось на всех её членов. Ещё устраивались какие-либо соревнования между бригадами, у какой лучше успеваемость. Из-за всего этого некоторые дети имеющие хорошие знания просто побросали школу – классы начали пустовать. В 1933 году ЦК ВКП(б) принял постановление «О прекращении украинизации», бригадно-звеньевой метод, как вредный и ухудшающий усвоение материала, был осуждён Партией и совсем отменён. Из-за всего этого районные партийные органы с 1933/34 учебного года директором школы рекомендовали назначить местного коммуниста Дьяченко Фёдор Николаевича. Нинель хутор покинула.

Дети начального класса ШКМ хутора Братского на колхозной площадке в 1933-34 годах.

Хуторские власти в те голодные годы повсеместно вынуждены были направлять всех школьников на полевые работы. И для них в то время единственным способом поесть и как-то выжить была работа в колхозе. Младшим ребятам отводили ближние участки до двух километров от хутора. Они там регулярно спасали урожай и устраивали трудовые десанты из «ловецких» бригад по борьбе с мелкими грызунами, сдавали шкурки кротов в «Союзпушнину за деньги». Старшие же уходили с ночёвками подальше в поле для сбора урожая. Вместе с преподавателями эти дети трудились целыми днями. Кормили их совсем скромно – были голодные годы, спали они на сене, мокли под дождём. Массовыми были простудные заболевания. По их рассказам на занятиях в старших классах Братской школы осенью из-за болезней постоянно отсутствовало до 40-50% учеников. Учились в основном зимой.

Забегая вперёд – в СССР в те года уже стало обязательным семилетнее образование. Через несколько лет Братская ШКМ была преобразована в неполную семилетнюю среднюю школу НСШ №5. Её директором с 1937 года назначили Тихонова Иван Фёдорович, а с 1940 года стал Моргатов Василий Ануфриевич. Работу по снабжению школы вела член школьного комитета Сельсовета Буханцева Т.В., которая занималась сбором и распределением средств колхозов. К слову сказать, во все эти трудные годы дети на хуторе не были оторваны от жизни Советской страны и всегда имели возможность учится, вот только полноценно обучаться наукам мешало тяжёлое экономическое положение государства. Но школьники в те года с оптимизмом смотрели в *«ветлое будущее»*. На хуторе Братском среди них была весьма хорошо налажена агитационная работа, ответственным за которую выбрали Навозова В.Г.

В 1935 году в Братской ШКМ создалась пионерская организация. Одними из первых, принятых в пионеры тогда были Вася Цыкало, Мища Перепелица, Иван Драгунов, Нина Рябошапка и Нина Хоружевская. В школе того времени была хорошо развита тяга к спорту. Ездили по району на разные соревнования хуторские спортивные команды. В школе действовали оборонные и спортивные кружки. Дети с гордостью носили значки ГТО, «Ворошиловский стрелок», ПВХО. Девушки сдавали на значки ГСО (готов к санитарной обороне). Многие из них обладали хорошими артистическими способностями и по праздникам в клубе (здании бывшей церкви) делали из гимнастических и акробатических элементов настоящие цирковые выступления для жителей хутора. Особо модно тогда было построение пирамид из физкультурников. По команде вожатого *«Делай раз»* – кто-то становился на стул, а кто-то ложился на пол. По команде *«Делай два»* –

кто-то делал на полу стойку, а другой полегче вспрыгивал на руки поддерживающих. И так далее и далее, пока вся пирамида полностью не выстраивалась. Потом по команде *«Всё»* – сразу же рассыпалась.

Первые пионеры Братского хутора. В центре сверху Перепелица Миша, ниже Цыкало Вася и октябрёнок Юрий Розенфельд. Девочки: Дьяченко Нина, Долбня Вера, Рябошапка Нина, Хоружевская Нина, Гришина Дуня, Коломийцева Рая. Фото 1935 г.

Уже 1935-м году в Братской школе появился народный театр, в котором активистами и режиссёрами выступали Нина Дьяченко с Дуней Гришиной. Ставили популярные тогда пьесы Чехова из прошлого века, с которыми ездили по бригадам колхоза и в поле делали настоящие представления с декорациями. Иногда по выходным народный театр заранее объявлял свои выступления на площади возле бывшей церкви и к назначенному времени собиралось довольно много народу. А зимой в доме культуры яблоку негде было упасть. Колхозники, не избалованные театрами и другими зрелищами больших городов, очень были рады таким выступлениям, активно хлопали и хвалили ребят. Их творческие работы всякий раз воспринимались с большим воодушевлением.

Одна из одноактных чеховских пьес-водевилей, которую до сих пор ещё вспоминают старики, называлась «Воловьи лужки» (в оригинале – «Предложение» или «33 обморока»), про то, как соседи-помещики всё

спорили, спорили и не смогли поделить между собой межевой луг. Главную роль невесты – «Натальи Степановны» в ней играла Нина Хоружевская, жениха – Миша Перепелица. Были так же в репертуаре и современные на то время пьесы, в которых высмеивались хуторские лодыри, пьяницы или «пережитки прошлого». Сценарии им писали преподаватели старших классов, они же помогали и в постановке спектаклей. Но в большинстве своём дети придумывали сюжеты из жизни самостоятельно или же вычитывали их из подписных изданий советских газет. Артисты ходили тогда по хутору счастливыми, фамилии этих самодеятельных актёров были у людей на слуху.

Хороший при школе был девчачий танцевальный коллектив, которым руководила на добровольных началах учитель Крамаренко Александра Марковна. А вот мальчики активно посещали конноспортивную секцию, в которой активистом был Виктор Хоменко. Попеременно с Алексеем Хоружевским они занимали первые места в районных конноспортивных смотрах в посёлке немцев-колонистов Семёновском, где был большой племенной конезавод. На его ипподроме обычно происходили конные состязания, посвящённые годовщине Октябрьской революции. Всем призёрам и победителям в них выдавались денежные премии в размере от 50 до 100 руб. В скачках участвовало по 15-20 лошадей. Первые два заезда – на лошадях конезавода, третий – лошади колхозов, а 4-й – смешанный. Ребята с хутора Братского спокойно могли в четвёртом заезде поднять с первой попытки лежащий на земле белый платок, при этом не останавливаясь и даже не замедляя ход коня. Не всем участникам этих соревнований вообще удавалось подхватить платок с земли на скаку.

Братским Сельсоветом для детей колхозников в июне 1940 года был торжественно открыт пионерский лагерь на берегу нового Тщикского водохранилища (это место недалеко от города Усть-Лабинска, при впадении реки Белой в Кубань. В 1968 году его поглотило Краснодарское водохранилище). Там хуторянам была выделена земля для пионерлагеря пионерам Братских колхозов и ещё под подсобные участки передовикам. Сельсоветом утверждался список детей для направления в пионерлагерь. Палатки, топчаны и продукты питания были за счёт средств колхозов Братского Сельсовета. Пионервожатые и кухарки – молодые комсомольцы-добровольцы. Постели и туалетные принадлежности все брали с собой. С пионерлагеря организованно ходили походами в горы за Псебай, проводили спортивные состязания и кроссы. После войны этот лагерь прекратил своё существование и за счёт средств самих колхозников детей стали отправлять летом на

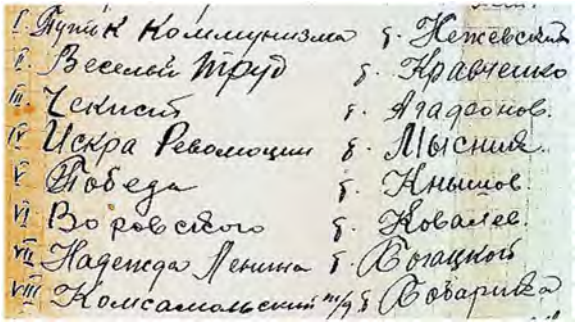
морское побережье Анапы в ведомственные пионерские лагеря. Кстати, в 1939-40-х годах, при постройке этого легендарного Тщикского водохранилища методом «народной стройки» на месте бывшего лимана Тщик работало довольно много колхозников с хутора Братского.

Несмотря на то, что в начале 1930-х годов произошёл резкий отток населения, хлебозаготовительная компания в 1937 году прошла на хуторе весьма успешно. Был собран очень хороший урожай зерновых. Местное Сельпо начало торговлю печёным хлебом для хуторских жителей, которые не были членами колхозов. Впервые передовики колхозов получили письменные благодарности и ценные подарки.

Группа передовиков колхоза «Путь к коммунизму» хутора Братского. Фоменко, Перепелица, Апанасенко, Рябошапка и Крамаренко. Фото 1937 г.

13 сентября 1937 года в целях разукрупнения ВЦИК утвердил новые территориальные преобразования – разделил Азово-черноморский край на Ростовскую область и Краснодарский край. Хутор Братский остался в составе Ладожского района нового Краснодарского края. Братский Сельсовет расширился и в него вошли 18 хуторов: Школьный - 23 двора, Киевский – 28 дворов, Неелинский (с Габаева) – 99 дворов, Гунькин – 120 дворов, Саратовский – 72 двора, Херсоновский – 35 дворов, Орлов - 43 двора, Чéрнов – 23 двора, Фрóлов – 76 дворов, Согласный – 102 двора, Вóровской – 39 дворов, Новоекатериновский – 50 дворов, Финогеновский – 64 двора, Искра Революции и Светлый день (Ясная поляна) - 25 дворов и сам Братский – 72 двора.

В последующие годы население хуторов Сельсовета незначительно увеличивалось в основном за счёт вновь прибывающих крестьян-переселенцев из центральной России. На землях Братского Сельсовета осенью 1937 года существовало восемь сельскохозяйственных коллективов:


I. Путь к Коммунизму б. Нежевский
II. Весенний труд б. Кравченко
III. Чекист б. Агадоков.
IV. Искра Революции б. Мысник
V. Победа б. Книшов
VI. Ворошилова б. Новалев.
VII. Надежда Ленина б. Богацкий
VIII. Комсомольский т/з б. Товарищ

Список коллективных хозяйств Братского Сельсовета на 25 сентября 1937 г.

Осенью 1937 года прошла новая волна государственных репрессивных кампаний, в рамках которой арестовывали критикующих власть крупных партработников, заподозренных в связях с иностранцами лиц, а также их окружение. Согласно директиве НКВД, по заранее составленным Парткомом спискам, с хуторов Сельсовета выслали около 50 семей немцев, часть из них репрессировали и отдали под суд за антисоветскую деятельность и шпионаж. Население Братского Сельсовета опять пошло на уменьшение. Начались откровенно атеистические гонения на всех верующих. Но хуторяне как-то уже притерпелись и продолжая жить своей нелёгкой повседневной жизнью.

Семья Рябошапка с хутора Братского на Рождество Христово в 1937 году.

С 1938-го года жизнь на хуторе начала налаживаться. Повысились закупочные госцены на зерно, снизились цены на основные продукты питания. Оставшееся продовольствие, выросшее на приусадебных участках, жители перестали прятать от государства. К концу 1938 года репрессии поутихли, люди приобрели уверенность в завтрашнем дне. Колхозный строй, уничтожив классовое расслоение среди крестьянства, принялся за ликвидацию повсеместной бедности и нищеты. Повысилась оплата трудодня. Доходы колхозников везде по хуторам стали заметно возрастать. Государство резко увеличило поставку техники в колхозы и ставило задачи повышения урожайности сельхозкультур, увеличения поголовья скота. 1938-й год закончился для всех колхозов Братского Сельсовета весьма успешно. К осени весь долг по натуральной и денежной оплате на трудодни в колхозах Братского Сельсовета был полностью выплачен. За какие-то пять довоенных лет на Кубани начался весьма заметный подъем сельского хозяйства. Примечательно то, что начиная с этого 1938 года колхозники на хуторе Братском стали ремонтировать свои дворовые постройки, строить новые загоны для скота, появились новые хаты. Несмотря на то, что были они в основном саманные или турлучные, люди им так радовались.

В Сельпо с 1938 года стало появляться больше дешёвых советских промышленных товаров, за которыми с окружающих станиц приезжали даже «городские», прося местных приобрести для них дефицит, который у них весь разбирали – те же велосипеды, например. Местным же такие нужные вещи были ещё малодоступны. Для примера, зарплата сельсоветского счетовода Глуховченко Т.М. была равна 175 руб., а конюха Шкода И.М. – 140 руб. в месяц. Кило хлеба в Сельпо тогда стоило 1 руб., сахар – 3 рубля за килограмм, бутылка пива – 85 коп, шерстяной костюм – 120 руб., а вот этот дефицитный велосипед – аж 250 руб. Так что мало кто из колхозников мог позволить себе ходить в шерстяных костюмах, все носили простенькие – хлопчатобумажные. Обувь покупали так же дешёвую, туфли женские – парусиновые, сапоги у всех мужчин – кирзовые. Из верхней одежды в моде была практичная фуфайка, которую носили мужчины и женщины, и даже маленькие дети.

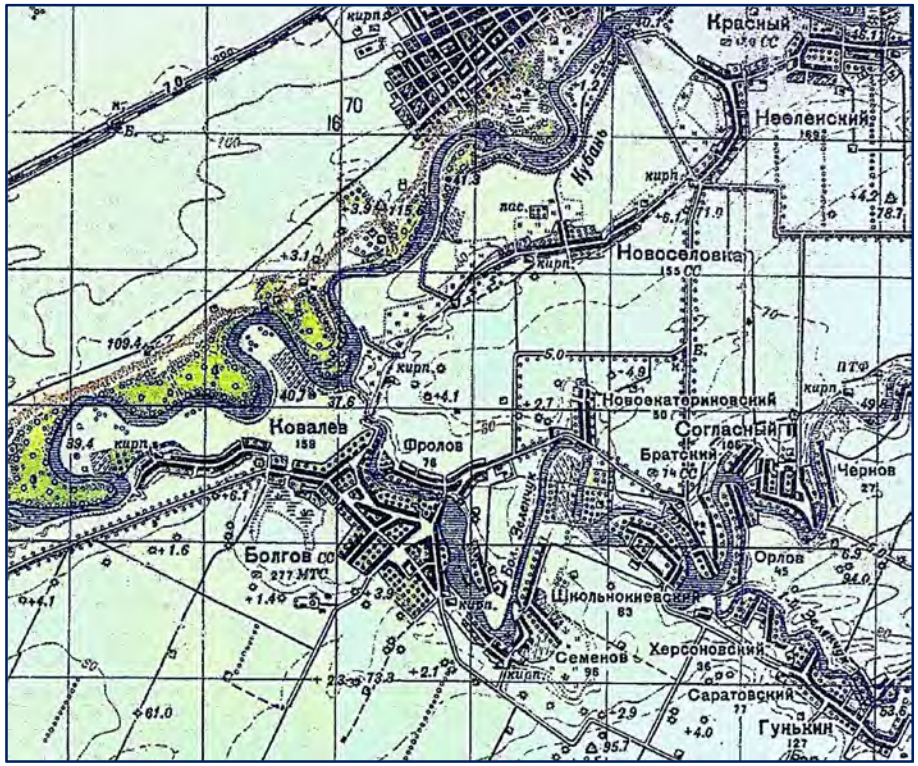
Постепенно происходил подъём и культурного уровня жизни колхозников. Партия и госорганы тогда много уделяла внимания полной ликвидации безграмотности среди населения. В 1937-38 учебных годах Сельсоветом выделились средства со сметой в 12600 руб. на покупку пособий и помещений для школ по хуторам, в которых создавались начальные школы: Неелинская №6, Ново-Екатериновская №7, Саратовская №8, Гунькина №9, Финогеновская № 10, Согласная №11.

С 1938 учебного года на самом хуторе Братском под руководством директора начальной НСШ Тихонова Иван Фёдоровича и партийного ответственного от Сельсовета Навозова Василия Гордеевича в здании школы заработала вечерняя школа по ликвидации безграмотности населения. Учителями в ней начали трудится до поздней ночи Гурина Дарья Тимофеевна и Синяева Мария Михайловна, вначале вообще безо всякой оплаты труда. В эти же годы за счёт средств колхозов построили межколхозный родильный дом с годовым расходом в 8575 руб., детский сад-ясли, библиотека, радиоузел на 200 точек и новое почтовое отделение. В здании бывшей церкви появился клуб со звуковым кинопроектором. В нем работала самодеятельность, народный театр. Начали приезжать популярные артисты с концертами, организовался большой духовой оркестр. Инструменты были приобретены за счёт средств, выделенных отделом культуры Ладожского райисполкома. В эти же самые годы в дома хуторян со стороны станицы Ладожской начали протягивать электрические и радиолинии. При большом энтузиазме Новиковой Ефросиньи Викторовны открылась аптека для колхозников с самими необходимыми лекарствами, но вот её снабжение оставалась в ведении потребительской кооперации, а это постоянно приводило к срыву поставок дефицитных лекарств. В конце 1939 года продав сельсоветскую хату, занимаемую семьёй Гармаш, купили под амбулаторию большой дом у Петренко И.Д. На следующий год за счёт средств самообложения на хуторе приступили к постройке здания медстационара на новом участке, но закончить его не дала война. Стационар, в которой работало трое квалифицированных медицинских работников, так потом и осталась в бывшем доме семьи Кайдаловых. Тогда же были укомплектованы несколько дорожных бригад и за счёт средств колхозов приступили активному строительству новых гравийных дорог по хуторам и территории колхозов им. Кирова и «Путь к коммунизму». В этот год начали насыпать полотно новой дороги, шедшей от хутора Братского к новому мосту через Кубань и в станицу Ладожскую. К этому времени деревянные мостики через Зеленчуки, построенные ещё до революции, пришли в полную негодность. Доски настила настолько прогнили, что проходить по ним стало просто невозможно, были случаи, когда люди проваливались. Из-за их неисправности ряд детей с хутора Орлова и Чернова весной даже прекратили посещать школу. Сельсовет выделил 1000 рублей на их ремонт, к новому 1939 учебному году дорожной бригадой они были все отремонтированы. Весь годовой бюджет Братского Сельсовета на 1940 год тогда составлял 63 400 рублей.

1. Список членов с/совета и кандидатов в 1940 г.

Порядк. №	Фамилия, имя, отчество	С каких времени (число и месяц)	Пол	Национальность (народность)	Образование	Партийность	Социальное положение	В какой секции работает	В какой депутатской группе работает	Сколько раз избран в совет	Сколько раз подряд	Причины выбытия
1	Чехов Григор. Никит.	24/III-39	м.	русск.		2/пкп	Служ.			1	да	
2	Навозов Василий Герд.	24/III-39	м.	русск.		1/пкп	к/х.			1	да	
3	Петренко Иван Давидов	24/III-39	м.	русск.		1/пкп	Служ.			3	нет	
4	Ковалев Григор. Елисей.	24/III-39	м.	русск.		1/пкп	Служ.				да	
5	Шишов Илья Николаев	24/III-39	м.	русск.		Бп.	Служ.				да	
6	Тихонов Иван [illegible]	24/III-39	м.	русск.		1/пкп	Служ.			1	да	
7	Буканцева Татьяна Ефим.	24/III-39	ж.	русск.		Ксм	Служ.			1	–	
8	Нитевский Петр Казимир.	24/III-39	м.	Литов.		2/пкп	к/х.			2	да	
9	Гончаров Тимон Ефим.	24/III-39	м.	русск.		1/пкп	сов.			1	да	
10	Сидоренко Федор Григор.	24/III-39	м.	русск.		1/пкп	к/х.			1	да	
11	Шереметьев Федор Никит.	24/III-39	м.	русск.		1/пкп	к/х.			2	да	
12	Гурина Дарья Тим.	24/III-39	ж.	русск.		2/пкп	учит.			1	–	
13	Ермоленко Иван Григор.											
14	Гурина Дарья Васил.											
15	Синяева Мария Мих.											
16	Шарков Алексей Федо.											
17	Иванов Илья Мака.											
18	Новикова Евфрос. Викт.											
19	Мячина Мария Вас.											
20	Дуртева Евд. Артемьев.											
21	Саломаев Матв. Илич.											
22	Коломийцев Степ. Арсент.											
23	Савенко Евдокия Фил.											
24	Федоренко Виктор-Ив.											

Члены Братского Сельсовета на 1 января 1940 года.



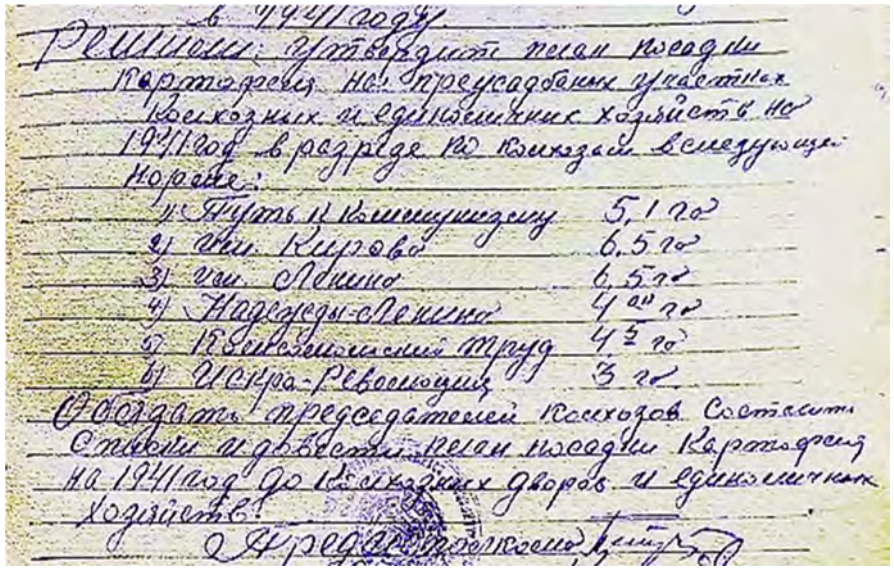
Карта Братского Сельсовета с окружающими хуторами по состоянию на 1941 год.

В самом начале 1941 года активно началось привлечение всего населения хутора на его благоустройство. Восстановлены все мостики через речку Зеленчук. На деньги Сельсовета от самообложения и при долевом участии колхозов была сделана закладка нового парка. Колхоз им. Кирова выделил рабочую силу для посадки деревьев, а «Путь к коммунизму» – штакетины, доски, гвозди для строительства изгороди, остальные колхозы – кирпич, песок и гравий для дорожек. Райсовет дал разнарядку на получение из средств района одной тонны цемента под установку столбов. К 1 мая в хуторском парке стояло 80 деревьев, среди которых уже можно было по праздникам прогуливаться молодёжи.

Перед колхозами Братского Сельсовета к 1941 году партией и правительством была поставлена задача во чтобы-то не стало увеличить посевы озимых зерновых, поднять урожайность, уменьшить потери и достичь хлебопоставок государству в количественном отношении почти в два раза. Поэтому Братская МТС расширилась современной техникой и более производительными комбайнами почти в три раза.

Советское государство перед войной вовсю старалось укрепить материально-техническую базу колхозного строя, развивая сельское хозяйство на индустриальной основе. Но давалась эта индустриализация изнурительным трудом. Мужчин было мало и в основной своей среде они управляли тракторами, комбайнами, автомобилями или выступали в качестве организаторов производства. Посевная кампания для всех ещё более-менее лёгкая. Прополка же пропашных культур (подсолнечника, кукурузы, овощей, бахчевых) в большинстве своём делалась женщинами и для них очень тяжела. Нужно весь день срезать сорняки тяпкой под палящим солнцем. В колхозах тогда ещё появились нововведения: посевное зерно впервые стали подвергать обработке ядохимикатами. Эту тяжёлую и вредную работу вручную выполняли так же женщины. Не менее тяжёл был труд доярок и свинарок на фермах.

К 1941 году колхозы стали получать более стабильные результаты урожайности зерновых в пределах 20-24 центнеров с гектара, а отдельные звенья в колхозе «Путь к коммунизму» даже до 35. Рекорд был 40 центнеров, что в то время считалось очень большим достижением. Самим колхозникам на трудодни выдалось столько зерна, что те не знали, что с ним делать. Хлеб они уже ели только белый. Ссыпали зерно во все возможные закрома, большинство завели много птицы и домашнего скота. Государство хорошо развивало и частный сектор, стремясь обеспечить хуторян различным семенным материалом:

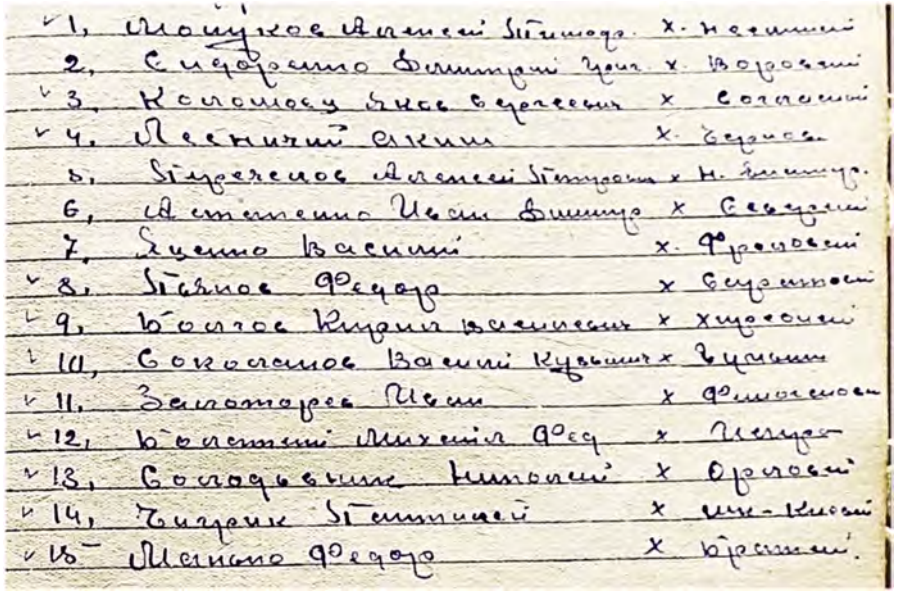

в 1941 году
Решили: утвердить план посадки картофеля на приусадебных участках колхозных и единоличных хозяйств на 1941 год в разрезе по колхозам в следующем порядке:
1) Путь к коммунизму 5,1 га
2) им. Кирова 6,5 га
3) им. Ленина 6,5 га
4) Надежды Ленина 4 3/4 га
5) Великий труд 4 1/2 га
6) Искра-Революция 3 га
Обязать председателей колхозов составить списки и довести план посадки картофеля на 1941 год до колхозных дворов и единоличных хозяйств.
Председатель

План посадки картофеля на приусадебных участках по Братскому Сельсовету на 1941 г.

Мерой оценки труда в колхозах по-прежнему оставался трудодень. Каждый колхозник должен был выработать их определённое количество за месяц и за год в целом. По итогам работы всего хозяйства выплата колхозникам производилась и деньгами, но она была мизерной, так что особо рассчитывать на неё для покупки хорошей обуви или одежды не приходилось. Например, моя бабушка сама шила всей своей детворе холщовые рубашки. Надежды больше возлагалась на приусадебный участок. Многие семьи хуторян сдавали излишки государству через магазин Потребкооперации, получая за это ценные вещи: велосипеды, швейные машинки, ткани. Сельпотребкооперация тогда не справлялась с наплывом желающих сдатчиков и на очередном заседании Сельсовета председателю Сельпо т. Ковалёву было вынесено строгое взыскание за недостаточную обеспеченность завоза самыми необходимыми товарами повседневного спроса: чашками, ложками, чайниками, котлами, сахаром и даже мылом. План по самозакупке на начало 1941 года им был сорван и выполнен всего лишь только на 67%. Виноваты тогда были и председатели колхозов, не обеспечившие транспортом вывоз на элеватор закупленного через Сельпо по договорам с колхозниками зерна, картофеля и капусты, решая какие-то свои текущие проблемы.

Проблем у них конечно же было очень много. Выполняя в 1937-40 годах задачу повышения планов по поставкам сельхозпродукции государству, колхозы получили довольно много новой тяжёлой сельхозтехники – комбайнов, тракторов и автомашин. Всем механизаторам для повышения их материальной заинтересованности была введена 20% надбавка к трудодням. И вот от их старания хуторские дороги, в том числе гужевые, вскоре пришли в такое состояние, что передвижение по ним стало не только затруднительно, но и просто даже невозможным. Кроме того, районная дорога на Ладожскую, которая шла до моста через реку Кубань через хутора Красный и Неелинский, напоминала полосу препятствий для военных. Естественно, что хуторским начальством постоянно писалась жалобы, и все претензии по этому поводу адресовались районной ремонтной службе, которая пыталась как-то их профилировать и грейдировать. Но тут же они опять разбивались техникой и транспортом самих механизаторов колхозов, старавшимися как можно побыстрей закончить свои полевые работы. Подобные факты были довольно часты: то колёсные трактора пройдут по хуторской грунтовке, пробив такие колеи, в которых потом увязают колеса телег, то мощный гусеничный трактор с двумя прицепами так проедет по кювету, что уничтожит в придорожной лесополосе все только что посаженные молодые деревья.

Наступила весна 1941 года. Готовясь к уборке урожая и перевозкам по дорогам сельхозпродукции, нужно было как-то их восстанавливать в кратчайшие сроки. Вот тогда каждый факт повреждения дорог тяжёлыми тракторами становился предметом обсуждения на заседаниях Сельсовета. В итоге решением Братского Сельсовета от 3 апреля 1941 года укомплектовывается охрана центральных хуторских дорог, с расчётом того, что каждый конный сторож будет обслуживать по 5-10 км дороги. Колхозы были обязали за свой счёт выделять этим людям зарплату и поставить им сторожевые будки для несения службы на дорогах. При выявлении нарушителей составлялся акт повреждений, после чего следовали репрессивные меры, а виновный привлекался к уголовной ответственности за порчу социалистического имущества. Решением Сельсовета были так же выделены «смотрящие» активисты за состоянием дорог по улицам в самих хуторах:



1, Мойцуков Алексей Дмитриев х. Нееленский
2, Сидоренко Дмитрий Ник х. Воровский
3, Колесову Ник Федорович х. Сочинский
4, Лесничий Семен х. Бершов
5, Бондаренков Алексей Дмитриев х. Н. Дмитр.
6, Антоненко Иван Дмитр х. Свободный
7, Зуенко Василий х. Фрунзовский
8, Бабенко Федор х. Свободный
9, Бондаренко Кирилл Васильевич х. Хуторский
10, Соколенко Василий Кузьмич х. Зуенко
11, Заплаторев Иван х. Фомиченков
12, Бондаренко Михаил Фед х. Пешуров
13, Сокольников Николай х. Фрунзовский
14, Чигрин Дмитрий х. Ник-Ивановский
15 Меняйло Федор х. Красный.

Список ответственных исполнителей, контролирующих дороги по Братскому Сельсовету.

В апреле месяце 1941 года все бригады закубанских колхозов и их тягло были мобилизованы на строительство и ремонт дорог. К июню подъездные пути к нефтескладам и токам уже были выровнены и подсыпаны. Оставалось только бригаде Пономаренко загрейдировать небольшую часть новой автомагистрали возле хутора Нееленского, которую недавно проложили напрямую к райцентру. Но все мирные планы строительства меньше чем через месяц были нарушены войной.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ НА ХУТОРЕ

В выходной день 22 июня 1941 года почти все хуторяне с раннего утра отправлялись на колхозные поля – шла уборка. Но проезжающая в центре машина остановилась, и из неё водитель прокричал пробегавшим мимо ребятам: «*Война! Война дыточки! Немцы-гады напали на нас. Шукайте быстро своих родителев, трэба им повестки ити получати».* Люди, конечно, не отдавали себе отчёта в величине и размахе события, о грандиозности катастрофы, разразившейся над нашей страной. Никто не ожидал такого вероломства от фашистов, и мысли не допускали, что после этого выходного начались ещё одни страшные испытания для них.

С первых дней войны всем пришлось трудиться ещё больше, в том числе и подросткам. Уборка и обмолот проводились без отдыха буквально круглые сутки. Колхозы Братского Сельсовета вдвое сократив намеченные сроки, закончили уборку зерновых за десять дней и к 20 июля 1941 г. сдали государству вдвое больше пшеницы, чем в 1940 году. Развернулась борьба за экономию нефтепродуктов. Правлением колхозов им. Воровского и «Путь к коммунизму» создались комбайна-лущильные агрегаты для получения тракторных масел из посаженной весной клещевины, с применением которых сокращались расходы на их закупку на 16-20%.

К началу 1942 г., когда война уже пришла на землю Кубани, каждый третий житель хутора был на фронте. Почти еженедельно производилась отправка людей в Армию. Проводилась большая работа по подготовке резервов согласно мобилизационному плану выданного райвоенкоматом. Для организаторов сбор военнообязанных хуторян был жестокой моральной пыткой. Неприятных явлений, отрицательных моментов среди мобилизованных не наблюдалось. А вот с провожающими довольно часто были всякого рода сложности. Тяжело ведь провожать родного, близкого и любимого человека в пекло войны, откуда большинство уже знало, что не вернётся домой. На станции в Ладожской некоторые провожающие женщины не только цеплялись за вагоны, но и пытались бросаться под колёса. Для исключения такого рода неприятностей военным пришлось даже на некотором расстоянии от эшелона сделать цепочку, чтобы не допустить к вагонам женщин, теряющих рассудок. В колхозах всё больше и больше стали заменять мужчин женщинами, проводившими своих мужей на войну. Оставались ещё на хуторе дети, совсем старики и калеки, малоспособные к труду, но и они как только могли продолжали работать на полях.

Перед самой войной командование Красной армии уделяло большое внимание формированию кавалерийских соединений, как наиболее подвижного рода войск. Формировалось они по принципу старых казачьих войск. В подразделение вливался воин со своим конём и обмундированием. Если раньше казаки сами себя лично обеспечивали конём и всем необходимым, то сейчас это делали колхозы. ВЛКСМ и общественные организации подбирали молодых парней, а Сельсовет снаряжал их всем необходимым, кроме оружия. Главное внимание обращалось на подбор людей, которые должны были быть физически выносливыми и политически благонадёжными. Брали только добровольцев. Таким образом, с хутора первыми пошли воевать казаками Василий Михайлович Солодкий, Кирилл Шабанов, Алексей и Георгий Хоружевские, Дмитрий и Фёдор Рябошапко. К сожалею, многие героические эпизоды, проявленные этими кавалеристами мало описаны, погибли они все в самом начале войны, развеивая миф о «непобедимости» фашистской армии. Поэтому с весны 1942 года на хуторе Братском взрослых лошадей практически не стало.

С апреля 1942 г. СНК СССР для крестьян установил обязательную норму работ в колхозе в 120 трудодней. Тем, кто от них отлынивал и не выполнял норму, грозило полгода исправительных работ. Но никто тогда никого не заставлял вставать с рассветом и работать до заката. Труд в поле, труд дома, труд во имя приближения Победы, был для всех самым тяжёлым испытанием в жизни. Вот передовики и активисты тех лет на хуторе: Людвиг А.В., Попов В.М., Корсун А.Д., Федоренко А.Л., Шевцова Е., Данилина А. Непочатов И., Жукова Е., Кондратенко Н.

Хуторяне хоть и были тогда ещё в глубоком тылу, но уже вовсю жили делами фронта. Всю первую половину 1942 года вдоль поймы реки Кубани, на её левой стороне, нашими войсками начала готовиться оборонительная полоса заграждений. Начиналась она от станицы Воронежской и шла до Тбилисской по естественной водной преграде, ограничивающей действия противника с севера. На этом рубеже предполагалось создать довольно сильный укреплённый район №4. Строительство объектов у хуторов Новосёловка-Нееленский-Красный вела 9-я сапёрная армия Управления ГУОБР-а. На неё возлагалось военно-техническое руководство строительством, а вот обеспечение рабочей силой, механизмами и транспортом было задачей местных органов власти – Сельсоветов, председателей колхозов и партийных организаций. Постановлением Крайисполкома для проведения этих работ объявлялась платная трудовая повинность местного населения и автогужповинность всех хозяйственных организаций. Питание рабочей

силы было за счёт ресурсов местных колхозов и хуторского населения. Каждый работник должен иметь исправную обувь, тёплую одежду, постельную принадлежность, кружку, ложку, котелок или миску. Отправленные на оборонительные работы направлялось на участки с ломами, лопатами, носилками и другим шанцевым инвентарём. Эти дни вошли в биографию многих сотен хуторян. Практически всё местное население от мала до велика посменно рыло окопы и противотанковые траншеи. Приходилось для этого привлекать и подростков, те ставили проволочные заграждения. Женщины использовались на земляных работах. Даже ночью все копали противотанковые рвы лопатами, землю выносили на носилках. Бригады мужчин из хуторов Братского, Болговского, Нееленского вручную строили доты и дзоты. Для их возведения требовалось много леса. цемента, камня и песка. По реке Кубани камня с песком было предостаточно, но их надо было ещё как-то добыть, переработать и вывести на место работ. Помимо автотранспорта для этого требовался ещё конный – по плохим грунтовым дорогам в весеннее время проезд на машинах в район строительства оказался просто невозможен. Лес в основном сплавляли по реке Лабе с гор, часть везли по железной дороге. Для рубки леса, сталкивания его по склонам ущелий и дальнейшего сплава требовались только мужские руки. На этих работах совсем не хватало людей и 20 колхозников вынуждены были отправиться в горы на лесозаготовки. До 1-го июля 1942 года в кратчайшие сроки были построены и установлены восемь одноказематных железобетонных огневых точек (дотов), пять деревоземляных дзотов, а вдоль всего левого берега реки Кубани вырыты противотанковые рвы и капитальные окопы с проходами. Нужно сказать, что этот участок тыловой армейской полосы обороны получился довольно хорошо отстроенным и представлял собой весьма укреплённые позиции. Силами бойцов и техникой 9-й Армии сформирована полевая взлётно-посадочная полоса для легкомоторной авиации с закрытыми стоянками для самолётов. Местный гарнизон на этом участке создал истребительный батальон из коммунистов, который по законам военного времени нёс круглосуточную охрану объектов, переправ по Кубани и Зеленчукам. Большинство хуторян надеялись, что именно здесь удастся надолго задержаться фашистов, а зимой под ударами наших войск они будут вынуждены отступить, как в 1941 году под Москвой. Люди тогда практически не готовились к тому, что они очутятся на временно оккупированной врагом территории. Но тем не менее начальство колхозов много раз объясняло, как в этом случае нужно поступать с колхозным имуществом, зерном и скотом.

24 июля 1942 года войска Северо-Кавказского фронта оставили Дон и под натиском качественно превосходящих сил немецких дивизий очень быстро отступали на юг. Никаких серьёзных, оборонительных рубежей у нас там не было. Группировка наших войск на Кубани довольно значительно уступала противнику: по личному составу – в 1,5 раза, по танкам самолётам – в 10 раз, по орудиям – в 5 раз. В условиях равнинной местности и сухой погоды огромный поток вражеских войск практически не встречал препятствий, немцы наступали стремительно. Советское руководство не успевало обеспечить необходимых условий для своевременной эвакуации. В станице Ладожской все участки железнодорожной магистрали были буквально запружены эшелонами с эвакуируемым оборудованием, материалами, боеприпасами. Путейцы работали с колоссальной нагрузкой, старались в первую очередь пропускать воинские эшелоны, составы с живой силой. Все автомобильные дороги через хутора Братский и Болгов были буквально забиты отступающими войсками, с которыми проходило много раненых бойцов и беженцев со своим имуществом. Некоторые из них физически уже не могли идти и просто изнеможденные падали возле дороги на обочину. Местным жителям приходилось их брать к себе домой, хотя они и так уже были под завязку заполнены эвакуированными. А потом, когда начали интенсивно поступать беженцы с самой Ладожской, хуторяне поняли, что фронт совсем близко подошёл и к их порогу.

Учитывая весьма плохую создавшуюся обстановку, Военным Советом Северо-Кавказского фронта принимается постановление о полной всеобщей мобилизации боеспособного населения, находящегося вблизи фронта. Для вывоза в глубь обороны оставшегося призывного контингента военкоматы стали формировать из них новые части. Наряду со взрослыми мужчинами, повестки получили и вчерашние школьники. В считанные дни по Братскому Сельсовету собрали и отправили в действующие войска более полусотни человек молодёжи 1924-25-х годов рождения. Среди них с хутора были восемь девчат, которых послали на учёбу связистками в штаб ВНОС, находящийся в Тихорецке.

Вторжение войск вермахта на Кубань совпало по времени с самой горячей порой сельскохозяйственных работ – уборкой урожая. В это время все колхозники Братского Сельсовета продолжали заниматься своими хозяйственными делами. Последнее заседание Исполкома Сельсовета перед отступлением наших войск из хутора прошло 25 июля 1942 года. Согласно полученным указания с райцентра, председатель Сельсовета Петренко И.Д. на нем поставил задачу всем шести колхозам в пятидневный срок подготовить людей и начать эвакуировать в горы

колхозный крупный рогатый скот. Оставить на фермах совсем немного коров и раздать свиней в личные подсобные хозяйства. Но, судя по документам, поголовье свиней с СТФ сразу ушло на железную дорогу, а вот собранный молодняк лошадей и коров до последнего оставался на хуторе и в начале августа был отправлен табунами в направлении на станицу Лабинскую. Только лишь половину всего поголовья успели вывести на маршруты движения к местам эвакуации. С этим скотом ушла часть партийного и колхозного актива, забрав документы и кассу Сельсовета. Уходя из хуторов они везли с собой на машинах племенной мелкий рогатый скот для отправки его в Азербайджан. На руководящих местах в Братском оставались Петренко И.Д., Коломийцев С.А. Савенко П. и Ковалёв Р. Значительную часть намолоченного зерна, не сданного на элеватор, они начали раздавать всем под расписку. Не вывезенный с полей хлеб колхозникам разрешили самим молотить и прятать по дворам. Колхозное имущество, то что не было эвакуировано, сами начали закапывать, но так, чтобы о этих местах знало поменьше народу.

Чтобы враг потом не смог использовать тяжёлую колхозную технику, колхозникам было приказано вывозить её всю на Ладожскую железную дорогу. Но начались непрерывные дневные бомбардировки авиацией противника железнодорожного узла станицы Ладожской и прилегающих к нему дорог. Поскольку оставшийся тракторный и комбайновый парк Братской МТС до самого последнего момента был занят на полевых работах, то попытка трактористов перегнать свою технику в безопасное место в целом оказалась малоуспешной. В пути следования тракторов к переправе образовалась огромная пробка и немцы её постоянно бомбили. Звуки этих взрывов всё время были слышны на хуторе Братском. Под руководством бригадира Чайка Н.И. часть тяжёлых тракторов-тягачей работники Братской МТС всё же успели передать под расписку отступающим воинским частям, что-то смогли спрятать в камышах сняв с них магнето. Другие ценные запасные части зарыли в землю. Когда приближение противника стало уже совсем очевидным, то технику заводили без смазки в картере и направляли с берега в Зеленчук в районе гребли. Слезы текли на глазах трактористов.

2-го августа по ещё работающей телефонной связи Сельсовет получил от председателя Ладожского райисполкома Нерушева Ф.П. разрешение на частичную эвакуацию своим ходом партийного актива и их семей. Колхозами для них были выделены по одной телеге с возницами. Но вот потом добраться до своих мест назначения этим людям удалось не всем, большинство отставали от своих обозов при авианалётах, немало погибло от мин и пулемётных очередей быстро наступающих немцев.

Хроника боев на Братском направлении в августе 1942 года.

С начала августа 1942 года части 12-й Армии начала занимать оборону по левому берегу реки Кубань от Кропоткина и до станицы Ладожской. Участок фронта Ладожская-Краснодар был закреплён за 18-й Армией. 1-го августа 1942 года для укрепления обороны на участке Новосёловка-Красный на хуторе Нееленский расквартировались 600 бойцов 343-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 151-го Укрепрайона (УР), прибывшего туда по железной дороге сразу же после жестоких боёв на Керченском плацдарме. Комендантом УР-а Игнатьевым Сергей Алексеевичем были приняты боевые объекты участка №4 Укрепполосы, а начштабом батальона Поникаровским Е.С. составлен план обороны. Батальон провёл рекогносцировку и стал ставить в поле огневые точки и расставлять бойцов по объектам. Установили телефонную связь со штабом УР-а в станице Геймановской и соседним 344-м батальоном. Штабом была поставлена боевая задача: держать оборону по южному берегу реки Кубань на участке от хутора Новосёловка до Красного.

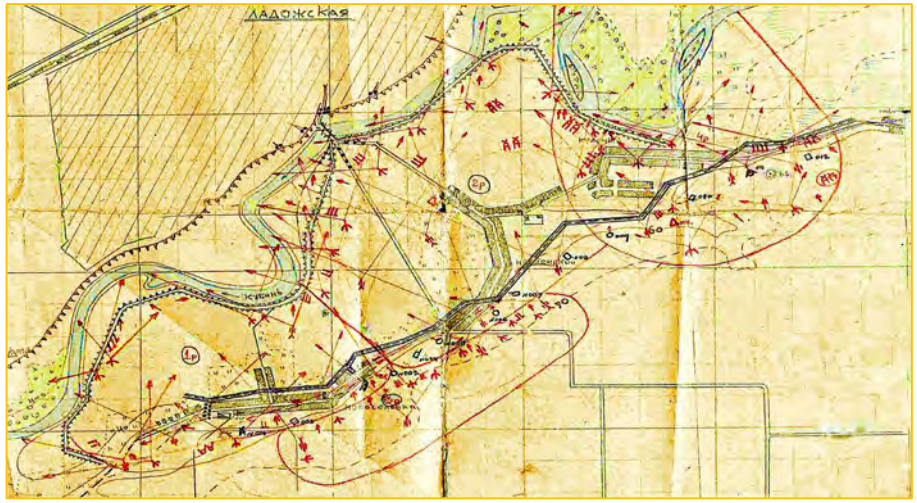


Схема боевых порядков 343-го батальона 151-го Укрепрайона и средства обороны полосы Новосёловка-Неелинский-Красный на 03.08.1942. Архив ЦАМО, Ф-2354, Оп-1

С 5 августа рядом с ними по левому берегу реки Кубань от хутора Болгова до Усть-Лабинска начали занимать оборону и окапываться 1145-й и 1149-й стрелковые полки 353-й дивизии 18-й (с 08.08.1942 – 12-й) Армии, а с востока через Тбилисскую подходил 1147-й полк, который стал контролировать Ладожскую переправу. К исходу 6-го числа штаб армии отдал приказ сосредоточится к отражению противника на этом

участке. В оперативных сводках полки отмечали, что соприкосновение с противником в этот день не имели. Ночью только задержали двух немцев из местных, проводивших разведку укрепрайона. Личный состав продолжал занимался фортификационными работами. На участке железной дороги Усть-Лабинская-Гречишин стали подрывать рельсы.

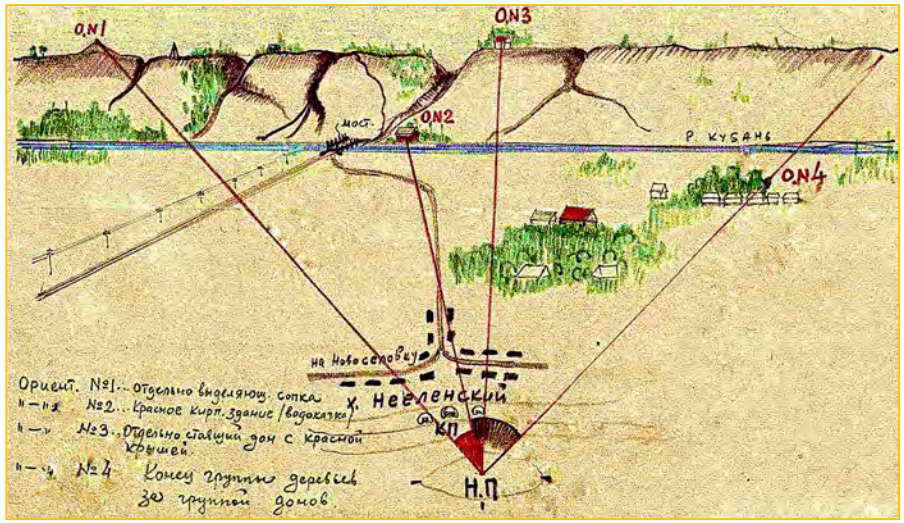
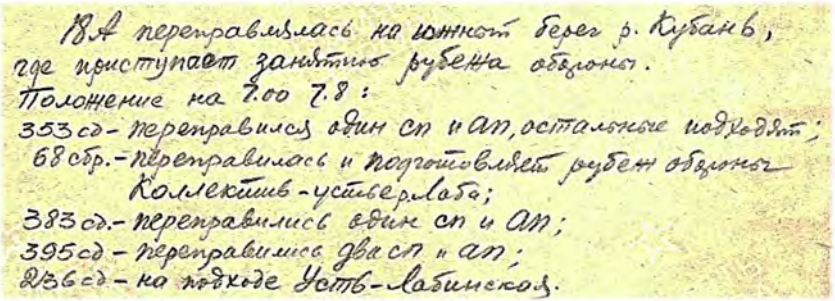


Схема отражения противника по реке Кубани составленная начштабом 343-го пулеметно-артиллерийского батальона 151-го Укрепрайона лейтенантом Поникаровским Е.С.

Вечером 6 августа отступающая 236-я дивизия 18-й Армии так же получила приказ из штаба перейти реку Кубань в Усть-Лабинской и занять оборону на рубеже Коллектив-Ковалёв вост., оборудовать там окопы. В Новосёловке закрепился штаб 12-й армии, там же расквартировались 151-й сводный парашютно-десантный батальон и остатки полка курсантов Урюпинского пехотного училища, потерявшего перед этим в боях под Кропоткиным до 80% бойцов.

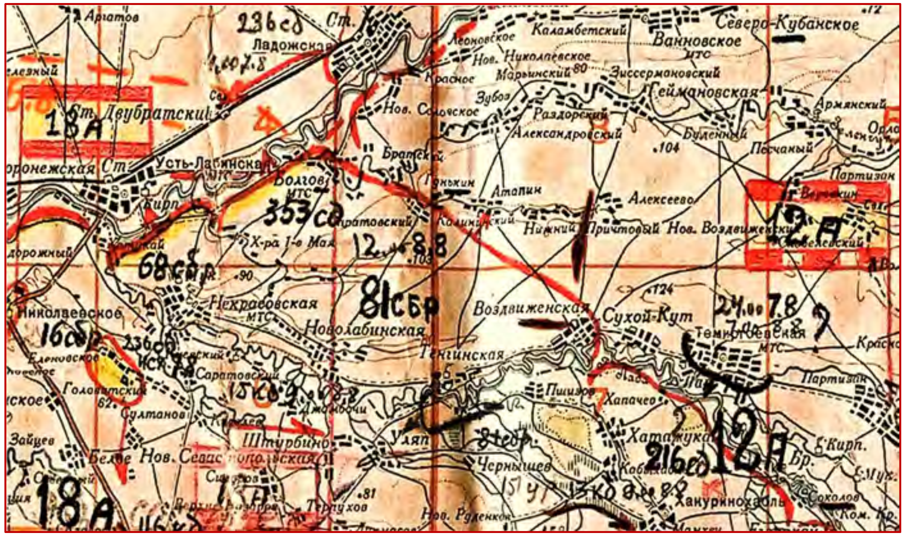

18А переправилась на южный берег р. Кубань, где приступает занятию рубежа обороны.
Положение на 7.00 7.8:
353сд - переправился один сп и ап, остальные подходят;
68сбр. - переправилась и подготовляет рубеж обороны Коллектив-устье р. Лаба;
383сд. - переправились один сп и ап;
395сд - переправились два сп и ап;
236сд - на подходе Усть-Лабинской.

Из оперсводки № 419 18-й Армии на утро 07.08.1942 г. Архив ЦАМО, Ф-371, Оп-6367.

Но немецкое командование прекрасно знало обо всех передвижениях нашей группировки войск и резко активизировали свои действия на этой линии фронта. В тот же самый день 6 августа ударная группа противника из 150 танков и 2-х полков мотопехоты 1-й танковой армии вермахта, после мощной авиационной подготовки, переправилась через реку Кубань в районе города Армавира и начала развивать обширное наступление в юго-западном направлении, нанося удары за ударом на указываемую с самолётов дорогу. Пытались вбить клин и окружить группировку дивизий, оборонявшую правый берег Кубани с севера от станицы Уст-Лабинской до города Кропоткина. Наши войска к обороне с востока не были подготовлены, ослабленные подразделения не устояли и оставив города Армавир, Лабинск отошли к рубежам Майкопа. В предшествовавших боях все эти соединения были значительно подорваны, нуждались в вооружении, боеприпасах и горючем. Выстроить там укреплённую оборону по реке Кубань им не удалось. Не имея достаточно сил и средств, чтобы сдержать натиск противника, командование Северо-Кавказского фронта сразу стало беспорядочно отводить войска с северного крыла фронта дальше на юг к новому оборонительному рубежу по берегам рек Лаба и Белая.

Из-за резко изменившейся оперативной обстановки на юге фронта, 814-й и 818-й полки 236-й дивизии 18-й Армии, начавшие уже ночью с 6 на 7 августа переправу на левый берег Кубани по Усть-Лабинскому мосту, к утру получили новый приказ из штаба армии на выдвижение в район станицы Апшеронской. Для этих целей комдиву Корчикову Г.Н. из резерва командования придали 60 автомобилей. 353-я дивизия с артиллерией так же была снята с участка Фролов-Новосёловка-Нееленский, переподчинена 12-й Армии и начала отход на юг. Когда после прохода этих частей в Усть-Лабинске сапёры мосты взорвали, то комдив 236-й дивизии Корчиков приказал отставшему от них 509-му полку капитана Кобозева переправляться через Ладожскую, сосредоточить свои основные силы на хуторе Болгова и пока держать там оборону на рубеже хуторов Ковалёв-Красный для обеспечения стыка с 12-й Армией. 68-я бригада приготовилась к передислокации за Лабу в Адыгею. Курсанты Урюпинского училища стали уходить через Болгов на Тенгинскую. Одновременно шла эвакуация раненых в тыл, вывоз боеприпасов и снаряжения. На обеспечении отхода войск от Ладожской через хутор Братский оставались 1-й батальон 1147-й полка 353-й дивизии и 343-й батальон 151-го УР-а. С севера на них наступали мотопехотная дивизия словаков и итальянский экспедиционный корпус. С востока двигались танки и мотопехотные роты дивизии «Викинг».

После обеда 7 августа оборону по Зеленчукам занял обескровленной к этому времени 1-й батальон 81-й отдельной морской стрелковой бригады 12-й Армии под командованием полковника Богдановича П.К. Штаб батальона расположился в 1,5 км от хутора Гунькина в саду на высоте 109. Вся отступающая 81-я бригада имела тогда чуть менее 500 штыков, 7 орудий 45 мм, 32 миномёта и 6 танковых пулемётов. К ней и прикрепили 343-й и 344-й батальоны УР-а. По мнению командования фронта, эти мероприятия должны были хоть как-то укрепить оборону по Зеленчукам от хутора Братского до станицы Воздвиженской.



Карта расположения частей Советской Армии на участке Усть-Лабинск-Болгов-Братский-Воздвиженская по состоянию на 7-8 августа 1941 года. Архив ЦАМО, Ф-371, Оп-4139

В докладах воздушной разведки немцев в этот день говорилось, что переправы через реку Лабу у Темиргоевской целы и используются отступающими войсками. Генерал-майор немецких войск СС Феликс Штайнер, командир добровольческой дивизии «Викинг», сразу же приказал полку «Нордланд» наступать на Темиргоевскую. Боевой группе «Германия» с танками идти на Петропавловскую и захватить там мосты через Лабу. Вечером 7 августа, на основании распоряжения командующего 12-й Армии Северо-Кавказского фронта, 343-й и 344-й батальоны 151-го УР-а переподчинили командиру 261-й дивизии. По его приказу по рации, батальоны ночью покинули занимаемые рубежи и начали отступление через Братский, Согласный, Орлов на Тенгинскую переправу, оставив на прикрытие отхода две роты 343-го полка. Мост у Ладожской ночью подорвал сапёрный взвод полка.

Немцы, пользуясь отсутствием сплошного фронта по реке Кубани, 2-й свой мощный удар со стороны Кропоткина направили в стык 12-й и 18-й армий, получив приказ обходить все обороняемые населённые пункты, не ввязываться в бои, с целью дальнейшего захвата мостов по реке Лабе. Двигавшиеся на танках по левому берегу реки Кубани передовые части 1-й горно-стрелковой дивизии немцев при попытке выйти к Большому Зеленчуку наткнулись на позиции 151-го УР-а встретив там упорное сопротивление. Несмотря на превосходство сил противника героически сражавшиеся бойцы не позволили противнику продвинутся далее. Особенно упорные бои велись на участке Братский-Гунькин. На следующий день часть немцев повернула на восток за хутор Атапин.

Утром 8 августа, отбив два моста по реке Лаба в районе Темиргоевской, противник попытался переправится на другой берег. Встретив и там ожесточённое сопротивление наших войск, часть группы двинулась на запад, где в обед прорвав оборону в станице Воздвиженской, в 15 часов заняла Тенгинскую. В тоже самое время, ночью с 7 на 8 августа, фашисты, обойдя полки защищавшие берега Кубани с севера, высадили чуть восточнее Новолабинской переправы десант разведроты батальона «Бранденбург» дивизии СС «Викинг» с двумя проводниками-немцами из Новосёловки. Свободно владея русским языком и переодетые в форму сотрудников НКВД, они зашли в тыл отступающим, начали контролировать их переправу, перекрыв дороги к Лабе. Внося путаницу и неразбериху в колонах советских войск, вели разведку для наступающих сил фашистов. Прибывшие к ним с севера главные силы на 20-ти танках с батальоном автоматчиков «Нордланд», к вечеру всё же захватили плацдарм на левом берегу Лабы возле станицы Тенгинской.

Таким образом к концу дня 8 августа на рубеже Болгов-Киевский-Калининский в окружении оказались 1-й батальон 81-й бригады и две роты 343-го батальона, ещё ведя напряжённые бои с противником, подходящим к ним с двух сторон. Положение защищавшихся оставалось довольно сложным. 3-й и 4-й роте 343-го батальона было приказано уходить, прикрывая отход отступающих частей, по дорогам расставлять противотанковые мины и взрывать все последующие переправы через Зеленчуки. 2-я рота, взорвав гребли через Зеленчуки, ещё продолжала стоять под сильным миномётным огнём противника на заслонах по берегу реки от Киевского хутора до Орлова зарывшись в землю на господствующих высотах. Между тем, выполнив приказ, прикрывавшие роты стали с темнотой покидать свои позиции и уходить на Тенгинскую, где штаб УР-а с 1-й ротой смог днём переправится по мосту через реку Лабу. Отходы наших частей были возможны только в ночное время,

днём же они пытались закрепляться на промежуточных рубежах и как-то отбивать атаки противника. В светлое время бойцы испытывали на себе постоянные массированные удары авиации, обстрел артиллерией противника и изнуряющий летний зной, не дававших им отдохнуть ни минуты. Войска просто падали с ног от изнеможения и недостатка еды. Боеприпасов не хватало. С командованием связи уже не было никакой.

В воскресенье 9 августа 1942 года пали станицы Ладожская, Усть-Лабинская, Ново-Лабинская, города Майкоп и Краснодар. В этот же день мотоциклетки 1-й мотопехотной дивизии словаков въехали на территорию хутора Братского. Две отступающие роты 343-го батальона окончательно потеряв связь со штабом, утром на марше наткнулись возле хутора Калининского на десантные подразделения вермахта на танкетках, шедших со стороны хутора Зубова, которые отрезали советские части от переправ через Лабу. Сильно потрёпанные противником они ввязались в неравный бой. А перед этой ночью, на той же дороге сразу за Гунькиным, обоз отступающих вместе с отрядом партизан и Урюпинских курсантов встретила мотопехота противника на 15-ти танках. Батальоны 81-й бригады морпехов вынуждено вступили в тяжёлый бой и заняли оборону. Штаб батальона 81-й бригады, стоявший на высотке 109, был немецкими танками рассеян, рация штаба захвачена автоматчиками. Несмотря на значительное превосходство противника в силах, за этот день 81-й бригаде удалось уничтожить 12 немецких танков, но при этом все их орудия немцы вывели из строя. Оставшиеся в живых бойцы разрозненными группами по просёлочным дорогам смогли прорваться к Ново-Лабинской и переправится вплавь на другой берег Лабы, а вот партизаны, участвовавшие в этом бое, сразу повернули обратно в прикубанские леса. Несколько десятков тяжелораненых из этой колонны местные жители потом привезли с поля боя на телегах в амбулаторию. Тела же некоторых героически погибших в этих боях бойцов после войны перезахоронили на площади хутора Калининского рядом с земляками, погибшими в годы Гражданской войны. Всего невозвратных потерь 81-й бригады в боях 8-9 августа в районе Гунькин-Тенгинская составило 65 человек (Архив ЦАМО, Ф-58, Оп-818883, Д-1375). По 343-му батальону 151-го УР-а – из 600 числившихся бойцов на укомплектование в 261-ю дивизию 14 августа прибыло только 16 человек, из 344-го батальона – 535 человек (ЦАМО, Ф-2354, Оп-1).

С 9 августа движение людей и техники по дорогам прекратилось, связь с районным центром окончательно потерялась. К этому времени особых боев в самом хуторе Братском как таковых не было, так как он тогда уже не представлял какой-либо стратегической ценности. Но после быстрого

наступления немцев в окрестных местах от хутора Ковалёва до хутора Красного и в лесах по реке Кубани скрылось много отставших раненых красноармейцев. Там же застряли бойцы местного истребительного батальона со станицы Ладожской во главе с секретарём райкома партии Никандровым Василий Степановичем, а также специально созданный Ладожский партизанский отряд, который из-за оперативного окружения никак не смог перебазироваться в горы. Боясь, что их немцы быстро вычислят, небольшой части партизан сформированных из местного партийного руководства под командованием председателя Ладожского райисполкома Нерушева, Фёдор Петровича удалось почти сразу уйти по просёлочным дорогам за реку Лабу. С ними ушли оставшиеся советские политработники, коммунисты Братского Сельсовета и легкораненые красноармейцы. Неделю они с боями пробирались по тылам, перешли железную дорогу ведущую на Туапсе и скрылись в Апшеронских лесах. К 16 августа вышли в горы на плато Лаго-Наки. Соединившись там с другими такими же партизанскими отрядами и 23-м полком погранвойск НКВД, они защищали перевалы к морю, а также охраняли большое количество скопившегося там скота, пригнанного колхозами ещё до оккупации немцами равнины. В рядах этого отряда были бойцы с Братского Сельсовета: Чайка Н.И., Харсеев Г.Я., Сапунов М.В., Уполовников Г.В. Соколов А.А. Киселёв Д.В. и другие партработники.

Бойцы Ладожского партизанского отряда с командирами 23 полка, Мезмай, осень 1943 г.

Оккупация хуторов Братского Сельсовета

В период с 9 августа 1942 года по 30 января 1943 года хутора Братского Сельсовета были оккупированы немецко-фашистскими войсками. Около половины хуторян оставались под ними. Предстояла ломка сложившихся годами устоев Советского периода. Через неделю безвластия на хуторе появилось новое правление. Население встречало новую власть по-разному, были кто и с приветствием, а большинство с нескрываемой злобой. Сначала, как рассказывала бабушка, немцы присматривались к населению и особенно его не трогали. Заехав на хутор Братский, они оставили свой патруль из десяти словацких солдат и начали ставить старост и полицаев. Арестов, облав те не проводили. Только сразу собрали всех комсомольцев – из коммунистов никого не оставалось на хуторе, все вовремя эвакуировались. Отвезли их в Ладожскую, где была районная жандармерия. Поставили на учёт и отпустили домой, письменно предупредив об ответственности за нелояльное отношение к новым властям. В их биографиях на долгие годы так и осталось тёмное пятно пребывания на оккупированной территории с этими расписками о нейтралитете к немцам. У многих молодых ребят тогда было большое желание познакомиться с войной поближе и вести решительную борьбу с пришедшим на нашу землю лютым врагом. Они, как только могли мстили фашистским оккупантам, прокалывали скаты их машин, сыпали песок в баки, ломали технику, резали электрические и связные провода, за что постоянно были под подозрением у полицаев. Потом всё же те некоторых вычислили, двоих молодых ребят – Александра Гришаева и Павла Юдина немцы за это расстреляли, при обыске у них нашли оружие и какие-то вещественные доказательства проводимых диверсий.

После стремительного наступления немцев остаткам партизан и раненым бойцам, которые не смогли сразу просочиться через тылы немцев вслед за ушедшим на юг отрядом Нерушева, пришлось скрываться в небольших прикубанских лесах. Кроме того, за Болговым, где впадают Зеленчуки в Кубань, был ещё небольшой лесной массив. Там одиночно укрылось много раненых бойцов. Рассредоточились они и в районе хутора Новосёловка. Руководил этой подпольной группой – председатель колхоза Коншин Г.Г. Среди них так же оказалось немало людей, которым пребывание на захваченной территории угрожало в первую очередь – это руководящие партийные работники, коммунисты и местные евреи. В их составе были работники Братского сельсовета и милиционеры, а в большинстве своём раненые бойцы, отставшие от

быстро отступавших войск. Вместе с подпольщиками они подорвали жизненно важные для оставшегося населения объекты, которые Советская армия при отступлении не стала трогать – мосты, мельницы и маслобойни. Это полностью отрезало жившее по Зеленчукам население, лишив его связи с внешним миром и возможности перерабатывать сельхозпродукцию для своих личных нужд.

Население, оставшееся на оккупированной территории, жило в страхе и неуверенностью в завтрашнем дне. Одни боялись немцев, другие по старой памяти ещё и советских. Большинство считало себя советскими, но небольшая часть была всё же за немцев. Не любя Советы, они сразу пошли служить к ним. Другие, боясь расстрелов, уходили в подполье, у них появилась жгучая ненависть к немцам, устроившим нашему народу тяжёлое испытание. Сами же фашисты вначале ничего плохого населению Братского не делали, ни в каких карательных операциях, расстрелах участия не принимали, только хотели превратить Кубань в основного поставщика продуктов для своей армии. К осени заняли все окрестные хутора. Везде появились атаманы и жандармы – одним из них стал местный немец по фамилии Кольбах. Районным атаманом – казак Колесников. Тот в Братском поставил старостой грамотного сына репрессированного в 30-х годах Николая Винника – Ивана, оставшегося из-за хромоты в оккупации с женой и двумя сыновьями в Новосёловке. Он раздал всем прокламации-листовки о том, что дети бывших кулаков могут забирать свои реквизированные участки и дома в собственность. А кто желает, может ехать на работу в Германию. Но тогда так никто из хуторских на это не клюнул, а все бумажки разобрали на самокрутки.

Во время оккупации хутора такие листовки были пропусками в «свободную жизнь»

За что умираете Вы?
Дайте себе на это ясный ответ.
Каждый перешедший добровольно на нашу сторону получает удостоверение, по которому ему гарантируется хорошее обращение и быстрое обеспечивание работой.

PASSIERSCHEIN
Dieses Flugblatt gilt als Passierschein für eine unbegrenzte Anzahl russischer Überläufer.

DEUTSCHE WEHRMACHT

ПРОПУСК
Эта листовка служит пропуском неограниченному числу перебежчиков.

Многие жители, не боясь немцев, помогали оставшимся в лесу подпольщикам и раненым солдатам. Сами их отряды активных диверсионных и боевых действий не вели, акций особых не проводили, но уничтожив двоих офицеров СС, стали вести разведывательную и

пропагандистскую работу в тылу. Родственники рассказывали, что сестра моего деда – Ганна Кононовна (Киптило) поддерживала с ними тесную связь. Пекла хлеб и передавала продукты в условленном месте. Муж у неё умер в 1937 году и жила её семья весьма скромно. Но всё же носила еду партизанам и своему раненому брату – Якову. Вот её по пути и выследил полицай Николай Жуков из соседнего хутора Семенова. Она собирала небольшие мешочки с продуктами и прятала вместе с хлебом под полом в одной из недостроенных хозпостроек, которые стояли на берегу реки возле гребли – перед самой войной местный колхоз хотел использовать этот водоём для выращивания нутрии, но так и не успел этого сделать. Проследив весь её путь и схрон, полицай нечаянно выдал себя, оступившись в воду. Не став дожидаться прихода связного, решил сам с ней разобраться. Начал бить и пытать на берегу реки. Отбила её маленькая дочка Надя, увязавшаяся за ней. Та подняла страшный крик при виде того, как Жуков избивает мать прикладом и кинулась защищать. Убежать-то от него они вдвоём смогли, но вот вечером к ним с обыском нагрянули полицаи и не найдя ничего крамольного, забрали в доме всё что было из запасов еды, не оставив даже никаких солений. Родственникам пришлось зимой помогать им продуктами.

Немцы вообще не заботились о снабжении продовольствием полицаев и те грабили население – тащили скот, птицу, кукурузу, последнюю картошку. Были уничтожены на хуторах все собаки, так как они выводили их из себя своим звонким лаем. Часть же местного населения относилась и к партизанам достаточно настороженно. Сами партизаны из-за быстрого наступления немцев не успели себе оставить припасов и жили за счёт оставшегося местного населения, иногда втихую уводя у хуторян то быков, то последних поросят, что вызывало недовольство некоторой части жителей – и так уже все начали голодать, поди пойми кто там есть, кто. Командиром одного из таких сформировавшихся партизанских отрядов выбрали местного лесничего Зазыбу. К нему как-то пришла жительница хутора Болгова с просьбой о том, чтобы они не воровали живность по хуторам и не убивали немцев, ибо те предупредили, что за одного убитого немца казнят с десяток хуторян. Партизаны провели с ней разъяснительную партийную работу, но потом, когда немцы действительно расстреляли в Братском хуторе нескольких молодых парней, то не стали их особенно трогать. Но вот однажды, когда местные подпольщики с Ладожской послали связного в отряд Зазыбы, молодого пацана по фамилии Потапенко, то его по дороге узнали хуторские и кто-то «капнул» полицаям. Пытали его немцы до тех пор, пока тот не выдал все места, где он побывал. Полицаи с немцами в

большом количестве сразу же понаехали в окрестные хутора во главе с самим начальником ладожской полиции Арзубовым. Стали рыскать по домам. Начали вылавливать скрывавшихся в лесу, разыскивать по домам раненых бойцов и тут же их расстреливать. Потом свезли со всех хуторов с полсотни тел и побросали вблизи Кубани в большом противотанковом рве возле хутора Новосёловки. Особенно тогда старался начальник жандармерии Герр Кольбах, самолично расстреляв коммунистов на хуторе Болгова: председателя колхоза Кретова Н.С., председателя колхоза Коншина Г.Г., председателя Сельсовета Руденко И.Ф. и секретаря парторганизации Кретова И.С.

Практически вместе с немцами на хутор вошли украинские жандармы, вот их все очень боялись, они сильно зверствовали. Те преследовали целью уничтожения цыган и еврейских беженцев с юга Украины, размещённых весной властями по окрестным хуторам. В Братском цыгане побросав всё поразбежались почти сразу с началом войны – не захотели попасть под мобилизацию, а вот евреев-беженцев было до пяти семей. В сам хутор местные полицаи их не пустили, побоявшись немцев, хотя евреи и работали до оккупации некоторое время в колхозах, за счёт чего кормились. Жили они прямо в полях, ближе к хутору Орлова в железных будках-прицепах от тракторов, там, где до этого работали, а за едой ходили на соседние хутора, выменивая на вещи или же просто просили дать хоть что-либо поесть. Жители их подкармливали чем только могли, хотя еды у самих было маловато.

В сентябре 1942 года всех евреев выловили местные полицейские и жандармы вывезли их в Ладожскую, а в ноябре их около сотни человек вместе с подпольщиками расстреляли в противотанковом рве возле хутора Новосёловка. Расстрелы проводили немецкие офицеры Вальман, Фельдхаус и Кимболь под руководством военного коменданта Ульмана. Сейчас возле этого места на пригорке стоит памятник. В той казни от хутора Братского принимали участие староста Иван Николаевич Винник с двумя сыновьями и младшие братья Сидоренко Ивана Григорьевича, Пётр с Иваном. После расстрела они закапывали рвы с телами. Из-за этих событий Иван Винник смог как-то отказаться от исполнения своих обязанностей под предлогом болезни и его заменили двумя полицаями, прибывшим из Ленинграда. Новые полицаи по любому чужому, появившемуся на улице, ночью открывали стрельбу без всякого предупреждения, они очень сильно боялись партизан.

Сельскохозяйственные работы с приходом немцев на хуторе не прекращались ни на день. Как только немцы пришли на хутор, то по их приказу все колхозы Сельсовета сразу стали функционировать в

прежней структуре, только назывались уже общинами. Земли колхозов стали собственностью общин. Председателем штюцпункта поставили бывшего управленца Винника Ивана Иосифовича. Все трудоспособные члены общины должны были участвовать в совместной работе по уборке урожая. Был обязательным выход в поле с 6 до 19 часов. За работающими на полях присматривали полицаи и прикрикивали, чтобы те лучше работали и били иногда плётками. Особенно легкораненых пленных военных, которые были ими отправлены в общину на поправку. Пока немцы не вывезли весь урожай, до начала дождей там в поле они и ночевали в будках. А так как полицаям надо было тоже где-то жить, то все дома в центре хутора были ими заняты.

Приусадебную землю немцы объявили частной собственностью, сразу освободив её от любых налогов. Они заявили, что эти участки должны члены общины использовать как можно интенсивнее, преимущественно для развития животноводства. Немцы как следует кормили свою армию и с местными крестьянами по сравнению с полицаями вели себя очень хитро. В каждом хуторском дворе старались что бы был скот: коровы, свиньи, куры, гуси. Розданы были остатки колхозного скота и разбиты новые огороды. Поздней осенью даже подкидывали кое-какие семена на посадку, так как весь собранный общиной урожай ими же был ранее вывезен. Полицаи строго вели учёт и должны были следить за тем, чтобы население их не проедало – иначе сразу расстрел. Все это было продовольствием для немецкой армии. Иногда немцы подходили к какому-нибудь дому и стучали палкой по калитке. Когда выходила хозяйка, те ей показывали палец и изображали, как летают птицы – это означало, что им нужно вынести одну курицу.

Во время оккупации хутора немцами никто не пух от голода как в 1933 году, но сильно недоедали конечно все. Питались только за счёт своего натурального хозяйства, а вот одеться и обуться, было совсем не во что. И тогда с целью продажи населению промтоваров по хуторам стали появляться так называемые «заготовители». Они занимались закупкой продовольствия для городского населения. Расплачивались те не деньгами, а специальными бонами на определённые суммы. Предполагалось, что сдавшие продукты, смогут по этим бонам приобрести в магазинах необходимые товары: белье, мыло, табак, спички, стекло. Но в этих магазинах цены были не ниже рыночных и на деле сельхозпродукты просто изымались. Перед войной среди других культур много хуторской земли было занято под подсолнухи. Немцам было в диковинку, что повсюду на Кубани щелкают семечки. Но через некоторое время они сами начали охотно их щелкать, а позже,

оборудовали на рынке в Ладожской мастерскую по изготовлению жестяных бидонов. В них немцы отправляли своим родным в Германию подсолнечное масло, которое покупали у заготовителей, а те всякими хитрыми способами изымали его у хуторского населения, часто просто обменивая на шоколадки и большие конфеты из пайков фрицев.

Хлеб для еды хуторяне пекли сами, в основном из кукурузной муки, в него же добавлялись бобы (соя) или макуха из подсолнечника. Сахара вообще невозможно было достать, но для чая варили сладкую патоку из сахарной свёклы с тростником. До войны колхоз пытался засаживать тростником небольшие плантации. Вот его дети и жевали, он и потом рос везде как сорняк – вкус его я помню с детства. В кубанских лесопосадках самым распространённым деревом до войны была жердёла – дикий абрикос. Плоды жердёлы, по сравнению с абрикосом, не такие сладкие, но в пищу его местные всегда использовали. Собранную пацанами жердёлу в начале лета сушили, готовили повидло. Сок этого плода подвергается брожению без сахара, его взрослые даже перегоняли в самогонку – абрикосовку. Косточки жердёлы, в отличие от абрикосовых, горькие по вкусу, их нельзя употреблять в пищу в большом количестве, это может привести к отравлению. Несмотря на эту горечь, а точнее, именно поэтому, содержимое косточек использовалось в домашнем хозяйстве. Из них в годы войны на Кубани хуторяне варили мыло. В этой работе малыши были незаменимыми помощниками: камнями разбивали косточки. Старшие аккуратно собирали зёрнышки и смешав их с каустической содой долго варили до вязкой консистенции. Потом это домашнее мыло застывало и использовалось для стирки очень грязного белья.

Многие из тех, кто жил у воды, держали уток. Ещё весной маленьких утят пометили и пустили в Зеленчук. Их не кормили, они там сами питались, а уже по осени, когда немцы начали их отстреливать, детвора быстро выловили каждый своих. Рыбалка на Зеленчуках была так же источником дополнительного пропитания для многих семей, где были пацаны. Когда пришли фашисты, то полицаи для них сразу поглушили довольно много рыбы, но что-то ещё можно было поймать на вершу. Правда потом на хуторе была создана специальная рыболовецкая бригада из местных жителей, и те окончательно повылавливали для немцев всю оставшуюся рыбу в Зеленчуках.

В годы оккупации средняя школа практически не работала. Хуторская молодёжь днём фактически была без призора и большинство времени предоставлена сама себе. Детвора повзрослей, если не работала на своих участках, то днём ватагой ходили на бывшие колхозные поля собирать

для дома оставшиеся после сбора урожая колоски пшеницы, остатки кукурузы или шляпки подсолнечника, пилили деревья для топки. Делали это так, чтобы их не видели полицаи, а то всё отберут. Подкапывали картошку с собственного огорода, чем в основном и питались. В то недалёкое время, по рассказам отца, их маленьких пацанов постоянно преследовало ощущение голода. Им всегда хотелось кушать, и они искали любую возможность, чтобы его как-то притупить. На Кубани перед войной везде садили понемногу табак или ещё как его называли – тютюн. Во время войны он рос дичком. Те ребята, кто мог хорошо держать в руках нож, ходили его резать. Кромсали табак на мелкие полоски. Взрослые потом его сушили, измельчали и делали махорку. А малышня, решала тут для себя другую проблему: искали повсюду клочки бумаги, чтобы соорудить что-то вроде мундштука, брали его в рот и дымили. Это забивало чувство голода и отвлекало ненадолго от мыслей о еде.

Совсем поздней осенью разнёсся слух, что хуторян начали обворовывать. Пока всё взрослое население работало в степи, с сараев постоянно стали пропадать овощи, запасённые на зиму. После этого дети начали охранять дворы, дежуря поочерёдно. Кто-то из них застал вора с картошкой. Сбежавшиеся по тревоге хуторские женщины в ярости забили его лопатами. Родственники мои этого не видели, это было где-то возле гребли, но об этом все тогда говорили. Растерзанный труп долго там лежал, отец его сам видел. Улик и свидетелей никаких не было, полицейские не стали с этим разбираться, сказали, что это был какой-то солдат и сами его закопали там же возле берега около дороги. Больше об этом события никто не вспоминал.

Со времени начала оккупации на хуторе стало появляться всё больше полицаев и военных румын. В сопровождении немецких солдат на мотоциклах они стали проводить перепись всего трудоспособного населения для принудительных работ и гонять людей на ремонты дорог. Подростки скрывались от них в зарослях камыша. Однажды даже умудрились укрыть там брошенный полицаями старый колёсный трактор ХТЗ-15. Он у них застрял на дороге и не смог самостоятельно выбраться из грязи. Те сняли с него магнето, чтобы его нельзя было завести. По кубанскому чернозёму, по дорогам между мелкими хуторами, на них можно было проезжать только в сухое время года. В зимнюю же погоду грязь так налипала на колесо этих тяжёлых тракторов, что возможность их передвижения практически исключалась. Когда стало посуше, ребятам каким-то образом получилось найти недостающие запчасти – брошенной техники около

хутора Болгова было очень много, там где раньше находилась Братская МТС. Вычистили в песке свечи, завели его и перекатили к речке. Слили с трактора остатки керосина для дома и притопили его в речке, замаскировав камышом. После освобождения района этот трактор был отремонтирован колхозом, и мой отец выполнял на нем сельхозработы.

После победоносных событий нашей армии под Сталинградом оккупанты начали совсем зверствовать, стали угонять весь оставшийся скот и занялись сплошной экспроприацией продуктов у местного населения. Один раз холодной зимой (14 декабря 1942 г.) понаехавшие фашисты начали отбирать хуторскую молодёжь для отправки на работы в Германию. Под это дело как раз по возрасту и попадал в эти списки мой отец. О каждом из жителей немцы заранее через полицаев собирали очень подробные биографические данные. Но, моя бабушка, пользуясь тем, что при отступлении Советской Армии по указанию председателя сельсовета Чехова Г.Н. все архивы сожгли, смогла каким-то образом в выдаваемом старостой Винником аусвайсе своему пятнадцатилетнему сыну Анатолию – моему отцу, уменьшить возраст. Таким образом староста старался ограничить отправку людей. Вместо месяца рождения апрель он поставил – декабрь. А у малолетнего брата отца Александра (ему было 11 лет) получилось уменьшить три года – он родившийся в голодные 30-е годы был совсем мелкого роста. Это тогда спасло отца от депортации. Когда наши пришли, то новый секретарь Сельсовета Федоренко Екатерина, не теряя время на поиски архивов, сразу стала выдавать справки о рождении на основании этих документов. Вот оттуда у многих детей на хуторе того возраста на всю жизнь пошли неверные записи в паспортах о датах их рождения.

Ненависть советских людей к фашистам, с оружием в руках топтавшими своими кровавыми сапогами нашу землю с целью порабощения, была доведена в 1942 году до высших пределов. Разгром немцев под Сталинградом и их изгнание с востока страны стали большом событием и радостью для всего народа и тем более для людей Кубани. 3 января 1943 года войска Северной группы Закавказского фронта перешли от обороны в наступление. Настроение хуторян резко повысилось. Наши армии стали с юга наносить удары по оборонительным группам фашистов, панически отступающим на Запад. Но отходя фашисты оставляли на прикрытие сильные заслоны, которые дрались умело, подчас до последнего патрона и снаряда. Тем не менее в январе 1943 года, боясь окружения, немцы драпали с Кубани намного быстрее чем наступали в 1941 году.

Хроника боев на закубанских хуторах в 1943 году

Боевой авангард наступающего 395-го гвардейского стрелкового полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й Армии Северо-Кавказского фронта зашёл в хутор Братский 28 января в 17 часов со стороны хутора Орлова по покрытому льдом Зеленчуку. Увидев в огородах наших солдат, люди кучковавшиеся возле своих домов заплакали. Взрослые и дети сразу кинулись к ними. Этот полк только за истекшие сутки в тяжёлом ночном бою за хутор Алексеево-Тенгинский, где противник оказал ожесточённое сопротивление наступающим частям Красной армии, отбив контратаку врага со стороны станицы Воздвиженской окружили отходящих немцев, нанесли им значительные потери в 140 человек убитыми, взяли в плен 50 солдат. Захватили 20 мотоциклов, 20 повозок с лошадьми, 5 орудий, 3 шестиствольных миномёта и много боеприпасов к ним. (Архив ЦАМО, Фонд 1047, Опись 1, Дело 30).

Но дальнейшее продвижение наших частей через сам хутор Братский остановил сильный пулеметно-миномётным огонь с левого берега Зеленчука со стороны высотки у кладбища хутора Школьно-Киевского. Немцы там засели и яростно отстреливались. Старшая ребятня над зданием Сельсовета сразу повесила сохранённый кем-то Советский Красный флаг, но фашисты его сбили. В это же время налетела их авиация. Она бомбила и расстреливала из пулемётов колонну техники, людей и лошадей, шедших на марше по заснеженным дорогам южного берега Зеленчука. На западной окраине хутора Братского так же была слышна ожесточённая артиллерийская перестрелка. Там горели несколько домов под соломенной крышей. К счастью, налёт вражеской авиации не причинил особого урона личному составу полка, успевшему сразу окопаться и замаскироваться. Однако в самом центре хутора Братского были разбиты несколько орудий и испорчены четыре трофейных мотоцикла, а вот большое количество захваченных у немцев лошадей с повозками погибло под этим неожиданным обстрелом. Довольно много боеприпасов, продовольствия и зернофуража солдатам приходилось везти с собой на подводах с лошадьми. Машины с трудом проходили тогда по заснеженным дорогам. Всё обозы застревали в пути из-за труднодоступности дорог и бомбёжек противника. После очень быстрого наступления наших частей тылы никак не успевали подвозить боеприпасы, топливо и фураж. Поэтому часть трофейных лошадей и повозок, по приказу штаба армии, военные из обозной роты оставили населению хутора Братского, так как кормить их им дальше было просто нечем (Архив ЦАМО, Фонд 1596, Опись 1, Дела с 3 по 15).

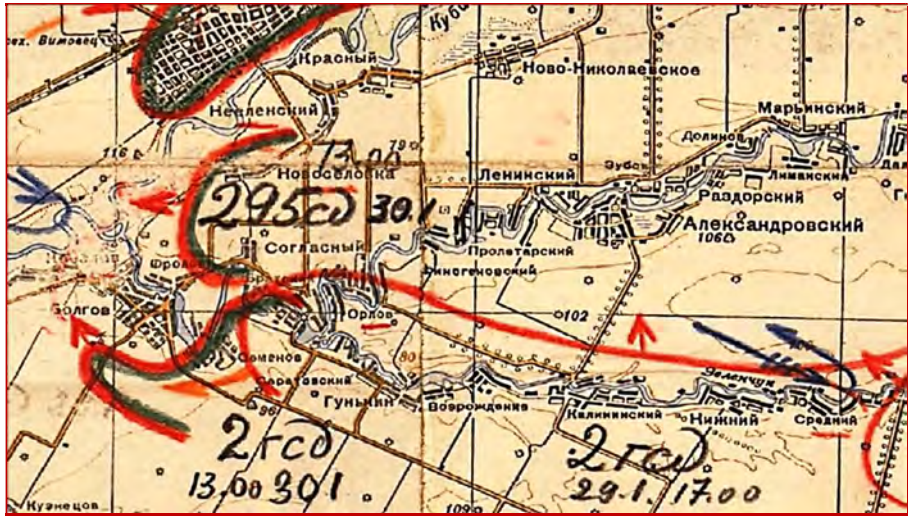
И вот тогда на северо-западной окраине хутора Братского, на самом пригорке, завязался жаркий бой с крупными силами гитлеровцев, окопавшимися на берегу реки. Оседлав выгодные господствующие высотки около хуторов Киевского и Семенова, немцы непрерывно били по Братскому с левого берега. Жители едва успели укрыться по подвалам. Загорелись ещё 6 домов. Понаделав наспех себе окопчики в снегу, наши бойцы быстро смогли организовать огонь по противнику из всех видов оружия. После 4-х часового напряжённого боя перестрелка стала затихать. Когда стемнело, пошёл снег. Немцы стали отходить на Новосёловку. На утро следующего дня 29 января со стороны хутора Александровского стала подходить 295-я стрелковая дивизия под руководством полковника Филатова, наступавшая с востока по берегу реки Кубани. Части этой дивизии, миновав с ходу станицу Геймановскую, продолжали выполнять боевую задачу так, чтобы к вечеру достичь окраины хутора Болгова. Но вечером при попытке атаки у Новосёловки 884-й полк понёс потери, немец засел в дзотах на позициях бывшего укрепрайона. 883-й стрелковый полк этой дивизии так же попал под сильный вражеский пулемётный огонь со стороны Фролова-Болгова и отошёл для перегруппировки на хутор Братский. Там он попытался расквартироваться на северной окраине хутора, но встретив сильный миномётный обстрел со стороны хутора Семенова, отступил к Новоекатериновке, приостановил движение и дал там бой.

Командир 295-й дивизии для уточнения действий противника уже ночью в метель выслал разведку под руководством старшего лейтенанта 588-го батальона Кабаргина в тыл немцев. Проскочив на конях до берега реки Кубани к девятибратскому броду, разведка установила, что фашисты там спешно отступают на станицу Усть-Лабинскую, пытаясь как-то перетащить технику через реку по льду. Противник надеялся под покровом ночи оторваться от наших войск, чтобы занять оборону по реке Кубани. Но у них это не очень хорошо получалось, лёд был тонкий, машины проваливались. Под утро возвращавшаяся с боевого задания группа разведчиков встретила добровольно перешедших на нашу сторону 22 казака с лошадьми и оружием, которые с боем отбивали у немцев обоз из 20 машин с продовольствием. Почти все они были местными, с хуторов Болгова и Ковалёва. Они рассказали, что немцы для прикрытия своих основных сил выставили усиленную арьергардную группу в 500 человек из 46-й пехотной дивизии с 4-мя шестиствольными миномётами, 3-мя станковыми пулемётами и 2-мя орудиями. С кургана "96" южнее хутора Киевского и высотки "112" юго-западнее Болгова они всю ночь продолжали бомбить наши наступавшие войска с хуторов

Братского и Нееленского. Казаки изъявили желание идти в наступление на немцев, о чём было доложено командиру 295-й дивизии. Учитывая создавшуюся обстановку, командир дивизии Филатов тогда приказал 883-й полку обходным путём отрезать путь противнику на запад, согласовав этот манёвр с действиями 2-й стрелковой дивизии и затем, сгруппировавшись с проводниками-казаками, ударить на хутор Болгов.

На следующие сутки части 2-й гвардейской дивизии привели себя в порядок и с утра 30 января силами подошедшего 336-го артполка подавили немцев катюшами и артиллерией. Вместе с вовремя прибывшим 875-м полком 295-й дивизии с хода окружили противника, освободили после обеда хутора Семенов, Болгов, Фролов и Ковалёв. Особо жаркий бой был чуть севернее Фролова, немцы там крепко окопались, приходилось несколько раз наступать и переходить в атаку. К вечеру уничтожив полностью все боевые охранения немцев, 2-я дивизия двинулась дальше на освобождение станицы Усть-Лабинской.

В это же самое время 884-й полк 295-й дивизии так же начал наступление со стороны хутора Новосёловка в тыл немцам. Подавив гранатами огневые точки противника в дзотах укрепрайона, устремился в глубь вражеской обороны. Вражеский огонь с господствующей высоты "116" на берегу Кубани тогда так и не смог остановить продвижение наших войск. Быстро сломив его, уже ночью полк на телегах с помощью досок переправился по льду через Кубань и утром 31 января ушёл на север добивать отступающего противника.

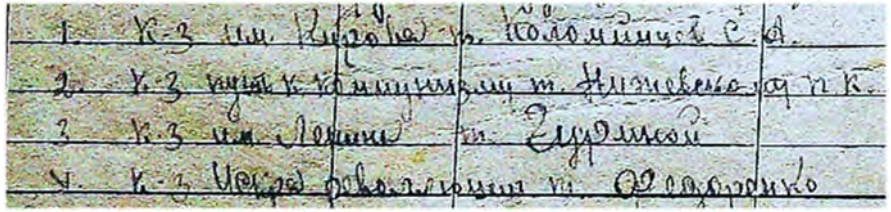


Расположение частей 37-й Армии в боях за хутора Братский и Болгов на 30.01.1943 г.
Архив ЦАМО, Фонд 1047, Опись 1.

Таким образом на закубанских хуторах завершилось окружение и разгром довольно значительной вражеской группировки из 46-й пехотной дивизии, гитлеровцы там были сломлены и обращены в бегство. Известные потери противника убитыми составили 150 человек, 187 немцев взято в плен. Только 30 января в боях противник потерял 96 человек, ещё 22 порубали казаки (привезли головы немецких офицеров). Трофеи 2-й гвардейской стрелковой дивизии за эти сутки: патронов – 30 ящиков, снарядов 75-мм – 30 ящиков, мин – 170 шт. Трофеи 295-й стрелковой дивизии: 34 лошади и 5 повозок, неисправных автомашин – 80, исправных автомашин – 9, мотоциклов – 2, очень много различного военного имущества. (Архив ЦАМО, Фонд 51, Опись 932, Дело 226).

Во время боёв за хутор Братский из 2-й гвардейской стрелковой дивизии было ранено 18 наших бойцов, погибло 6 человек. Все они захоронены в братской могиле парка хутора Братского. На 31 января 1943 года 295-й дивизия 37-й Армии имела активных штыков: 883-й полк – 198 бойцов, 884-й полк – 187 бойцов. В ходе тяжёлых боев 29-30 января 1943 года за хутора Фролов и Болгов из дивизии было ранено 19 бойцов, убито – 10 человек. Среди них из начальствующего состава 884-го стрелкового полка геройски погибли: старший политрук 76-й батареи Иванов Яким Прокопьевич, командир взвода 1-й стрелковой роты лейтенант Арчаков Пётр Карпович и командир миномётного взвода 59-й стрелковой бригады младший лейтенант Левицкий Ромуальт Лаврентьевич. После вечерней атаки 29-го января под Новосёловкой от ран скончался заместитель командира 884-го полка, легендарный агитатор политотдела 295-й дивизии, майор Писаревский Фёдор Иванович. В наступательном бою прямым попаданием его сразил вражеский снаряд, предназначавшийся для тяжёлой техники, когда он личным примером увлекая за собой бойцов, поднимал их в атаку. Посмертно награждён орденом Красной Звезды. С первых дней войны он принимал активное участие во всех боевых операциях дивизии против немецко-фашистских оккупантов. Кадровый военный с 1937 года, весьма смелый офицер, всегда морально подготавливал своих людей к наступлениям, проводил митинги и беседы с личным составом перед боями. Бойцы, вдохновлённые его личным примером шедшим всегда первым в атаку, занимали один населённый пункт за другим. На его счету свыше 30-ти уничтоженных огнём его автомата фашистов. Но в этом бою шальной снаряд прервал жизнь легендарного героя, который так мечтал дойти до Берлина. Боевые друзья похоронили однополчанина (на территории нынешнего Братского мемориала) и в тот же день отомстили врагам за его смерть. (Архив ЦАМО. Фонд 58. Опись 18001).

Через неделю после прихода наших войск заработал Сельсовет хутора Братского, председателем военные поставили Ковалёва Григорий Емельяновича. Вернулись с эвакуации из Азербайджана председатели колхозов. Ранней весной 1943 года в Братском и на окружающих его хуторах под их руководством началось восстановление разрушенных колхозов. Во время оккупации, вследствие полного экономического разорения, перестали существовать некоторые мелкие хутора, а также бывшие до войны крупными посёлки немцев-колонистов: Новосёловка и Семёновский. В начале войны с территории Братского Сельсовета выслали всех до одного местных немцев (112 дворов), потомков колонистов прошлого века. Весной 1943 год председателю Сельсовета Ковалёву с большим трудом из оставшегося населения удалось собрать четыре коллективных сельхозхозяйства. 28 мая этого же года был избран исполком Братского Сельсовета депутатов трудящихся и состоялось его первое заседание. Первыми вопросами ставился подбор руководящих колхозных кадров и передел земель под новые колхозы.



Список коллективных хозяйств Братского Сельсовета и их председатели на май 1943 г.

Посевная 1943 года в этих колхозах проходила с большим трудом. Мужиков в то время не было совсем, шёл переломный год войны. На сельхозработы мобилизовали всё оставшееся трудоспособное население. Посевная затягивалась из-за отсутствия тягловой силы. Малочисленные трактора простаивали без топлива. Не было смазочных масел, которые должны были сделать сами колхозники из клещевины, а вот её и не хватило. От государства помощи в этом вопросе ожидать было трудно – всё шло на фронт. Волов не было вообще, а малопродуктивных коров, годных к запряжке, у колхозников забрали в апреле в счёт госзаготовок. Прополка пропашных культур была недостаточной и тогда в колхозах установили «индивидуальную сдельщину», ещё хоть как-то стимулирующую эти работы.

Из тогдашних сводок Сельсовета хорошо видно, что очень многим семьям не хватало продуктов питания, уходя немцы позабирали всё что могли и люди голодали. Чтобы как-то выжить, колхозникам вернули часть телок сданных в колхоз. В особенно плачевном материальном

состоянии находились многодетные матери и семьи красноармейцев, лишившиеся кормильцев. Этим группам населения Сельсоветом в первую очередь оказывалось матпомощь. Многодетным матерям выплачивались денежные пособия. Это семьи Финько – 10 душ, Людвиг – 9 душ, Воронцовой – 8 душ, Шевчук – 8 душ, Мезенцевой – 7 душ, Лошициной – 7 душ, Прийма – 7 душ, Стародуб – 6 душ и другим.

В этих условиях в 1943 году важнейшей кампанией была борьба с оставшимися полицаями и предателями, которые всё ещё скрывались в прикубанских лесах или подвалах своих домов. Для охраны хутора от их набегов его разбили на двадцатидворки, каждая из которых выставляла на ночь охрану по два человека, к этому привлекались женщины и мужчины, а также дети, начиная с 16-летнего возраста.

Так как начальные школы во всех окрестных хуторах были закрыты из-за малочисленности и нехватки кадров, то дети с них тогда ходили пешком в единственную школу на хуторе Братском. Сама школа размещалась всё в тех же трёх зданиях раскулаченных семей. В военные 1942-43 годы школа несколько раз совсем закрывалась на несколько месяцев – все школьники работали в поле, детям было не до учёбы. Довоенная учительница Крамаренко Александра Марковна с трудом смогла укомплектовала её педагогическими кадрами. И всё же многие дети смогли тогда получить 7-ми летнее образование, мой отец тоже:

Справка.
Выдана Атанасенко Анатолию
в том, что он действительно окончил
7-й класс указанной школы в
1941-42 учебном году
Что подтверждается печатью
удостоверяется.
12 апреля 1944 г. №32.
Директор НСШ №5

Такие вот справки на простенькой бумаге директор Коломийцев Иван Иванович выдавал тем, кто окончил в 1942 году Братскую семилетнюю школу №5.

Большой проблемой восстановления работы школы была нехватка мебели, полицаи всю её сожгли. Зимой 1943 г. для начальной школы был организован сбор у населения стульев, табуреток и столов, вместо недостающих парт в школе. Но это не решило полностью проблемы. Весной учитывая, что в школе мебель почти отсутствовала, на их приобретение и ремонт колхозы хутора выделили по 2000 рублей. Писали дети на газетах и книгах пришедших в негодность, чернилами, сделанными из бузины. Учебников было один на пятерых, наглядных пособий недоставало. Дети недоедали, не во что было одеться и обуться. Школьной формы не было совсем, вместо костюмов ребята чаше всего одевали родительские фуфайки. По воспоминаниям учительницы Крамаренко во время войны в школе училось много переростков. Сама Александра Марковна проживала на хуторе Красном, ходила в школу пешком. Проработала она и.о. директора школы до 1944 года, затем её сменил Коломийцев Иван Иванович, а 1947 году Районо уже прислало молодого специалиста с высшим образованием – Карканова Алексея Фёдоровича. Учителями, преодолевавшими тяготы тех военных лет, были: Аксентюк Степан Сергеевич, Смелько Мария Дмитриевна, Афонина Елена Григорьевна, Исаева Анна Никифоровна.

Молодые люди, те кто по возрасту в то время как раз закончили 7-й класс, сразу начали работать в колхозах. К шестнадцати годам многие из них уже хорошо освоили работу на тракторах. Были те совсем старые, в основном, Харьковского тракторного завода выпуска на позднее 1935 года и имели солидный износ деталей, главным образом, двигателей и заднего моста, поэтому часто нуждались в ремонте и замене деталей. Пахали и сеяли на них с рассвета и до темна. Бригадир приказывал, чтобы учётчицы на велосипедах привозили им еду прямо на поле. В то время, пока они обедали, трактор продолжал пахать – за руль садилась сама учётчица, не теряя ни минуты. При хорошей погоде работали практически целые сутки, спать по несколько часов приходилось под трактором, подстелив там соломки. Проспаться было невозможно, хоть коллектор двигателя во время работы сильно разогревался, но станина трактора довольно быстро охлаждалась, а это заставляло подниматься с земли и в темноту приниматься за работу. С утра бригадиру приходилось бегать по полю то к одному, то другому трактору и рассказывать, как более правильно производить операции. Именно такую начальную механизаторскую школу тогда прошли многие молодые люди хутора. К 15 июля несмотря на такой упорный труд колхоз «Путь к Коммунизму» с трудом смог прополоть 110 гектаров колосовых из посаженных 500, а им. Кирова всего лишь 200 гектаров.

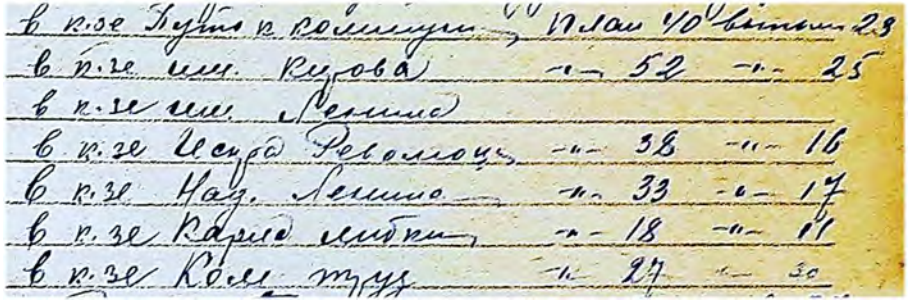
С огромным энтузиазмом в 1943 году всё население хутора трудилась на жатве колосовых. Но как доставалось рядовым колхозникам на уборке в то время, всем известно. Людские потери возмещались за счёт увеличения интенсивности ручного труда. Основные орудия – серп, вилы, грабарка, не доставало мазута для техники, не было смазочных материалов. Но никого не нужно было принуждать выходить на работу. Ночевали все в поле, чтобы с первыми лучами солнца снова взяться за дело и собрать хоть какой-то урожай. За лето моему 16-ти летнему отцу приходилось всякое делать на полевых работах, но на уборке урожая его уже самостоятельно допустили за рычаги трактора.Ситуация с техникой улучшилась к осени 1943 года, хотя много из неё и простаивало – совсем не хватало механизаторов. Той осенью средняя урожайность пшеницы была всего 8-10 центнеров с гектара, больше никак не смогли собрать.

Уборочная в военные годы. Фото 1943 г.

В войну, пока на фронтах шли бои и советские войска рвались на запад, в тылу жители Братского по-своему приближали победу. Вся молодёжь хутора, как только могла оказывала посильную помощь бойцам Красной Армии, которые громили врага в эти трудные годы. Школьники вели с фронтовиками переписку, посылали посылки с табаком. Весной ребята очищали деревья от гусениц в садах, управляли лошадьми и быками, работали на сеялках, косили вручную траву на лугах. Они сажали овощи, пропалывали их, работали на уборке зерновых культур в токах, жали серпами, убирали свёклу и картофель.

Младшие собирали в поле колосья. Дети старшего школьного возраста пахали, молотили или скирдовали хлеб вручную. В зимнее время подростки подвозили корма к фермам, возили сено с лугов, вывозили навоз на поля. Это был очень тяжёлый труд для этих подростков, которые питались кое-как. Хлеба, как основного продукта, постоянно не хватало. Большой радостью у подростков в то время было съесть его тёплый кусочек. С каким аппетитом они поедали на полевой кухне галушки и запивали травянистым чаем с добавками листьев смородины – вспоминали мои родственники. Жили все тогда скромно и бедненько. У большинства не было денег даже на одежду, а моя бабушка, как и многие, сама шила холщовые рубашки всей своей детворе. Отец, правда, стеснялся их носить перед девчатами. Поэтому, когда шёл на работу в поле, снимал её и аккуратно прятал в кустах терновника. А придя до места, одевал комбинезон, в котором и проводил весь трудовой день.

Война принесла очень много негативных изменений, сильно осложнявших жизнь хуторян. Всех тех, кто работал на победу, государство как-то ещё поддерживало пайками, продуктовыми карточками, гарантированной оплатой труда. А вот колхозникам тогда ничего не гарантировалось – даже того мяса, которое они выращивали. План поставок государству сельхозпродукции в 1943 году срывался.



в к.зе Путь к коммунизму	План	10	выполнен 28
в к.зе им. Кирова	-"-	52	-"- 25
в к.зе им. Ленина			
в к.зе Искра Революции	-"-	38	-"- 16
в к.зе Наз. Ленина	-"-	33	-"- 17
в к.зе Карла Либкн	-"-	18	-"- 11
в к.зе Кол. труд	-"-	27	-"- 30

Выполнение плана по мясопоставкам государству колхозами на 10.08.1943 г.

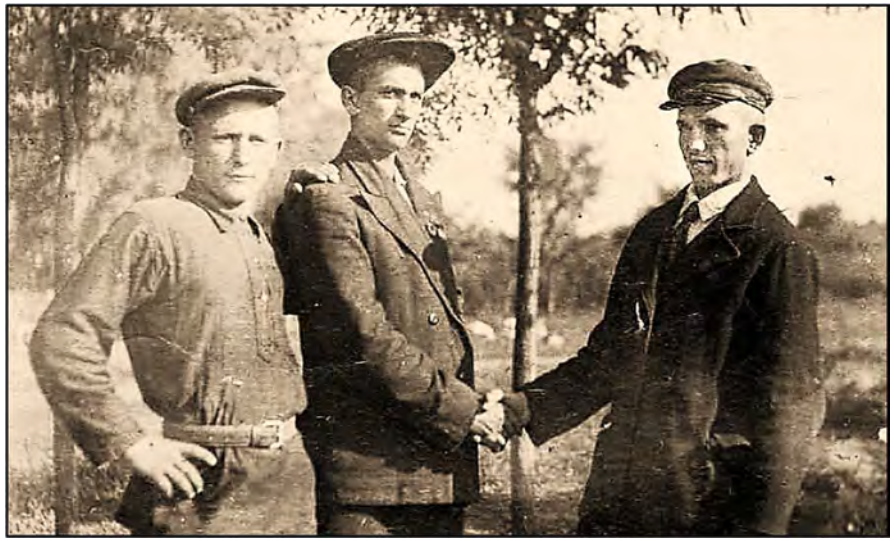
Партийные органы Сельсовета посчитали, что руководящий состав колхозов плохо справляется с местными кадрами, в результате чего своей работы лишались несколько ответственных работников.

На войне не бывает больших и малых битв, победа ковалась не только на фронте. Значительные успехи наших вооружённых сил в Великой Отечественной войне способствовали подъёму настроения большинства людей на хуторе. Всех объединяло одно желание – помочь как можно больше фронту. В годы войны все понимали, для того чтобы одолеть врага нужно оказывать всячески возможную поддержку армии.

Как и по всей стране, хуторяне подписывались на Государственные займы в фонд обороны и относились к ним с пониманием. Как правило колхозники в фонд обороны отдавали месячную, а некоторые и двухмесячную зарплату со своих мизерных трудодней. Это конечно были крохи, но из вот этих небольших денег в итоге складывались большие суммы, которые шли на решение глобальных задач государства. В 1943 году только один колхоз им. Ленина для ускорения разгрома фашизма в счёт погашения 2-го госзайма к 25 июня собрал 92750 рублей. Все пенсионеры хутора отказывались от своих пенсий до конца войны в пользу фонда построения хуторского самолёта, который будет биться с врагами под именем «Кубанский кооператор». Правления колхозов пустило на это весь свой финансовый актив за месяц и действительно такой самолёт с апреля 1944 года летал и громил врага, приближая победу Советского народа над фашисткой Германией. Государственный займ 1944 года так же был успешно выполнен. Особенно активно принимали участие в сборе денег комсоды в колхозе Путь Коммунизма: Саенко Е.Т., Юмазова Г.Т.; им. Кирова: Агафонов М.Т., Скрылёв П., Кухтин И.С.; им. Ленина: Пономаренко И.Л., Савенко П.; Искра революции: Винник М.С., Раудкей Э., Яковлева О.

С начала 1945 года решением СНК СССР везде в сельской местности была введена новая система самообложения – до 30% от выращенного в личных подсобных хозяйствах мяса, молока, фруктов, овощей. Пошла очередная мобилизация денежных средств. Хуторяне исправно вносили налоги на самообложение, повышенный сельскохозяйственный налог, налог на личный скот и приусадебное хозяйство, военный налог. Для хуторян его сумма составляла от 280 до 320 рублей на человека в год, практически полугодовой доход. Старожилы не скрывали, что во время войны выживать им помогала только работа без отдыха в колхозе, работа дома и большая вера в Победу. И она пришла в мае 1945 года.

По архивным данным за время Великой Отечественной войны 1941-45 гг. известно, что из числа призванных на войну из Братского Сельсовета не вернулось с фронтов более 750 человек, а много людей ещё погибло во время оккупации. Было выбито практически всё молодое мужское трудоспособное население хуторов. Выжившие участники войны часто вспоминали, как их тепло встречали на хуторе, когда они пришли домой с Победой. Как радовались и плакали родственники, какой почёт им оказывали в родных краях. Долгие годы они потом продолжали носить свои солдатские шинели, где по праздникам позвякивали их медали и ордена. Они всегда отмечали День Победы, за который пришлось заплатить миллионы и миллионы человеческих жизней.



Закадычные друзья, не вернувшиеся с войны 1941-45 гг.: Фоменко М.Н., Перепелица И.И. и Хоружевский А.Г. Фото в парке хутора Братского перед призывом в Советскую Армию

Жители Братского весьма чтут и почитают всех хуторян, погибших на той проклятой войне. Уже позднее, в 1974 году за счёт бюджетных средств и вклада местного колхоза «Восток», в парке хутора был выстроен большой мемориальный комплекс в честь погибших в Великой Отечественной войне 1941-45 гг. призванных из Братского Сельсовета. За мемориалом и сейчас закрепилось главное место на хуторе, где прочно прижилась традиция почитания различных торжественных и памятных дней, а не только 9-го мая. Сам мемориал был сделан дагестанскими мастерами из красного туфа с курзальским камнем, с вечным огнём и со статуями воинов, выполненными из нержавеющего сплава. На плитах мемориала высечены 700 фамилий жителей Братского сельского поселения – дедов, отцов, мужей, братьев, женихов, те которые так и не вернулись домой к своим семьям. Некоторые фамилии заполняют чуть ли не третью часть на выбитых золотом мемориальных досках: Манько, Рябошапко, Дереза, Сидоренко, Бондаренко и многие, многие др. В большинстве все эти погибшие были потомками основателей хутора Братского, их прадеды осваивали эту землю, и вот внуки и правнуки ценой своей жизни отстояли её от жестокого врага. Очень жаль, что у многих из них так и не смогли появится потомки, которые продолжили бы их героический род. От них нам досталась только лишь вот такая горькая память, вечная же им Слава…

Мемориальный комплекс в память жителям Братского сельского поселения, павшим в Великую Отечественную войну 1941-45 гг.

А для всех выживших в СССР после войны ещё двадцать лет День Победы 9-го мая оставался тогда совсем обычным трудовым днём.

Ветераны Братского Сельсовета на День Победы 9 Мая 1967 г.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В первые послевоенные годы жизнь на хуторе легче не стала. После войны постепенно начали возвращаться из армии демобилизованные солдаты. Они с радость возвращались домой, а там их ждали сплошные материальные лишения. Трудности возвращения их к мирной жизни усложнялись не только наличием огромных людских потерь, которые принесла война, но и нелёгкими задачами восстановления хозяйств колхозов. Почти сразу после ухода немцем с гор пригнали малочисленные стада коров и быков. Но то, что производилось из скота уходило в города и станицы. Колхозы Братского Сельсовета практически ничего себе не оставляли, всё сдавалось государству.

Отсутствие самоходной техники, тракторов, комбайнов и запасных частей к ним очень сильно осложнило весеннюю посевную 1946 года. Но настоящим бедствием для хуторян стала летняя засуха 1946 года, охватившая большую часть Кубани. С мая месяца не было ни одного дождя. В этот год совсем не уродился картофель, не вызрела даже фасоль, урожай был совсем небольшой. Тогда правительством были повышены налоги по самообложению на личные подсобные хозяйства в два с лишним раза. И вот зимой пришёл сильный голод. На хуторе у частников пошли повальные воровства скота и птицы беглыми полицаями и пришлыми элементами. По инициативе Сельсовета коммунисты организовали самоохрану населённого пункта и ночных обходов с целью контроля с выявлением лиц, не внушающих доверия. Секретарю парторганизации Тимофееву пришлось срочно привлечь к этому фронтовиков-коммунистов. В эти года руководство Сельсоветом взял на себя пришедший с войны конармеец Иван Михайлович Солодкий. Он быстро навёл порядки в этом вопросе, не ожидая помощи со стороны, вызвав этим одобрение и понимание у всех хуторян.

Солодкий Иван Михайлович – председатель Братского Сельсовета в 1946-57 гг.

Неурожай 1946 г. и последующая голодовка зимой ещё сократила количество трудоспособного населения хутора. Местные колхозники от голода начали разбегаться и искать более выгодные условия труда в станицах, под любыми предлогами просто бросали всё и уезжали. Тогда в эту голодовку мои родственники тоже покинули хутор и переехали в город. Но на хуторе Братском оставалось ещё много беженцев и раненных солдат, они получили от государства поддержку. Основные продукты питания в то время выдавались им по карточкам Сельсовета. Стали их уговаривать продолжать жить на хуторе, предоставляя какие-то льготы и денежные ссуды на покупку жилья покинувших хутор. Семьи эти были в основном с центральных областей России.

Несмотря на трудности, голод и лишения, хуторяне с энтузиазмом трудились на колхозных полях ранней весной 1947 года. Фронтовики по-военному организовывали труд в тракторных бригадах. Полуголодные механизаторы, привыкшие к трудностям и лишениям, работали до полуночи в поле, чтобы хоть как-то обеспечить качество полевых работ. Ремонтировали как могли технику, не хватало запчастей, расходных материалов. Но в этот год впервые за пять лет последних лет все пашни колхозов Братского Сельсовета были полностью засеяны.

Работники тракторной бригады Братской МТС перед выездом в поле 25 февраля 1947 г.

В те послевоенные годы взрослые вместе со своими детьми работали целыми днями только в колхозах. На работы по домашнему хозяйству у большинства руки не доходили. Старожилы не скрывая вспоминают, многим выжить помогало то что они ели выращенные продукты прямо

в поле: пшеницу, сою и кукурузу, из которых пекли лепёшки или делали кашу. Тогда все работали без всякой оплаты труда и только с 1947 года, впервые с начала войны, колхозникам начали выдавать немного пшеницы на трудодни. Настолько они были рады этому, стало жить полегче. Но дороговизна остального была неимоверная. На рынке за кило сала просили 1500 руб., ведро кукурузы – 1000 руб., а стакан соли – 100 руб. Булка белого хлеба стоила в Сельпо 50 руб. К примеру, секретарь хуторского Сельсовета Хоружевская Нина получала 500 руб. в месяц, а средняя заработная плата по Советскому Союзу составляла около 600 рублей. Все питались только за счёт натурального хозяйства.

1947 год в памяти многих хуторян всплывает ещё как год отменены хлебных карточек и денежной реформы, разборкой здания старой хуторской церкви и когда возникла сильнейшая вспышка сыпного тифа. Руководство Сельсовета срочно даёт указание заведующей медпунктом Резниченко и старшему ветфельдшеру Корсун М.Г. принять строгие меры по ликвидации паразитного тифа, а руководителю Потребсоюза – обеспечить колхозников достаточным количеством мыла. Правлениям колхозов даже рекомендовали выдавать его людям на трудодни. В этот год появилась сильная чесотка у лошадей в колхозе им. Ленина и телят в «Путь к коммунизму», заболели лишаем овцы в «Искре революции». На хуторе Братском для ликвидации всех этих эпидемий была построена газовая камера, где ветврач Чурсинова лично сама окуривала серой чесоточный скот и к осени эпидемия практически стала спадать на нет.

А в 1948-49 годах заразная малярия начала косить сотни хуторян. Ближайшие окрестности сразу же после войны были настолько сильно заболочены, что не успевали высохнуть даже в засушливое лето 1946 года. Полчища малярийных комаров везде разносили заразу. Сейчас мы даже себе не представляем, что это такое малярия. А в то время люди болели ей очень тяжело. Хина была единственным лекарственными препаратами по борьбе с ней и большой эффективностью не обладала. В те годы было мобилизовано всё население хутора на ликвидацию заболоченных мест и засыпку тех водоёмов, где могли возникать очаги таких инфекции. Доктором Резниченко проделась огромная работа по борьбе с малярийными комарами. Она как-то смогла завести много бонификаторов и раздать всем завхозам колхозов, которые и обеспечили очистку людьми наиболее заражённых водоёмов. Руководили всеми этими работами колхозные активисты Савенко, Дуреева, Утятова. И вот на хуторе стали исчезать лужи и появились первые тротуары с посаженными по их краям тополями – жители активно взялись за благоустройство центра и его надлежащее санитарное состояние.

Несмотря на сильные невзгоды до 1950 года на территории Братского сельского Совета были восстановлены 11 сельхозхозяйств: колхозы им. Кирова, «Путь к коммунизму», им. Ленина, им. Калинина, им. Тельмана, им. Карла Либкнехта, им. Войкова, «Прогресс», «Красный партизан», «Надежда Ленина» и совхоз «Комсомольский труд». За пять послевоенных лет произошли изменения и в структуре сельскохозяйственных угодий. Большую часть земли этих колхозов уже занимали посевы пшеницы. Меньше стали высевать озимую рожь, овёс и просо. Сахарная свёкла и технические культуры оставались в прежних объёмах. В эти годы урожайность колосовых составляла 15-18 ц. с га.

В январе 1949 г. колхозам Сельсовета «сверху» спустили план по внедрения травопольных севооборотов, созданию полезащитных лесонасаждений и строительству берегоукрепительных линий на водоёмах. По этому плану большую часть работ приходилась выполнять Братской МТС. Основная же работа по посадке лесополос планировалось провести самими колхозами за пятилетку. Всего вдоль дорог было тогда высажено 20 тыс. различных деревьев. Основными культурами являлись тополя, белая акация, клён американский, вишня и жердёла. В эти же годы все хутора Братского Сельского Совета уже были полностью электрифицированы и радиофицированы, между ними появились довольно хорошие гравийные дороги.

В 1950 году, согласно постановлению Совета Министров от 30 марта, границы Братского Сельсовета были значительно изменены, урезаны и приведены в соответствие с границами колхозных земель. Если раньше земли сельского поселения больше тяготели к северу, то теперь поля стали простираться на восток и запад до реки Кубани. Территориально тогда в нем находились сам хутор Братский и хутора: Болгов, Семенов, Согласный, Орлов, Чернов, Новоекатериновка, Новосёловка, Новониколаевка, Калинина (Атапина) и Будённый (Гунькин).

До 1950 года все колхозы Сельсовета были довольно мелкими. Эти хозяйства никак не могли производительно использовать свои тракторы, комбайны и другую сельскохозяйственную технику. Им постоянно не хватало запчастей, средств на содержание специалистов, на постройку животноводческих помещений, приобретение удобрений и т.д. Тогда назрела необходимость объединения мелких колхозов в более крупные. В октябре 1950 года и произошло укрепление всех местных колхозов. На базе бывших имени Кирова, «Путь к коммунизму», имени Тельмана и имени Калинина был организован один большой – колхоз имени Кирова. Председателем нового колхоза выбрали Кузнецова Василия Петровича. С 1955 года и колхоз имени Чапаева вошёл в состав Кирова.

С 1951 года за колхозом имени Кирова было закреплено 13374 га земли, из неё 10052 га – пашня. Председателем единогласно избрали практика – Афанасьева Николая Сергеевича. Новое руководство колхоза стало постепенно отказываться от яровых культур как нерентабельных, а количество посевов озимой пшеницы выросло в два раза. Росли товарные показатели колхоза. Уже в 1951 году в колхозе на один трудодень в среднем выдавалось колхозникам 1 кг зерна и по 5 руб. Нужно отметь, что колхоз имени Кирова за пятилетку быстро превратился в одно из лучших сельскохозяйственных предприятий района, из года в год добиваясь весьма неплохих показателей:

Показатели колхоза имени Кирова за 1955 год:

Производство зерна-10510 тонн. Урожайность зерновых -18,2 ц. с га
В том числе пшеницы-3 381 тонн. Урожайность -14,3 ц. с га
Кукурузы -4900 тонн. Урожайность -32 ц. с га
Подсолнечника - 1780 тонн. Урожайность-19,4 ц. с га
Сахарной свёклы - 11212 тонн. Урожайность-200 ц. с га
Наличие скота: свиней - 1645 голов, коров - 678 голов
Производство мяса-312 тонн
Молока-999 тонн. Надой с каждой фуражной коровы - 1670 литров.
Техника: тракторов -20 шт, комбайнов -15 шт, автомобилей - 25 шт.

Население хутора Братского все эти годы продолжало увеличиваться, детей у колхозников всё прибавлялось. В послевоенные годы у них тяга к знаниям стала особенно сильно проявляться. Маленьким детям приходилось выходить в школу очень рано пешком, даже из дальних хуторов Калининского, Искра и Пятихатки, школ в них тогда не стало. Братская школа начала работать в две смены, но это не помогло. Тогда колхоз уступил ей здание бывшего Сельсовета, а ещё одну комнату для начальных классов выделили при клубе (на месте бывшего дома Подолян Ф. П.), но учеников становилось всё больше и больше. Один класс был даже помещён при школьной библиотеке, туда стали больше поступать учебники и печатные наглядные пособия.

Учились детки тогда с охотой, а ещё активно принимали участие во внеклассных занятиях. В то время при школе работали следующие кружки: драматический – Маркина Татьяна Филипповна, хоровой – Криушичев Геннадий Фёдорович, выразительного чтения – Горячая Е.П., краеведческий – Чуковский М.П. При здании школы на месте дома Солодких был хороший участок, с экспонатами сельхозпродукции которого учащиеся не раз выступали на выставках в Ладожской. Руководила этим кружком юннатов Хранилова Елизавета Игнатьевна.

Выпускники начальных классов 1953 года с директором Коломийцевым И.И.

Учащиеся Братской средней школы № 67 с классным учителем Манько З.П. в 1955 году.

Утро в школе всегда начиналось с зарядки, которую проводили Коломийцев Иван Иванович и учитель физической культуры Прийма Василий Митрофанович, иногда на достаточно хорошем футбольном поле стадиона. Они же помогали ребятам защищать честь хутора на спортивных соревнованиях и в скачках. Зимой же все выступления и праздники проводились в клубе. Директорами школы в 50-х годах ещё были: Авраменко Николай Моисеевич, Хорошавин Леонид Иванович; Блажко Мария Пантелеевна и Филиппова Харитина Карповна.

Футбольная команда хутора Братского в 1953 г. заняла первое место в первенстве района по футболу.

Баскетбольная команда хутора Братского по очкам постоянно держала III место в районе

Празднование 1-го мая на хуторе Братском работниками колхозов в 1956 году.

В 1958 году Братская МТС была ликвидирована, основную часть техники выкупил колхоз им. Кирова, который стал к тому времени уже достаточно мощными, чтобы иметь собственную техническую базу и управлять ею. В бригадах колхоза появились свои агрономы, зоотехники, инженеры и другие специалисты с образованием. Большие суммы колхозных капвложений шли на строительство бригадных машдворов, молочной и свиноводческой ферм, управление колхоза.

Решением членов правления колхоза имени Кирова с 5 января 1963 года колхоз переименовывается в «Восток», в честь первого советского космического корабля, многие старики при этом вспомнили ещё и первую коммуну-гигант «Красный восток». В новом колхозе стал совершенствоваться севооборот и урожайность с гектара повсеместно поднялась до 35 центров с гектара, кукурузы – до 50. Тогда же началась углублённая специализация по выращиванию сахарной свёклы и весьма доходной клещевины. В животноводстве больше внимания стали уделять свиноводству и улучшению продуктивности крупного рогатого скота. Люди охотнее шли работать на фермы, где росли заработки.

Бессменным руководителем колхоза «Восток» с его основания и по 1984 год был Дьяченко Сергей Захарович. С помощью бригадных агрономов он умело вёл хозяйство и каждый год добивался новых производственных успехов. Его организаторская работа позволила с 1965 года собирать постоянные урожаи зерна до 45 центнеров с гектара.

РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ

С Дьяченко С.З. связана целая эпоха в жизни социалистического хутора. С его приходом были выстроены многие новые новостройки, корпуса молочно-товарных и свиноводческих ферм, зернохранилища и весовые, бригадные машдворы, здания правления колхоза и Сельсовета.

Дьяченко Сергей Захарович - председатель колхоза «Восток» с 1957 по 1984 гг., кавалер орденов Ленина и Красного знамени – высших наград Советского Союза.

В 60-70 годах на хуторе вовсю шло интенсивное строительство и неузнаваемо изменился его центр. В колхозе «Восток» была создана строительная бригада, позволявшая вести крупные строительства разнообразных объектов на производственных участках в поле. Доходы колхоза позволяли вести большие стройки. Асфальтировались за счёт средств колхоза дороги, ремонтировались и строились мосты через Зеленчуки. В эти годы построили новое правление колхоза. Своим нынешним обликом хутор Братский в большинстве своём обязан именно тем труженикам, которые в те 60-е годы заложили основную застройку поселения. Их бесплатный труд на воскресниках позволил тогда подняться хутору на более высокую ступень своего социального развития, уже мало отличающейся от городской жизни.

7 ноября 1965 на хуторе Братском был торжественно открыт новый Дом культуры со зрительным залом на 300 мест и просторным фойе. Состоялся грандиозный митинг и была подготовлена большая концертная программа. Вместе с культработниками многие с удовольствием пели советские песни. В этот день все были «сердцем молодые», шутили, плясали, пели под гармошку, глаза людей светились радостью. Уходили с мероприятия довольные и радостные. Дом культуры был любыми местом отдыха молодёжи. Он стал на долгие годы настоящим очагом культуры для всех хуторян. В нем выступали местные вокально-инструментальные ансамбли, а по выходным почти всегда – заезжие знаменитости со всего Советского Союза.

Дом культуры выстроенный в 1965 г. с памятником В.И. Ленину - гордость хутора.

Со временем рядом с Домом Культуры для детей была построена площадка для аттракционов с каруселями и металлическими лодочками, под раскидистыми деревьями разместили лавочки и поставили автоматы с газводой. Рядом с каруселями сделали летнюю танцплощадку. Многие хуторяне ещё помнят, как молодёжь находила там своих половинок, а их маленькие детки бегали потом туда кататься на лодочках и лошадках.

Аттракционы «Лодочки» у Дома Культуры хутора Братского

Детский садик для семей колхозников Братского Сельсовета.

К началу нового 1967-68 учебного года на хуторе было окончена постройка нового типового школьного здания на 500 мест. В нем были светлые классные комнаты, спортивный зал, хорошая библиотека, мастерская для технического и обслуживающего труда. На учебные пособия, сверх бюджетных денег, колхоз выделил ученикам 10 000 рублей. Кроме того он помог так же приобрести для школы акустику, усилители, фильмоскопы, диапроекторы и дидактическими материалы.

Здание строящейся Братской средней школы весной 1967 года. На переднем плане ещё видны остатки фундамента старого клуба (дореволюционной церкви).

Митинг на торжественном открытии новой школы хутора 1 сентября 1967 года.

В Братской школе тогда часто проходили заседания школьного комитета комсомола, где обсуждался планы работы комсомольской организации и школы на год вперед. На них присутствовали члены учительского коллектива. С их помощью начиная с 1969 года на период летних каникул при школе была создана учебно-производственная бригада из учащихся 7-9 классов в количестве 50 человек. Ребята приучались к труду и кое-что даже зарабатывали. Каждое лето они помогали колхозу в прополке цветов, сборе их семян, уборке лука, переборке кукурузы, в выращивании тутового шелкопряда. Каждый год первого сентября им за работу в колхозе вручались похвальные грамоты. За хорошую работу ребят премировали поездками в города-герои: Москва, Ленинград, Киев, Брест, Севастополь, Новороссийск, Керчь и другие.

Дети всегда принимали участие в праздничных демонстрациях на хуторе. Ежегодно в школе проводились конкурсы песни «Звените, горны!», посвящённые Дню Советской Армии и Дню Победы. Впервые он прошёл в 1969 году. Ученики хуторской школы зимой выступали в бригадах колхозов с художественной самодеятельностью, блистали талантами. Летом участники самодеятельности обязательно принимали участие в хуторской агитбригаде, которая колесила по полям колхоза, делая концерты на полевых станах, фермах или прямо в поле во время обедов. Люди были весьма рады их выступлениям, активно хлопали и благодарили ребят за проявленную заботу к ним.

Участники школьной самодеятельности 60-х годов дают концерт учащимся.

Дети колхозников в то время не были обделены вниманием и заботой. Вот уже и новое прекрасное здание школы не стала вмещать всех учащихся. Около 12 лет начальная школа ещё ютились в бывшем здании правления колхоза, пока детям не была передана часть колхозной гостиницы. В этой новой начальной щколе так же была хорошая детская спортивная плащадка, на которой проводились различные соревнования между младшими классами. В большом помещении библиотеки имелись шахматные столики, где и взросные приходили поиграть.

Здания хуторской начальной школы в 1969 г.

В эти годы директорами школы были: Донденко Николай Георгиевич, Важнов Станислав Дмитриевич, Вижанкова Нелли Ивановна, Бовкун Роман Григорьевич, Лось Юлия Анатольевна, Волченко Нина Алексеевна. В школе тогда преподавали: Дубовиков И. А., Дергунов В. С., Марасанова Н. И., Маловик А. И., Симоненко Г. И., Тарасов В. П., Севостьянов Н. А., Маркина Т. Ф., Манько З.П., Глебова Т. И., Хирная Н. Н., Баташева Л. А., Хралушкина А. Е., Блажко М. П., Чикова Е. И., Хранилова Е. И., Храмова Н. Я., Лысенко Н.И. и другие.

Много лет эта школа живет активной, творческой жизнью. Огромному количеству людей школа дала великолепную путевку в жизнь. За прошедшие двадцать послевоенных лет в школе сложился довольно трудоспособный учительский коллектив, который и по сей день продолжает сеять разумное, доброе, вечное. Большая благодарность учителям школы за предоставленный мне материал по её истории.

Следующим этапом строительства на хуторе было сдача в 1969 году ещё одного капитального объекта – здания Братской участковой больницы на 50 коек, имеющей тогда просто стратегическое значение. Она позволила местным жителям надёжно стоять на страже своего здоровья. Больница была построена по типовому проекту, вполне благоустроена, с местным водопроводом и отоплением. При больнице подсобные помещения: прачечная, котельная, гараж. В ней находилась лаборатория, флюорография, терапевтический и зубоврачебный кабинет, в хирургическом была установлена подача кислорода.

Здание Братской участковой больницы, построенной в 1969 г.

Гребли по реке Зеленчук в 1972 году были отремонтированы на средства колхоза. Всего их на территории Братского Сельсовета – 5 шт.

Вообще 70-е годы прошлого столетия были периодом наибольшего расцвета хутора Братского. Он стал приобретать черты современного индустриального посёлка. Темпы колхозного строительств были впечатляющие. В проектах намечались постройка маслобойни, молокозавода, хладобойни. На хуторе началась проводка новых линий уличного освещения и радиофикация, газификация отдалённых улиц, прокладка водопроводных и канализации сетей. Многодневные сильные дожди в эти годы приводили к переувлажнению почвы, подпочвенные воды часто устремлялись на огороды и приусадебные участки, в подвалы хуторян. Дамбы, не выдерживая удара паводка, постоянно размывались. Проведённые за счёт средств колхоза большие работы по ремонту берегоукрепительных дамб, строительству новых мостов и кладок, позволили спокойно переживать все эти стихийные бедствия.

В начале этих годов продолжалось активное облагораживание центра самого хутора Братского. Председатель колхоза «Восток» Сергей Дьяченко самолично выработал генеральный план по организации территории хутора, в том числе выделил несколько зон размещения объектов капитального строительства для нужд колхозников. На берегу реки, согласно плану реконструкции, был оборудован пляж. Молодёжь там весело купалась, каталась на лодках. Колхоз нанял отдельную бригаду рабочих, которая занялась уничтожением старых деревьев с выкорчёвкой остатков пней, спиленных ещё во время войны, и высадкой в парке хутора на пяти гектарах новых саженцев клёнов, каштанов и вечнозелёных кустарников.

Закладка нового парка хутора Братского весной 1974 года.

Благодаря предприимчивости актива колхоза «Восток», их умению пополнять колхозную кассу за счёт средств, получаемых от реализации сельскохозяйственной продукции в других регионах страны, колхоз в эти годы продолжал оставаться одним из самых экономически сильных хозяйств в районе и основой доходов всех хуторян.

Руководство колхоза «Восток» на планерном совещании.

Смотр техники в колхозе «Восток» х. Братского. Март 1975 г.

В 1975 году колхоз «Восток» получил звание высокой культуры земледелия. За пятилетку выросли заработки колхозников и увеличилась натуроплата. Колхозникам в 1975 году выдано зарплаты 1 708 545 руб. В конце года выплачивалось передовым работникам довольно хорошие начисления до 3 тыс. руб. На рубль ещё выделялось зерно, в некоторые годы механизаторы осенью смогли его получить от 7 до 12 тонн.

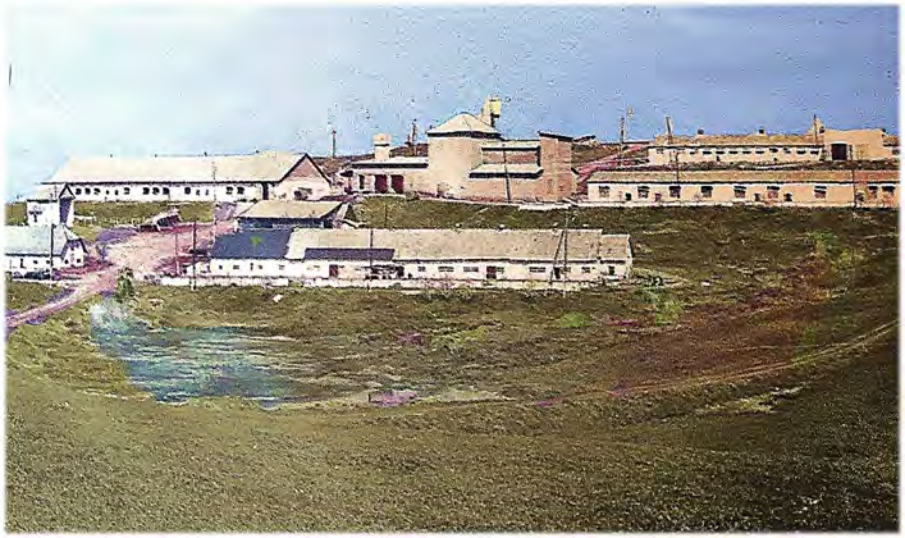
На собрании, посвящённом присвоению колхозу «Восток» звания высокой культуры земледелия. Фото 1975 г.

Передовики колхоза «Восток» с председателем Дьяченко С.З. Фото 1975 г.

Колхоз «Восток» Братского Сельсовета с середины 70-х годов стал одним из самых крупных и богатых хозяйств в районе. Несмотря на климатические невзгоды и промахи партийного руководства в своих директивных указаниях, колхозники в то время добивались весьма неплохих результатов. Государство установило твёрдый план закупок по пятилеткам, повышенные цены на сверхплановую продукцию. Колхоз перешёл на ежемесячную гарантированную оплату труда как наёмных работников, так и самих колхозников. Начала внедрятся звеньевая оплата труда в полеводстве, с расчётом на конечный результат. Чем выше был урожай в количественном отношении, тем выше оплата. Аванс выплачивался в размере 110 руб. в месяц каждому члену звена, а окончательный расчёт в рублях был в конце года. Колхоз стал многоотраслевым хозяйством, специализирующимся на производстве зерна, семенников, технических и овощебахчевых культур, молока и мяса. В хозяйстве было 5 полеводческих отделений, 9 ферм, из них 6 крупного рогатого скота, 2 свиноводческих и одна птицеводческая. Колхозом построены машинотракторная мастерская и рембригады в 4-х отделениях, что позволяло быстро ремонтировать всю имеющуюся технику прямо сразу на полях. Для строительства и эксплуатации хозяйственных объектов имелась строительная бригада со своим кирпичным заводом. Для решения производственных задач были созданы гараж на 110 грузовых автомобилей и нефтебаза с АЗС для них.

Коллектив автогаража колхоза «Восток». Фото 1975 года.

В 1975 году только в строительство зданий и сооружений разного назначения было вложено почти 430 тысяч рублей, на приобретение тракторов и другой сельскохозяйственной техники пошло 650 тысяч рублей, а всего из средств капиталовложения израсходовано свыше 1 млн. рублей. Это очень много по тем временам.



Свиноводческий комплекс колхоза «Восток». Заведующий - Слесаренко Андрей Григорьевич. Фото 1975 года.

Молочно-товарная ферма крупного рогатого скота колхоза «Восток».

Руководство колхоза «Восток» настойчиво и планомерно проводило политику интенсивных технологий выращивания сельхозкультур. На достаточно высокий уровень вышло техническое развитие сельского хозяйства. Стали поступать новые трактора «Кировец» и первые комбайны «Дон-1500», которые приходили на смену старым «Нива». С ними в сельском хозяйстве ещё больше поднялись производительность труда и урожаи. В колхозе были достигнуты хорошие достижения и в товарном производстве. В те годы его руководство заложило прочный фундамент для получения более высоких урожаев в будущем.

В 1975 году был получен рекордно высокий урожай сахарной свёклы в 44 тыс. тонн.

Товарные показатели колхоза Восток за 9-ю пятилетку

Показатели	1971 год	1975 год
Производство зерна	21,0 тыс. тон	24,5 тыс. тон
Урожайность зерновых	40 ц. с гектара	45 ц. с гектара
Собранно: Подсолнечника	20,1 тыс. тон	23,3 тыс. тон
Сахарной свеклы	31,4 тыс. тон	43,7 тыс. тон
Мяса	1420 тонны	2110 тонны
Молока	3440 тонны	4440 тонн
Яиц	1,0 млн. шт.	1,0 млн. шт.
Продано государству зерна	11,2 тыс. тон	11,1 млн тон
Денежный доход колхоза	6 млн. руб.	7,5 млн. руб.
Чистый доход колхоза	2,1 млн. руб.	2,4 млн. руб.

ПОКАЗАТЕЛИ
колхоза ВОСТОК Братского Сельсовета за 1976 год
по основным видам сельскохозяйственной продукции

Валовый доход - 8 900 тыс. рублей
Чистый доход - 3 870 тыс. рублей
Всего тракторов - 132 шт.
Всего автомобилей - 128 шт.
Всего комбайнов- 43 шт.
Производство зерна: 25 660 тонн
В том числе:
Пшеницы - 18 124 тонны
Подсолнечника - 2 556 тонны
Сах. свеклы - 58 705 тонн
Продано зерна государству - 14 361 тонна
Урожайность зерновых - 47,8 ц/га
В том числе:
Пшеницы - 48,5 ц/га
Кукурузы на зерно - 48,4 ц/га
Оз. Ячменя - 46,8 ц/га
Подсолнечника - 30, 2 ц/га
Сах. свеклы - 473 ц/га
Всего скота - 3 669 голов
В том числе:
Коров - 1 780 голов
Свиней - 10 622 голов
Производство мяса: - 2 856 тонны
Продано государству мяса - 1 086 тонн
Суточный привес КРС - 419 гр.
Суточный привес свиней - 236 гр.
Производство молока - 4 620 тонн
Продано государству молока - 3 702 тонны
Надои молока - 2713 литров на фур. корову

Бригада №3 Кузнецова Василия Петровича возле трактора повышенной проходимости «Кировец» К-700, работающего с широкозахватными прицепными машинами.

Новые широкозахватные дисковые сеялки. Производительность сельскохозяйственных работ с ними увеличивалась в 3 раза.

Колхоз «Восток» в Х-й пятилетке неплохо развил специализированные производства: птицеводческое, овощеводческое и выращивание цветов. Это позволяло получать хорошие доходы и в малоурожайные годы.

На птицефабрике колхоза «Восток». Заведующий – Линников М.Н.

Справа – цветоводческое хозяйство звеньевой Рябошапко Анны Ивановны.
Слева – новое полотно асфальтовой дороги на хутор Саратовский.

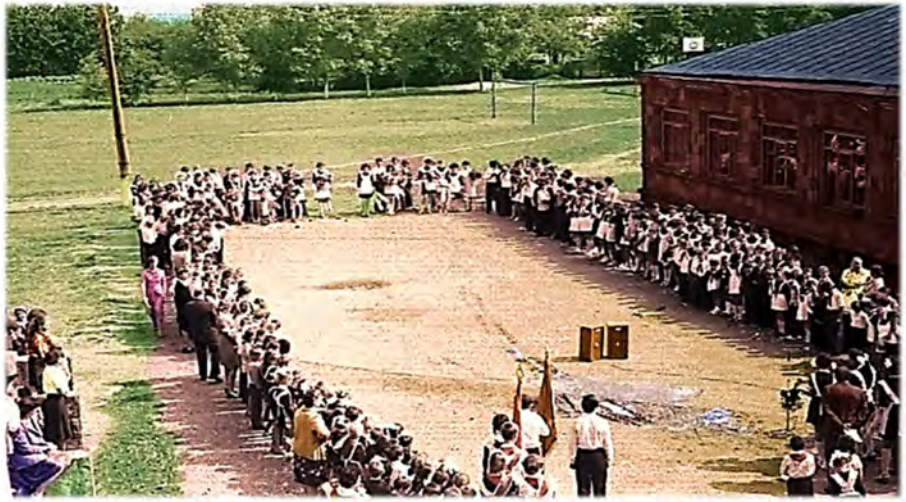
Передовое свекловодческое звено Шкуренко Р.Н. На их опыте другие коллективы обучались систематически выполнять установленные задания.

Бригада механизаторов № 2 колхоза «Восток» - победители соцсоревнования в 1976 г. Бригадир – Петросян Андрей Леонтьевич.

Вообще хутор Братский, как показало время, всегда славился людьми труда, преданными хлеборобскому делу. По праздникам многих хуторян отмечали многочисленными наградами и денежными подарками. Ежегодно работники стали ездить на курорты и дома отдыха. В 1976 году им было выдано 15 санаторных путёвок. Ветеранов труда тоже не забывали чествовать медалями и памятными знаками.

Первомайский митинг на хуторе Братском в 1976 г.

Ветераны Братского Сельсовета. Фото 1977 г.



Выпускной 1980 года в Братской сельской школе.

Колона красных следопытов хутора Братского на праздничной демонстрации 1983 года.

К 80-м годам прошлого столетия жители Братского хутора стали жить намного лучше, чем их предыдущее поколение. Каждый хуторянин, естественно, держал в своём подсобном хозяйстве хоть какую-то живность, где трудился в свободное от работы время, пытаясь ещё как-то увеличивать свои доходы. Важную роль в существенном повышении благосостояние хуторян в те годы сыграло Постановление ЦК КПСС от 1981 г. о поддержке личных подсобных хозяйств граждан.

Оно обязывало колхозы помогать им с кормами, продавать молодняк скота и скупать у них излишки сельхозпродукции. Зерно в колхозе они теперь покупали из плановых излишков в любом количестве по установленным государственным ценам. Многие хуторяне тут же позавели большие хозяйства с поросятами и коровами. Они уже больше не думали о пропитании, а смотрели как бы себе построить добротный домик с хорошими хозяйственными постройками, да приобрести хоть какую-то легковую машину. Новый автомобиль «Жигули» стоил тогда порядка 6 тыс. руб., но очереди на него растягивались на многие года. В Братском Сельсовете было 9 магазинов Сельхозпотребкооперации, где в общей сложности работал коллектив из 50 человек. К примеру, чёрный ржаной хлеб там стоил 10 коп, большой белый кубанский каравай – 22 коп, картошка по 3-5 коп. за килограмм, свёкла и морковь – 10 коп. Мясо в магазине продавалось от 1 рубля за килограмм. Варёная колбаса в Сельпо была около 1 рубля за кило. Хорошая копчёная колбаса появлялась редко и когда её завозили то за ней обычно выстраивалась очередь, стоила она очень дорого - 3,5 рубля за килограмм. Колхозники тогда платили за 1 кВт/ч электроэнергии по 1 копейке, литр бензина – 60 коп. Газ тоже стоил копейки, но на хуторе его в те года практически было очень мало. Творческая энергия, вера в будущее и уверенность в завтрашнем дне долгое время сопутствовали тому времени. Большинство советских людей искренне думали, что так будет всегда…

Типичный дом колхозника на хуторе Братском в 80-х годах прошлого столетия.
Слева ещё цела саманная хатка под камышом, построенная век назад.

Но вот тогдашний парадокс: чем лучше становилась жизнь у людей, тем хуже они стали относится к труду в колхозе, меньше отдавая долг своей основной работе. Плановые работы в колхозе стали не выполнятся, разваливалась дисциплина. Более того, колхозников стали лишать части своего заработка, потому как на уборку урожая стали направлять бесплатную рабочую силу с города – студентов и работников различных предприятий. У крестьян начала пропадать уверенность хлеборобском труде и многие стали заниматься только в личных подсобных хозяйствах «нетрудовыми доходами». Они с большим удовольствием копошились на своих «сотках». И тогда государство видя такое положение дел затеяло политику «раскрестьянивания». Начался повальный погром теплиц, уничтожение у частников посадок роз, капусты или помидор. Участковые насчитывали огромные штрафы за неуплату налогов от этих «нетрудовых доходов». Позднее эти времена назвали «застойными». Несмотря на действительно застойные явления, колхозы, хоть и медленно, но развивались стабильными темпами, а жизнь обычного советского колхозника все-таки становилась позажиточней.

В 1983 по Братскому Сельсовету произошли очередные укрупнения. На основании решения Краснодарского Крайисполкома от 26 октября: мелкие хутора Атапин и Весёлый формально вошли в состав хутора Калининского; Возрождение и Гункина – в Саратовский, Ковалёва – в Болгов; а хутор Орлова присоединили к самому хутору Братскому.

С середины 1980-х годов из-за серьёзного ухудшения международного положения СССР был вынужден включиться в очередной виток гонки вооружений. На нужды «оборонки» стало уходить около 20% валового национального дохода. Это привело к серьёзным диспропорциям в структуре промышленности и сельского хозяйства. В 1984 году пришедший к власти Горбачёв провозгласил «гласность» и поручил партии заняться улучшениями в народном хозяйстве. Изменения в сельском хозяйстве начались с реформирования колхозов и совхозов. Вначале реформы предусматривали три ключевых направления: введение кооперативного или частного секторов, перевод на самоокупаемость (хозрасчёт) и постепенная либерализация цен. Но реформы в сельском хозяйстве не принесли положительного результата. Производство продукции колхозов и совхозов топтались на месте, поддержки государства как раньше по сельхозтехнике и удобрениям не было никакой. Показатели урожайности зерновых на Братских полях стали хуже предыдущей пятилетки. Много зерна́ и овощей портилось, ассортимент посадочных культур стал меньше, качество плодовоовощной продукции снизилось. Потери ещё происходили и из-

за плохих природно-климатических условий. Только за пять лет Кубань четыре раза переживала сильные неурожаи (1979, 1980, 1981, 1984 гг.). Колхоз «Восток» после ухода председателя Дьяченко стал залезать в долги государству, уменьшились доходы колхозников. У людей не стало стимула в работе. Любой праздник, выходной превращался в массовые гулянки с попойками. Бывали случаи что их организовали даже сами бригадиры. В середине 80-х годов велась активная борьба с пьянством, появление на работе в нетрезвом виде тогда наказывалось штрафом аж до 100 руб. Вышла антиалкогольная программа, но она не помогала.

В 1986 году в стране началась очередная «горбачёвская перестройка». Итоги 1987 года по Братскому Сельсовету оказались значительно хуже предшествующих. В мае 1988 года Правительство объявило о возможности перевода колхозников на арендный подряд (по договору об аренде земли с правом распоряжаться полученной продукцией). Разрешалось создание кооперативов, совместных фермерских хозяйств. Но вот закона о передаче земли им в частную собственность или же увеличении количества приусадебных участков тогда не было принято.

В 1986-1988 годах государством предпринимались серьёзные усилия для вывода страны из застоя. Но добиться изменений не удалось. Главная причина неудач заключалась в характере государственной политики в области продовольственного обеспечения населения. Непоследовательная экономическая политика вместо ускорения развития привела к падению производства, снижению уровня жизни населения и недовольству руководством партии. Административные методы не стали работать, а экономическими власть овладеть не сумела. Кризис в сельском хозяйстве, спад производства нанёс серьёзный удар по экономике. Дефицитный бюджет государства с нагрузкой справляться не мог. Из свободной продажи исчезли самые элементарные товары. Цены на них и продукты питания поддерживались на низком уровне при высоких темпах роста инфляции. Возник «денежный навес». Резко ухудшилось снабжение городского населения продовольствием. В некоторых крупных городах вводилось нормированное распределение многих продуктов. Люди опасались возможного голода, а полях гнила сельхозпродукция. Как сейчас помню огромные брошенные поля со зрелыми помидорами – если хозяйству посчитать доходы от их сбора и продажи, то тогда бы не хватило даже на солярку для обработки почвы. Молодёжь, видя всё это стала постепенно уезжать в города, старики вымирали, так и не передав своего опыта детям. Всё это в течение 1990-1991 гг. привело к нарастанию катастрофического экономического кризиса в стране, который в итоге и привёл к распаду СССР.

НАШЕ ВРЕМЯ

На период радикальной экономической реформы распоряжением главы администрации Усть-Лабинского района от 28.12.1991 года №36 главой Братского сельского поселения назначается Захаров Алексей Петрович. 21.09.1993 года Указом первого Президента Российской Федерации от все сельские Советы РСФСР как органы исполнительной власти ликвидировались. Образовался Братский Сельский округ в составе муниципального образования Усть-Лабинского района. В соответствии с распоряжением главы администрации Усть-Лабинского района от 10.07.1998 года №451 путём реорганизации в форме слияния администраций Александровского, Братского, Некрасовского, Новолабинского, Тенгинского сельских округов была создана объединённая администрация вышеуказанных сельских округов. А с 31.05.2000 года деятельность этой объединённой администрации была прекращена и возобновлена работа администрации Братского сельского округа. Округ имел развитую инфраструктуру: три школы, амбулаторию, два фельдшерско-акушерских пункта, два дома культуры, три почтовых отделения, отделение банка, 15 магазинов, аптеку, детский сад, две библиотеки и спортивный центр.

По всероссийской переписи 1999 года проживало населения в хуторах зарегистрированных в реестре географических названий объектов Краснодарского края по Братскому сельскому округу - 5453 человека.

№ п/п	Наименование хутора	Численность постоянного населения, человек	Число постоянных хозяйств, включая отсутствующие
1	х. Братский	1467	517
2	х. Болгов	1858	689
3	х. Калининский	760	253
4	х. Саратовский	630	255
5	х. Се́менов	219	90
6	х. Новоекатериновка	161	66
7	х. Новосёловка	169	80
8	х. Херсонский	104	39
9	х. Северский	55	23
Братский округ, всего		5453	1982

Сам хутор Братский и сегодня является центром Братского Сельского поселения с общей численность в 5186 человек и по-прежнему объединяет девять окружающих хуторов, расположенных в южной части Усть-Лабинского района (по состоянию на январь 2008 г.):

№ п/п	Наименование хутора	Численность населения, человек	Площадь земли населённого пункта, га	Площадь сельхоз земель, га
1	х. Братский	1406	574,46	202,48
2	х. Болгов	1 980	859,38	318,47
3	х. Калининский	695	427,64	158,87
4	х. Саратовский	677	599,08	236,13
5	х. Се́менов	194	166,38	84,15
6	х. Новоекатериновка	148	100,32	41,99
7	х. Новосёловка	143	209,15	119,85
8	х. Херсонский	88	62,79	19,69
9	х. Северский	30	24,47	3,76

Несмотря на какой-то небольшой миграционный прирост с каждым годом всё же продолжается статистическая убыль населения Братского поселения. Хутора Северский, Херсонский, Новосёловка и Се́менов из-за своей малочисленности населения считаются малоперспективными в отношении своего развития и вымирающими. Генеральными планами уже в них не предусматриваются размещение объектов обслуживания муниципального уровня (газификации, здравоохранения, культуры). В перестроечные 1990-е годы там сложилась весьма неблагоприятная демографическая ситуация – убыль населения значительно превышала рождаемость. Молодёжь с неохотой шла работать в сельское хозяйство, так как тяжёлые условия труда и маленькая заработная плата являлись плохими стимулами. Фермеризация 90-х, делающая успехи только по весьма узкому спектру производств, так и не смогла взять на себя решение социальных проблем, как это раньше делал колхоз и принесла там большие негативные последствия. Много заброшенных домов и безработица. Работы в этих хуторах людям просто нет. Среднемесячная номинальная заработная плата составляет 12 т. руб. Пенсионеров там более 60%, выживающих за счёт соцпособий и работой на огороде. Как и сто лет назад эти личные подсобные хозяйства остаются для них источником обеспечения не только основным продовольствием, но и необходимыми средствами к существованию своих семей.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
Братского Сельского поселения
на 2008 год

Численность постоянного сельского населения в пределах поселении	Человек	5186
Численность трудоспособного населения в возрасте от 35 до 60 лет	Человек	1720
Общая площадь жилых помещений населения	тыс. кв. метров	99.1
Общая площадь земель	гектар	14300
Площадь земель сельхозугодий	гектар	9703
Площадь посевная сельскохозяйственных культур, в том числе:	гектар	960
Зерновые и зернобобовые культуры	гектар	395
Картофель	гектар	290
Овощи открытого и закрытого грунта	гектар	250
Другие культуры	гектар	20
Производство продукция сельского хозяйства во всех категориях хозяйств	Миллион рублей	571,3
Производство продукция сельского хозяйства в личных подсобных хозяйствах	Миллион рублей	111,0
Доходы местного бюджета, фактически исполненные	Миллион рублей	8,372
Расходы на содержание работников органов местного самоуправления	Миллион рублей	2,642
Расходы на культуру, средства информации, кинематографию, здравоохранение, спорт	Миллион рублей	3,018
Протяжённость автодорог местного значения общего пользования с твёрдым покрытием,	Километр	54
Протяжение уличной газовой сети	Километр	44
Протяжение уличной водопроводной сети	Километр	65
Количество обьектов розничной торговли и общественного питания	единиц	18

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции:
в Братском Сельском поселении за 2008 год:

Зерно (после обработки)	тыс. тонн	36,1
Соя	тыс. тонн	1,3
Сахарная свёкла	тыс. тонн	31,0
Масличные - всего:	тыс. тонн	5,2
из них подсолнечник (после обработки)	тыс. тонн	2,8
Картофель	тыс. тонн	1,45
из них в личных подсобных хозяйствах	тыс. тонн	1,4
Овощи,	тыс. тонн	1,3
из них в личных подсобных хозяйствах	тыс. тонн	0,5
Плоды и ягоды	тыс. тонн	0,25
Скот и птица (в живом весе),	тыс. тонн	1,7
из них в личных подсобных хозяйствах	тыс. тонн	0,5
Молоко	тыс. тонн	2,8
из них в личных подсобных хозяйствах	тыс. тонн	1,2
Яйца	млн. штук	1,2
Поголовье: крупного рогатого скота, всего	голова	634

В личных подсобных хозяйствах населения на 2008 год находятся:

Коровы	голова	327
Свиньи	голова	510
Овцы	голова	310
Козы	голова	96
Птица	голова	34000
Лошади	голова	7
Кролики	голова	58
Пчелосемьи	голова	180

Примечание: сведения приведены по данным полученным в Росстате.

А как таковое Братское сельхозтоварищество существует в поселении и сейчас, как когда-то два века назад, поземельное. Только в форме сельхозкооператива «Восток», в котором объединены владельцы земельных паёв. Правда, учредителей хозяйства сейчас всего 11 человек.

Здание администрации сельскохозяйственного кооператива «Восход»

Многие жители Братского поселения работают в этом самом хозяйстве. Но есть и такие кто только получает дивиденды и даже не живут на Кубани. Из 250 сотрудников только около 100 земельных пайщиков непосредственно трудятся в товариществе. Остальные – наёмные. Средняя зарплата – 20 тыс. руб. В кооперативе имеется небольшая ферма с поголовьем крупного рогатого скота в 200 голов. Пахотных земель за самим кооперативом числится сейчас порядка 680 гектаров. Более половины всех посевных площадей занято под зерновые культуры, под свёклу ещё используется – 70. Из технических культур преобладают посевы семян кукурузы и подсолнечника. Остальная земля Братского поселения поделена по личным фермерским хозяйствам. Всего их в округе больше сорока. Промышленные предприятия сейчас размещаются преимущественно в северо-западной части территории поселения. Это производственные базы, гаражи с ГСМ, а на востоке и юге – мини-элеватор, полевые станы. Для небольшой части трудоспособного населения эти здания и сооружения предоставляют сферу приложения труда, но в основном это предприятия малого класса с весьма низкой производительностью труда. Оставшиеся 60% оседлого населения вынуждены искать работу вне сельского хозяйства. Эти жители умудряются как-то выживать, работая по найму у фермеров или же занимаются бытовыми услугами где-то за пределами населённого пункта, а кто-то лишь только ведением своего подсобного хозяйства.

Сегодня сам хутор Братский выглядит достаточно красивым и ухоженными. Все что нужно для нормальной жизни в нем есть. У многих жителей добротные дома, с сетевым газом и водопроводом, со спутниковыми антеннами. Основные дороги асфальтированы, неплохо ходит общественный транспорт. Есть на хуторе средняя школа №23 с 420 учениками, большой детский сад №39 на 210 мест, много магазинов и несколько офисов Сбербанка, амбулатория на 125 посещений в смену с отделением скорой медицинской помощи, терапевтический стационар на 25 коек. Хорошо работает Дом культуры со школой искусств и ансамблями, а в большую хуторскую библиотеку всё ещё ходит детвора, чтобы почитать произведения русских классиков.

Здание администрации Братского Сельского поселения.

Центр хутора Братского в наши дни. Улица им. Ленина. Фото 2008 г.

В настоящее время Управлением по градостроительству Усть-Лабинского района разрабатывается генеральный план до 2030 года, который будет использоваться в качестве основы для социально-экономической модели последующего развития Братского поселения. Но сейчас при таких довольно скудных бюджетных поступлениях, соизмеримых со стоимостью квартиры в центре Москвы, определить в будущем устойчивое развитие всей территории хутора довольно трудно.

Въезд на хутор Братский со стороны станицы Ладожской.

Берега Зеленчуков и сейчас представляют собой одно сплошное густонаселённое место.

Тот же, кто приезжает сейчас в эти места впервые, невольно залюбуется местными природными красотами – на юге где-то вдалеке видимый в ясную погоду горный Кавказский хребет, а на севере бескрайные степи. Хутор Братский, действительно, расположен в весьма живописном месте с широченными и длинными улицами, весь утопает в зелени, богат водными просторами. Чувствуется, что на нем живёт много настоящих тружеников, преданные своей земле.

На берегу реки Зеленчук.

Липовая аллея по улице Восточной хутора Братского

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ПОСЕЛЕНИЯ

Интересно то, что вблизи хутора Братского и сегодня находятся многочисленные исторические памятники – остатки оборонительных валов, средневековых крепостей, скифские курганы, доказывающие существование здесь жилищ людей, живших многие тысячелетия назад. Таковых мест на земле Братского поселения более ста, это только официально стоящих в Госреестре России.

Вообще в междуречье Кубани и Лабы люди жили с незапамятных времён, начиная с глобального потепления климата (8-9 тысяч лет назад). С тех пор природные условия данного района стали весьма благоприятными для основания селений. В той далёкой древности многочисленные ручейки и реки в междуречье уже обеспечивали водой и едой население. Местность здесь почти ровная, имеющая небольшие естественные возвышенности и только у берегов рек прорезывается обрывистыми террасами. А правая терраса реки Кубани вообще имеет разнос высоты в 40-50 метров. Некоторые берега Лабы тоже довольно высокие. Так вот эти почти отвесные террасы рек Кубани, Зеленчуков и Лабы создавали благоприятные условия для защиты оседлого населения в междуречье от набегов врагов с трёх сторон. В древние времена в конце лета, когда травяной покров в северных степях совсем выгорал, люди перегоняли скот на заливные и пойменные луга рек Кубани и Зеленчука. Левобережная часть Кубани с плодородными чернозёмами представляла для них широкие возможности для занятая скотоводством и земледелием. А вдоль реки Кубани тянулась лесная полоска, всегда позволявшая добывать какие-то материалы для строительства жилищ.

Если хорошо постараться, то ещё сейчас недалеко от села Новосёловка возле реки Кубани, чуть пониже «девятибратской» переправы, в прибрежном дубовом лесу можно найти развалины дольменообразной гробницы – северокавказского мегалита, построенного четыре-пять тысяч лет назад. Адыги его называли *«Псэунэ»* – дом души. Упоминание о таковом есть в трудах историка и археолога Е.Д. Фелицина. Но до сих пор археологи сами не знают их истинное предназначение, да и строителей. А вот эзотерики считают такие места «аномальными» и говорят, что в каждом таком мегалите есть *«дающий Знание дух Мудреца»*. Стоит только обнародовать информацию об этих местах, как туда начинается их настоящее паломничество. Я сам пробовал приближать руку к этим камням и чувствовал от них какое-то внутреннее тепло и вибрации, а может мне это только казалось…

На развалинах девятибратского мегалита в прикубанском лесу недалеко от х. Братского.

На землях сельхозназначений Братского поселения и в наше время находится довольно много археологических объектов – насыпей, относящихся к VII -V в. до н. э. Этот район, будучи расположенным у слияния нескольких рек, являлся в древние времена торговым путём связывающими местные племена с античными колониями Причерноморья. Только вот большинство из этих курганов были разграблены в предыдущие столетия. Некоторые из оставшихся всемирно известны и в них учёные ранее обнаруживали множество артефактов, проливающих свет на древние страницы истории. А обилие комплексов II-I в. до н. э. позволило некоторым из них даже сделать выводы о возможном нахождении именно здесь легендарного города Успа, который описывали античные авторы и считали столицей сармат.

Более-менее систематические научные исследования братских городищ и курганов были начаты в XIX веке. Раскопки, проводившиеся в то время, мало чем отличались от простого кладоискательства. Про некоторые из них, например известно, что в августе 1879 года на средства, отпущенные Кавказским Наместником, группа археологов во главе с профессором Вильямом Людвиговичем Беренштамом, войдя в денежное соглашение за 50 рублей с Братским товариществом, начала проводить раскопки курганов от правого берега Зеленчука и до реки Кубани. Успели раскопать 4 насыпи из 24-х исследованных. Только в последнем из курганов №19 нашли 50 бронзовых стрел, кучу амфор, бусы, предметы домашнего обихода. Много золотых вещей: рукоятки мечей с головой тигра, 19 выпуклых бляшек с изображением оленя и 8 пуговиц. После работ все эти артефакты были вывезены и переданы на хранение в музей Кавказа в Тифлисе (сейчас это государственный Музей

и Музей Искусств Грузии). Краткий отчёт обо всех этих раскопках был напечатан самим Беренштамом в 1882 г. в первом томе «Труды V Археологического съезда» (стр. 314-316). В описании этой археологической коллекции музея, составленном чуть позднее графиней Уваровой П.С. и опубликованном ею в 1902 г., вещи из этих курганов числятся под номерами 3115-3179. Но вот именно во время проведения этих самых раскопок в сентябре того же года по окрестным поселениям вдруг открылась поголовная эпидемия какой-то странной болезни – сильные поносы со смертельными исходами, особенно эта зараза косила малолеток, да и сам Беренштам ею приболел. Местные решили, что эта гадость полезла из разрытых курганов – мол на всё то что в них находится наложено страшное проклятие. В итоге археологам перестали давать подводы и копачей, прогнали их из последнего недокопанного котлована. А чтобы другие курганы больше никто не раскапывал, таковые жители стали использовать под свои кладбища.

Рисунок Беренштама № 26 из его дневника археологических работ, проведённых на Кавказе в 1879 г.

Как-то так получалось, что и в последующем местные жители никак не подпускали исследователей на свои курганы. Но с течением времени население подзабыло про все эти случаи и ровно через 20 лет в 1899 году жители хутора Зубова, стоящий от Братского в 10 километрах выше по течению 2-го Зеленчука, составили общественный приговор на раскопку курганов, находящихся на их частнособственнической земле. Зубовское поземельное товарищество, изыскивая средства для окончания строящейся ими церкви, пришло к соглашению «напополам» с местным мещанином Забродиным и поручило тому проведение таковых работ. Получив «Открытый лист» Императорской Археологической Комиссии, дающий право производить раскопки, Забродин нанял местных крестьян и раскопал четыре кургана на северном обрыве реки 2-й Зеленчук, из которых два больших дали весьма интересные и ценные находки.

Старший член Императорской Археологической Комиссии профессор Н.И. Веселовский по поручению этой самой Комиссии посетил местность проведения работ в качестве инспекции и собрал подробные сведения о сделанных Забродиным находках. Полный отчёт об этих археологических раскопках Веселовский опубликовал спустя два года в Известиях Археологической Комиссии (вып. №1 от 1901 года). Золота нашли много, но вот что весьма исторически ценное из найденного тогда было во втором скифском кургане – это красивейшая серебряная пиала с врезанной однострочной древнегреческой надписью:

В переводе: «Я принадлежу Аполлону-Предводителю Фасида». Как говорят археологи, чаша представляла собою обетный дар и принадлежала святилищу Аполлона в городе Фасиде (сейчас это Рион, Грузия), почитавшегося у греков в качестве покровителя колонистов. Вот такие связи были в V веке до н. э. у тогдашних местных жителей.

Часть золотых находок с зубовских курганов из фондов Эрмитажа (Санкт-Петербург): барашек с подвесками, украшенный зернью и поясная инкрустированная бляха с изображением разных зверей

Интересно то, что самих «зубовских старателей» постоянно преследовали какие-то неудачи. Раскапывая курганы, они некоторую часть золотых вещей утаивали, сознательно искажая отчёты, посылаемые в Археологическую комиссию, которые потом продавали.

Известный археолог Николай Иванович Веселовский, работая тогда на Кубани с 1894 по 1918 гг., считался полуофициальным поставщиком древних ценностей в музеи Санкт-Петербурга и ко двору императора. При его посредстве значительная часть золотых вещей из этих курганов была приобретена Императорским Эрмитажем за счёт средств этой самой Комиссии. А вот сокрытая часть курганного золота была копателями продана какому-то ювелиру из Ростова на Дону и сразу же им переплавлена. Различные культовые предметы и чаши купил ростовский коллекционер-книготорговец Романович Е.С. Некоторые из тех чрезвычайно ценных находок позднее всё же удалось у него приобрести Комиссией. Но денег с Ростова копатели домой так и не довезли – были ограблены по дороге и убиты. В общем, за прошедшее столетие после этих случаев больше никто из учёных старался практически не касаться всех этих Братских курганов.

Кроме перечисленных мест в окрестностях хутора Братского на левом берегу Большого Зеленчука возле группы курганов встречаются следы древнего городища, в котором в XVII веке селились казаки-староверы (ст. Некрасовцев-III). Его можно найти нанесённым на археологическую карту Кубанской области Е.Д Фелицина от 1882 года. По сведению же Беренштама, он там находил какие-то раннеэлинистические артефакты, гончарные печи, а также кости свиней и крест-тельник, из-за чего сделал вывод об христианском составе этого поселения. Место это тюрки называли *«Чючук-кале каландылар»* – развалины недавнего укрепления.

Вершина возле хутора Семенова, где когда-то в средние века стояло древнее городище. В XVII веке под ней у берега Большого Зеленчука селились староверы-некрасовцы.

Относительно же остатков насыпей оборонительных сооружений что напротив хутора Согласного на левом берегу Зеленчука, то существует много аргументов от местных археологов, мол эти валы изначально были устроены ещё до нашей эры кочевыми фракийскими племенами для обороны от врагов с севера, а потом уже использовались тюрками из их ближайшей крепости *Лабэ-Кермэнчик*, которая на правом берегу реки Лабы (возле станицы Некрасовской). При их раскопках местными жителями в теле отдельных валов были найдены предметы, возраст которых весьма солиден и при беглом анализе археологами определялся как домонгольского нашествия. Татаро-монголы в этих краях, естественно, ничего не строили, только грабили и разрушали. В средние века укрепления видимо были перевалочным пунктом для дальнейшего продвижения тюркских аскеров к урочищу Докус-Тюбе (*«Девять шапок»* – по-тюркски) что по берегу реки Кубани. С небольшого леска там был выход к реке, где в те времена осуществлялась переправа через Кубань (это чуть ниже по течению от нынешней станицы Ладожской).

Есть ещё у местных предание о том, что когда тут Суворов в 1783 году громил ногайскую конницу, какой-то их мурза, видя приближение донских казаков, покончил с собой, так и не успев зарыть вовремя своё состояние в этом укреплении. Поговаривали, что уже позднее казаком Александровым в яме именно этого самого сооружения было найдено несколько золотых перстней древней работы, продав которые он построил себе водяную мельницу. Многие потом пытались рыть эти валы и насыпи техникой, даже мой отец это делал, следы таких работ видны и сейчас, но никакие клады уже больше так никому и не давались.

Остатки древних оборонительных валов около хутора Согласного.

По воспоминаниям же именно моих предков, в том месте, где раньше на хуторе Братском жили братья Солодкие (сейчас это недалеко от бывшего дома Быта), старики при постройке фундамента для своей хаты находили в земле какие-то старинные меотские предметы, примитивную бронзовую посуду. Четыре найденных огромных круглых тёсанных каменных катка со сквозными дырками, видимо предназначенные для молотьбы, мой прадед использовал при строительстве амбара-навеса для зерна. А самыми ценными находками там были части весьма интересных украшений конского убора. Из двух таких серебряных наносников прадед сделал себе подвесы на наборной пояс. В детстве, ещё помнится, я его видел у своего деда. Все эти многочисленные находки в окрестностях говорят о том, что уже начиная с V тысячелетия до нашей эры район нынешнего хутора Братского был довольно плотно заселён различными оседлыми племенами скотоводов и земледельцев.

Ещё интересное из истории хутора рассказывали мне старики, так это то, что сразу после войны в засуху 1947 года Зеленчуки оказались частично осушёнными и текли совсем маленькими ручейками, в которых ещё оставалось довольно много мелкой рыбы. Детвора всё время туда бегала вылавливать её руками. Это место сейчас где-то в начале улицы Восточной современного хутора Братского. Однажды пацаны, пробираясь сквозь топкий берег к воде, под ногами нащупали что-то твёрдое, тонкое и скользкое. Каково же было их удивление, когда они вытащили из ила длинный меч размером больше одного метра, а затем ещё один покороче – где-то 0,6 метра, только ручка была слегка изогнута. Директор школы Алексей Фёдорович Карканов, которому они отнесли и показали эти предметы, хорошо зная историю пояснил им, что это видимо древнее оружие русских воинов, а палаш хазарского происхождения и приказал им всё сдать милиционеру. Ребята, конечно, этого не сделали, да к тому же побежали ещё поковыряться в «муляке». Их старания увенчались успехом, они добыли несколько старинных предметов: топора, имеющие узкие вытянутые лезвия с квадратным обушком, несколько длинных боевых засапожных клинков, пригоршню наконечников стрел и множество крупных наконечников копий с плоскими треугольными остриями. Это только те, что стали известны родителям детворы, которые они у них потом изъяли и использовали для домашнего быта. Освободив от ржавчины, например, клинки применяли для заколки свиней. Сталь в них обладала сверхвысокой прочностью.

Дело в том, что территория теперешнего Братского поселения с VI по X век нашей эры входила в вассальное подчинение Хазарского каганата, возникшего в результате смешения тюркского и семитского этносов, который в основном существовал за счёт ростовщичества, контроля над торговыми путями и работорговли, угнетая южные славянские народы. Воспоминание об этом времени сохранилось в древней «Повести временных лет» Нестора Летописца. Укрепляясь на славянских землях с помощью постройки новых крепостей, хазары осуществляли свои набеги на славян чаще и чаще, всё больше и больше обкладывая их данью. В конце X века многотысячное войско киевского князя Святослава Игоревича одержало победу над Хазарией и это государство перестало существовать как таковое. В 965 году именно ратники князя где-то здесь проходили по Кубани, закончив свой поход на Таманском полуострове в Тмутаракани, который с того времени опять стал русским. Надо полагать, что на тогдашней полноводной реке, которая сейчас зовётся Зеленчук, была какая-то битва славян с хазарами, судя по найденным боевым предметам, дошедшими до нашего времени.

Однажды, это где-то весной 1935 года, трактористы колхоза им. Воровского распахивая землю на бугре, недалеко от того места, где сейчас кладбище, наткнулись на большую старинную каменную статую. Вытащили её, при этом она слегка успела треснуть, и поставили во дворе тракторной бригады – не выкидывать же такую древность. Там она простояла несколько лет пока однажды к ним не заехал какой-то местный партийный начальник из краевого центра, который опознал в том предмете весьма ценную половецкую святыню. Тогда каменную «бабу» отвезли и передали на хранение в станицу Усть-Лабинскую, откуда по рассказам та уехала в Краснодарский музей.

Слово «баба», происходит от тюркского «*ба'бал*», что означает «дед деда». Ещё в 1250-х годах французский монах-географ Рубрук, когда ехал по южным степям с посольством к хану Золотой Орды, по дороге делал заметки об увиденном и упоминал о обычае половцев (кипчаков) ставить на наивысших участках степи или над курганами с умершими каменную статую, символизировавшую их воинов предков. Лица их обязательно обращались на восток. Они всегда были в одной и той же позе со сложенными на животе руками, как бы ждущими каких-то жертвоприношений от приходящих к ним.

Половецкая каменная «баба» из фондов Краснодарского историко-краеведческого музея, найденная в закубанских степях.

Половецких «баб» на Братских полях и ранее находили не один раз, но до наших времён этих статуй дошло очень мало. Значительная часть памятников половецкой культуры IX-XIII века погибли от рук мусульман, которые пытались бороться с язычеством. Позднее, когда степи уже были освоены казаками, каменные «бабы» перетаскивались с курганов специально поближе к дорогам. В те недалёкие от нас времена эти самые «бабы» часто играли роль путевых вех. Раньше местные с ними не церемонились – иногда их части виднелись в фундаментах хуторских хат, они стояли на перекрёстках дорог, служили заборными столбами или скамейками, их с интересом рассматривали приезжие.

Населявшие ранее места нынешнего Братского поселения тюркские племена половцев, потом хазар и ногайцев, а до них ираноязычные скифы и сарматы, все вели полукочевой образ жизни, занимаясь больше отгонным коневодством и скотоводством. Их кочевое хозяйство базировалось на передвижении части людей вслед за своими животными в те места, где был наибольший достаток в кормах. Зимую около полос леса или зарослей в долинах речек, впадающих в реку Кубань, во время своих перекочёвок весной они удалялись более чем на 200 км. Сначала за сочным травостоем гнали лошадей в предгорья Лабы, потом спускались пониже, затем уже все кочевники на двухколёсных арбах с козами и овцами ехали на север в степи. Таким образом летом у них достигалось большее изобилие скота и лошадей. Ближе к осени они опять собирались на какие-то свои насиженные места, обустраивали *кышлак* (хутор), менялись с черкесами продукцией скотоводства, делали запасы топлива, еды и соли на зиму. Народы эти зимовали в круглых мазанках, сделанных из турлука. Сплетены мазанки из ореховых жердей, скреплённых наверху. Снаружи и внутри обмазывали глиной. Для их изготовления нужен был мелкий лес, как и под постройки загонов для скота, чтобы тот не разбегался. Поэтому селились они по реке ближе к лесу, где добывали материалы. В условиях кубанской зимы мазанные глиной жилища недолговечны, летом они часто разрушались местными племенами черкесов, поэтому каждую осень их фактически перестраивали заново из глины.

На территории Братского поселения неоднократно находили следы древних построек этих различных кочевников, точнее их остатки. Выявить таковые на землях теперешних сельхозугодий можно довольно легко по слегка светлым очертаниям округлой формы размером в 10-30 метров, если смотреть с небольшой высоты на свежевспаханную мокрую почву, учитывая то, что в течение веков она была вся пахана и перепахана. Это остатки глины и камней от фундаментов жилищ и золы. Определяются жилища казана (семьи) кочевников по группировке «вкруг», в середину которого на ночь загоняли скот, а в случае нападения – людей не способных носить оружие. Вне круга находились простолюдины и рабы. Большое количество таковых кругов, находящихся в зрительной связи друг с другом, расположено в районе хуторов Новосёловка, Фролова, Болгова, Семенова и Братского. Трактористы хорошо знают эти места и частенько в наше время находили там на земле какие-то предметы домашнего обихода и даже татарские монеты крымского хана Гази Гирея, датированные 1100-ми годами, вероятно по Хиджре (1700-ы года нашего исчисления).

Проступающие светлые круги после вспашки прикубанских земель на возвышенности между хуторами Новоселовка и Болгов – вероятные руины жилищ тюркской эпохи. Слева по берегу Кубани – следы меотского городища, существовавшего в I-м веке н.э.

Традиционные археологи пока ещё серьёзно не занимались всеми этими городищами. По заявлениям сотрудников Западно-Кавказской Археологической Экспедиции из Краснодара в их планах на ближайшие годы только ставится такая задача. Местные же «кладоискатели-копатели» ещё в конце 90-х годов проходили все эти архелогические памятники с помощью метеллоискателей, и насколько мне известно, они находили там монеты 700-х годов с ликом императора Константина и различные медные ногайские подковообразные застёжки от одежды. Ногайцы в Закубанье появились после того, как в 1580 году царь Иван Грозный разбил их орды в Поволжье. После 1771 году часть ногайских орд, кочевавших в междуречье Кубани и Лабы, приняла присягу на русское подданство, в их числе и несколько тысяч казанов Наврузской орды. С разрешения начальства к ним из Бессарабии прибыли ещё ногайцы правого поколения Эдисанской орды. Пришлые, сдружившись с местными черкесами, быстро стали во враждебное отношение как к соплеменникам, так и к русскими. Многие исторические моменты касательно судьбы всех этих народов и подробности бытия широко описаны в книге Ф.А. Шербины «История кубанского казачьего войска» (г. Екатеринодар, 1910 г.). Стойбища именно этих кочевников похоже нанесены на карту Трескота, представляющую Кубань в 1783 году (см. выше). Это когда кочевые традиции ногайцев изменились к преобладающему характеру осёдлости. Они практически совпадают с местами проявления светлых кругов на братских полях.

Если ещё внимательно взглянуть на эту карту Кубани от 1783 года, то вы там найдёте места первых вагенбургов Суворовского Кубанского корпуса, где донские казаки во главе с атаманом Иловайским охраняли границу от нападений ногайцев и черкесов с территории тогдашней Османской империи. «Вагенбургом» в то время называли гарнизонные стоянки с фортификационными сооружениями, составленными из крытых повозок и щитов, внутри которых находились люди и оружие. С них начинались первые русские крепости и селения в этих местах.

Вид с берега реки Кубани с того места, где казачьи полки ставили свои вагенбурги.

Александровский редут, возведённый во времена А.В. Суворова (около г. Усть-Лабинска)

Из сохранившихся описаний и планов того времени нетрудно установить, что находилась они на берегу реки Кубани, на той её части с которой хорошо видна вся территория сегодняшнего Братского поселения. Как известно, история братских мест весьма тесно связана с именем А.В. Суворова. Достаточно пройти по пути этого легендарного русского полководца, начав путешествие с Александровской крепости, возведённой в 1778 году под его руководством в ходе создания системы укреплений по реке Кубани. Со временем она превратилась в главный форпост Кубанской линии и вплоть до середины XIX столетия была одной из крупнейших не только на Кубани, но и на Кавказе. В историко-краеведческом музее районного города Усть-Лабинска постоянно действуют несколько выставочных залов, где представлены экспозиции со значительным количеством исторических экспонатов.

Вообще-то Братское сельское поселение последнее время стало местностью притяжения экскурсионного интереса и любимым местом отдыха горожан. По его территории как раз и проходят некоторые весьма интересные краеведческие маршруты. Уникальная историко-культурная и природная среда сейчас привлекает множество иногородних туристов и паломников, активно работают туристические компании, приглашающие посетить эти места. Главное, что все они с почтением относятся к истории любимого нами края. А на хуторе Братском в школе № 23 находится класс Кубановедения, где размещены довольно уникальные экспонаты с точки зрения истории.

В классе Кубановедения Братской школы № 23

В Братских местах, особенно в тёплое время года, попадается довольно много путешественников, не только желающих утолить жажду у местных родников, но и прекрасно отдыхающих на берегах рек или просто любующихся великолепными красотами степей и рек во всём их первобытном великолепии. Изучая при этом достопримечательности и историко-культурные ценности поселения, они получают незабываемые впечатления от природы Кубани.

Летом Зеленчуки зацветают также, как и 100 лет назад.

Водные ландшафты реки Большой Зеленчук около хутора Братского

Перечень наиболее значимых археологических объектов на территории Братского сельского поселения

Наименование объекта	*Местонахождение объекта*	*Номер ОКН, приказ*
Городище "Новосёловское" *(Некрасовцев-II по Беренштаму) с группой курганов 3 объекта 13 насыпей*	*х. Новосёловка от 2,25 до 3,25 км к ЮЗ от центра хутора, левая терраса р. Кубань. (N 45°14.9921' E 39°54.0134'), (N 45°15.0008' E 39°54.3002'), (N 45°15.3523' E 39°54.5345')*	*5226*
Городище "Семёновское" *(Некрасовцев-III по Беренштаму) с группой курганов 18 насыпей*	*х. Семенов, 0,5 км к Юго-Западу от хутора по левому берегу р. Большой Зеленчук, на территории курганной группы насыпи протяжённостью 2 км. (N 45°12.9562' E 39°55.0256')*	*5240 5242 5243 5244*
Городище «Неелинское» *с группой курганов 2 объекта 4 насыпи*	*х. Новосёловка, по дороге в Ладожскую, почти сразу за храмом справа перед перекрёстком (N 45°16.4221' E 39°57.2545')*	*Прик. Деп. Культ. № 627*
Городище «Калининское» *2 объекта*	*х. Калининский, 0,75 км к Северо-Западу от восточной окраины хутора по берегу р. Средний Зеленчук (N 45°12.2053' E 40°08.4971')*	*Прик. Деп. Культ. № 627*
Курганная группа «Болговская» *26 насыпей*	*х. Болгов, 1,25 км к ЮЗ от кладбища, на западной окраине х. Болгов и на Юг от дороги Болгов-Кадухин*	*5059*
Курганная группа «Фроловская» *5 насыпей*	*х. Северский, северная окраина хутора, к Западу от МТФ*	*Прик. № 627-п*
Курганная группа «Херсонская» *16 насыпей*	*х. Херсонский, 0,75 км на ЮЗ от хутора и к Югу сразу за кладбищем*	*5270*
Курганная группа «Саратовская» *4 насыпи*	*х. Саратовский Северная окраина хутора, севернее полевого стана, правая терраса р. Средний Зеленчук*	*Прик. № 627-п*
Курганная группа «Братская» *3 насыпи*	*х. Братский, южная окраина хутора по ул. Ленина*	*Прик. 627-п*

Перечень наиболее значимых объектов культурного наследия на территории Братского сельского поселения

По данным инвентаризации, проведённой в Краснодарском крае в 1993 году и документам от Комитета по охране историко-культурных ценностей, на территории Братского сельского поселения сейчас находится свыше десятка недвижимых памятников и обелисков из объектов культурного наследия прошлого века. Вот основные:

Наименование объекта	*Местонахождение объекта*	*Номер по ОКН*
Мемориальный комплекс *землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, партизанам и лётчикам, защищавших хутор Братский от фашистских захватчиков. Установлен в 1975 году.*	*х. Братский, хуторской парк у Дома культуры*	*4099* *23171100 2370005*
Братская могила воинов*, погибших в годы гражданской и Великой Отечественной войн, 1918-1920 гг., 1942-1943 гг.*	*х. Братский, в парке возле школы №23 на территории мемориального комплекса*	*4100*
Братская могила *с погибшими в годы гражданской войны и советскими воинами, погибшими в боях с фашистскими захватчиками в 1942-1943 гг.*	*х. Болгов, возле школы №24 по улице Красной*	*4098*
Братская могила *с земляками, погибшим в годы гражданской войны и Советскими воинами, героически павшими в Великую Отечественную войну при обороне хутора.*	*х. Калинина центр хутора*	*- -*
Обелиск 137-ми расстрелянным *оккупантами советских граждан в годы Великой Отечественной войны. Установлен в 1957году.*	*х. Новосёловка, возле рва с расстрелянным партизанами и евреями*	*4120*
Памятник В.И. Ленину - *основателю Советского государства. Установлен в 1960 году.*	*х. Братский, напротив здания Дома культуры*	*4140*

Памятник на хуторе Калининском у братской могилы с земляками, погибшими в годы Гражданской войны и воинами, павшими смертью храбрых в боях за оборону хутора в Великую Отечественную войну 1941-45 гг.

Памятное место возле хутора Новосёловка – обелиск жертвам фашизма, 137-ми советским гражданам и партизанам, расстрелянных здесь в октябре 1942 года.

Много каких загадок нам оставила история, но достоверно известно, что тысячу лет назад земли Братского поселения уже были освящены Светом христианского православия. Свидетельства таковые остались в древних городищах. Через эти места в 860-х годах проходили просветители Кирилл и Мефодий от Корсуни к хазарскому Кагану, проповедуя и разъясняя тонкости христианской веры. Если следовать их древними маршрутами, то миновать эту местность они просто не могли.

Много чего познавательного из христианского культурного наследия на территории Братского сельского поселения можно сейчас увидеть недалеко от хутора Новосёловка в храме, названном в честь Иоанна Кронштадского с находящимися рядом с ним духовным центром и освящёнными источниками воды. Храм очень долго строился на средства пожертвованные жителями окрестных хуторов и общественной организацией «Вольное дело». Основное строительство заканчивалось под руководством известного в этих краях протоиерея Александра Матвеевича Черных – настоятеля храма. Красивейший по типажу храм похож на тот стародревний, который когда-то стоял в центре хутора Братского «в виде корабля» – где к основному объёму над притвором пристроена главка. Венчает храм луковичной формы колокольня, установленная на светлом восьмигранном барабане с куполообразной крышей. Освящение крестов храма Иоанна Кронштадского состоялось 12 ноября 2008 г.

Храм святого праведного Иоанна Кронштадского возле хутора Новосёловка.

Сам святой праведный отец Иоанн Кронштадский (протоиерей Се́ргиев Иоа́нн Ильи́ч, 1829-1908 гг.) при жизни весьма широко почитался тогдашней общественностью, славился как чудотворец и молитвенник, исцеляющий всяческого рода болезни. Постоянно молясь за тех, о ком его просили, отец Иоа́нн никогда никому не отказывал и его молитвы почему-то доказывали свою действенность – люди излечивались от тяжёлых недугов. При этом Святой не признавал своих заслуг в исцелении, а лишь говорил, что всё это действие Божьей милости и воли.

Святой Иоанн предпринимал многочисленные поездки по разным городам России, в которых десятки тысяч людей получали от него благословение. Множество народа не могли вместить всех желающих, молящиеся тогда заполняли целые площади и улицы перед соборами. Смысл своего «целительства» Кронштадский видел не в облегчении физических страданий, а в спасении душ приходящих к нему за помощью многочисленных людей.

Интересна история хутора Новосёловка, описанная выше, да и создания самого храма. В прошлом веке с 1983 по 1986 гг. по всей территории Братского сельского поселения трестом «Краснодарнефтегеофизика» проводились геологические изыскания с современным на то время оборудованием. Его инженерами на новых приборах тогда были открыты большинство известных сегодня газоносных структур. Я принимал в них участие с разработанными сейсмоприёмниками. На въезде в хутор Новосёловка, на том месте, где сейчас находится храм, тогда стояла сейсморазведочная партия №11 осваивающая 3D исследования по методике известного академика Е.И. Гальперина. Это когда в скважине на глубине где-то в 100 метров осуществляют небольшой «взрывчик», по огромной поверхности идёт сейсмическая волна, приняв которую большим количеством сейсмоприёмников можно анализировать, что же там находится под землёй. Так вот, на базе этой партии для её хозяйственного водоснабжения самими работниками была пробурена артезианская скважина на глубину более 100 метров, откуда вода уже шла самотёком. Хоть и была она слегка пресноватой, но по анализам для питья весьма годилась. После окончания всех работ в этом районе скважина, как обычно, была заглушена буровой смесью и запечатана. Но…

В 1995 году недалеко от этого самого места московский священник игумен Игнатий, родом из этих мест, задумал построить монастырь. Довольно много послушников для будущей обители он набрал среди местных жителей. Вдохновившись его проповедями, они побросали свои хозяйства, продали хаты и стали жить на отделённых от СПК

«Восток» 7-ми гектарах земли в вырытых землянках, которые сами называли «кельями». На деньги от продажи своих участков возвели для молитв временный молельный дом. Игумен Игнатий привёз из Москвы особо ценную икону русского святого Иоанна Кронштадтского, как он считал исцелившую многих, и в честь него назвал этот новый молельный дом. И вот как только послушники на пожертвования начали строительство фундамента самого храма, на территории прихода вдруг обнаружились родники с пробивающихся из-под земли семью ключами великолепнейшею чистой воды температурой около 12-ти градусов. Священники решили, что произошло чудо и освятили источники так же в честь святого праведного отца Иоанна Кронштадтского.

Но послушниками монастырь тогда так и не был достроен, поскольку митрополит Кубанский Исидор никак не хотел давать своего благословения на стройку именно в этом месте. Краснодарская епархия после шумного скандала на этой почве рассталась с игуменом Игнатием. Он возвратился в столицу, а верующие постепенно разбрелись. При временной обители остались жить всего несколько человек. В основном это брат Николай с сёстрами Еленой и Зоей вели там хозяйство, возделывали землю и держали скот. Они же потихоньку продолжали строительство на пожертвования. Тогда Епархия подумала и назначила им настоятелем отца Куприяна из города Кропоткина. Тот приезжал по воскресеньям и праздникам служить литургии. Получив антиминс от Армавирской епархии Московского Патриархата, 31 августа 1999 года они официально зарегистрировали православный приход. Все было бы хорошо, но в октябре 2003 года случилось несчастье и строившие храм сёстры трагически погибли от руки бездомного алкоголезависимого человека, которого пожалел и привёл в обитель отец Куприян. Сам он сразу же уехал, вроде как почувствовав в этом свою вину, а с июня 2004 года храм уже достраивал протоиерей Александр Черных на деньги от фонда «Вольное дело» и собранные пожертвования местных прихожан.

Сейчас в храме Святого Иоанна Кронштадского находится та самая намоленная икона с частицей облачения Иоанна, которая и привлекает много верующих с разных мест, да и просто людей, желающих излечиться от всяческих болезней или же каких-то душевных страданий.

Особо чтимые праздники (Храмовый праздник, день памяти Святого Иоанна Кронштадского) обычно всегда сопровождаются Крестным ходом с этой иконой к святым ключам – торжествующим шествием христиан во главе со священнослужителями и предстоятелями Церкви. Миряне идут за иконой с хоругвями и другими святынями. Во время пасхального шествия священнослужители так же не забывают

прочитать особые молитвы в честь Святого Иоанна Кронштадского и исполняют различные праздничные песнопения. Паломники говорят, что крестные хода проводят для того чтобы: «*утвердить веру, осветить поля и плоды земные, пути и дороги, оживить молитву. А в целом – чтобы духовно возродить весь наш край*». В нашем регионе немало мест, которые почитаются христианами, так вот здесь крестные ходы в праздники всегда совершаются при очень большом скоплении народа. Сюда прибывает довольно много верующих казаков и жителей поселений, расположенных не только по соседству с храмом.

Внутреннее убранство православного храма святого праведного Иоана Кронштадского. В центре – благодатная икона с частицей рясы самого Иоанна.

Рядом с самим храмом находится архиерейское подворье с детским духовно-просветительским центром. Там проходят реабилитацию при помощи иппотерапии (верховая езда на лошади) дети из малообеспеченных семей Усть-Лабинского благочиния, сироты и инвалиды страдающие ДЦП. Необычные лечебные процедуры и омовения в святых источниках хорошо улучшают самочувствие больных детей. На пожертвования прихожан и гостей храма верующие сейчас неплохо благоустроили всю территорию вокруг храма Иоана Кронштадского. Их стараниями на подворье разбит большой фруктовый сад, каждый год выращивается довольно много домашнего скота и птицы. В общей сложности храм и центр сейчас обслуживают 17 человек.

Около родников послушниками построена часовня культового назначения, где каждую последнюю субботу месяца служится молебен. Проезжающие мимо местные жители довольно часто останавливаются и набирают воду из холодных ключей в самой часовне или же около неё.

Часовня культового назначения в честь Иоана Кронштадского и купели храма.

Рядом с часовней послушники сделали две большие купели с проточной родниковой водой. Верующие считают, что вода в них обладает целебной силой, излечивающей не только тело, но и душу. В праздники, да и в обычные дни, в лечебных водах купальни постоянно можно встретить прибывших весьма издалека паломников. Летом возле часовни в тишине под деревьями прихожанам всегда можно хорошо отдохнуть, посидеть и просто подумать о вечном. Вообще многие люди считают поездку к этим источникам как хорошее приобщение к православным традициям.

Эпилог

На месте нынешнего хутора Братского люди когда-то тысячелетиями растили детей, умирали и возрождались в новых поколениях, создавали свои культурные и материальные ценности. Неспроста древние именно это место выбирали для жилищ. И такое благое место досталось нам, современным людям. Видимо благодаря этому существует здесь и сейчас какой-то особенный генотип местного «*кубанца*», его трудолюбие, упорство в достижении цели, отзывчивость, доброта и стремление к общности с другими людьми. Я убеждён, что в настоящее время у проживающих на хуторе Братском молодых людей такой вот духовный генотип сохраниться ещё очень долго и долго.

Ученики школы №23 хутора Братского на уроке Кубановедения в наше время.

Вот, собственно, и всё что я смог изложить из того материала, который был в наличии у меня на это время. Ещё некоторые подробностей о жизни людей на хуторе Братском в прошлые времена можно почитать в моей книге ***«Семья Апанасенко из кубанского хутора Братского»,*** в электронном виде в сети Интернет она выложена…

Список использованных материалов из краевых и районных архивов:

1. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края) Ф.1. О.1. Станичные, куренные, хуторские, аульские и волостные правления Кубанской области с 1815 по 1920 гг.
2. РГВИА Ф.14877, О.1, Д.4254. Исповедные росписи 6-й бригады Кубанского казачьего войска за 1863 г, ст. Некрасовская.
3. ГАСК Ф. 132, О. 1. Циркулярное предписание о перечислении крестьян, самовольно перешедших из одной губернии в другую.1860-1861гг.
4. ГАСК Ф. 135; О. 57, Д. 289; О. 58, Д. 479з; О. 59, Д. 332; О. 60, Д. 507; О. 62, Д. 645; О. 65, Д. 579; О. 66, Д. 671; О. 67 доп., Д. 195; О. 68, Д. 587; О. 71, Д. 1155; О. 72, Д. 1263; О. 74, Д. 1045. Ставропольская (Кавказская) духовная консистория. Кубанская область. Кавказский отдел. Клировые ведомости и метрические книги Петропавловского молитвенного дома хутора Братского Ставропольской Духовной консистории. 1886-1916 гг.
5. АОУЛРА (архив Усть-Лабинского района) Ф.331. О.1. Метрические книги церкви Петра и Павла хутора Братского. 1897-1916 гг.
6. АОУЛРА Ф.331, О.1. Метрические книги церкви Николая Угодника ст. Некрасовской Ставропольской Духовной консистории. 1876-1900 гг.
7. ГАКК Ф.330. О.55. Д.1092; Д.1751. Главное управление казачьих войск. Полные послужные списки Штаб и Обер-офицеров 25-го конного полка войска Кубанского за 1863-1869 гг. Полковник Макаров О.Т.
8. ГАКК Ф.330. О.64. Главное управление казачьих войск. Карты и планы земель казачьих войск 1770-1913 гг.
9. ГАКК Ф.574. О.1. Д.506. Об отводе участков земли в частную собственность закубанским переселенцам, чиновникам, генералам, штаб и обер-офицерам, состоящим в 6-ти бригадах и отдельных закубанских полках. С 03.05.1865 по 05.03.1869, 313 стр.
10. ГАКК Ф.574, О.1. Д.401. Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Кубанская областная чертёжная (межевая комиссия) Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар. Дело межевой части полковника Макарова Кубанской области Кавказского (с 1870 Екатеринодарского) отдела в отведённых ему юртах. Начато 24.06.1869.
11. ГАКК Ф.353. Полковое правление 1-й бригады Кубанского казачьего войска Кубанской области. Посемейные списки жителей хуторов. 1870 г.
12. ГАКК Ф.354. Полковое правление 2-й бригады Кубанского казачьего войска Кубанской области. 1-й Лабинский полк. Список способных отбывать воинскую повинность. 1876 г.
13. ГАКК Ф.738. Д.9. Управление атамана Лабинского отдела Кубанского казачьего войска. Сведения о народонаселении Лабинского отдела Кубанской области. 1888-1918 гг.

14. ГАКК Ф.740. Д.3, Д.11. Управление атамана Кавказского отдела Кубанского казачьего войска. Послужные списки старших воинских чинов управления Кавказского отдела Кубанской области, послужные списки казаков Кавказского отдела. 1891-1919 гг.
15. ГАКК Ф.742. Управление атамана Майкопского отдела Кубанского казачьего войска. Список населённых мест Майкопского отдела с 1898 г.
16. ГАКК Ф.1. О.1. Д.79. Циркуляры атамана Кавказского отдела, приговоры станичного и хуторских сборов, другие документы по выборам делегатов в Войсковую Раду. Списки избранных лиц. 1917-1918 гг.
17. ГАКК Ф.Р-1542 Кубанская Рада, г. Екатеринодар, Кубанской обл. 1918-1920 гг. 116 стр.
18. ГАКК Ф. 467. Кубанская областная комиссия по выборам в Государственную Думу. Списки избирателей и выборщиков. Баллотировочные листы. 1906-1917 гг.
19. ГАКК Ф.Р-234. О.1. Д.203. Кубано-Черноморское областное статистическое бюро Исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. Поселенные списки домохозяев станицы Братской Кавказского отдела по итогам переписи 1920 г. Стат. форма №2. 17 стр.
20. ГАКК Ф.Р-1599. Усть-Лабинское районное земельное управление исполнительного комитета районного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1924-1931 гг.
21. ГАКК Ф.Р-776. Ладожская районная комиссия по делам бывших красноармейцев и красных партизан. Личные дела и списки красных партизан по х. Братскому. 1930-1935 гг.
22. ГАКК Ф.Р-392, Р-570. Исполнительные комитеты рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих советов депутатов. Списки лиц, лишённых избирательных прав, кулацких хозяйств, раскулаченных домовладельцев. 1930-1935 гг.
23. ГАКК Ф.Р-819. О.1. Д.1, 10. Ладожская районная комиссия по рассмотрению жалоб лиц, лишённых избирательных прав. Избирательная компания 1930 года. Списки лиц, лишённых избирательных прав по Братскому с/с Усть-Лабинского района Северо-Кавказского края. Личные дела лишенцев по алфавиту. 1927-1936 гг.
24. ЦДНИКК Ф.1035. Первичная организация ВКП(б) Братского сельского Совета, Ладожский район, Краснодарский край. 1922-1945 гг.
25. ЦДНИКК Ф.1054. Первичная организация ВКП(б) колхоза "Красный Восток", Ладожский район, Краснодарский край. 1934-1939 гг.
26. АОУЛРА Ф.105, О.1. Протоколы заседаний Сельсовета хутора Братского, Ладожского района 1921-1943г.г.
27. АОУЛРА Ф. Р-68, Р-69. Колхозы им. Ленина и "Путь к коммунизму" хутора Братского Ладожского района. 1943-1950 гг.
28. АОУЛРА Ф.Р-336. Администрация Братского сельского округа, Администрация Братского хутора Усть-Лабинского района. 1992-2004 гг.

Содержание

1. Природные условия и геоморфология хутора Братского – стр.5
2. Топонимика местности – стр.14
3. Интересные материалы по истории местности хутора Братского – стр.15
4. Хуторской быт в прошлом веке – стр.47
5. Революционные события на хуторе – стр.75
6. Советское время - стр.80
7. Военные годы на хуторе - стр.139
8. Послевоенные годы - стр.171
9. Развитой социализм - стр. 181
10. Наше время - стр.201
11. Достопримечательности поселения - стр.209
12. Список использованных материалов из архивов - стр.231

ОБ АВТОРЕ

Апанасенко Вячеслав Анатольевич (1951 г.р.) – известен в Советское время как один из создателей сейсморазведочной электронной техники для поиска нефти и газа. Окончив радиотехнический институт продолжительное время занимался разработками радиоаппаратуры. Работал, главным конструктором завода - одного из ведущих в мире производителей геофизических приборов, оборудование которого поставлялось во многие страны Европы и Азии. В разное время печатался в различных технических журналах. Имеет свыше 20 научных статей и трудов, ряд изобретений, подтверждённых патентами. Был неоднократным участником ВДНХ. Получал награды и медали «Изобретатель СССР». После распада СССР в 1991 г., создал в Краснодарском крае фирму по спутниковому телевидению и интернету.

В 2000-х годах посчитал своим долгом опубликовать имеющиеся у него сведения о жизни своих непосредственных предков на Кубани. С тех пор активно занялся изучением прошлого родных ему мест. Накопив какой-то фактический материл, представляющий интерес для читателей, издал несколько книг по истории Краснодарского края.

УДК 82-94
ББК 76.08
А-2.5

Апанасенко В.А.

Кубанский хутор Братский – 2008 г.
- 235 стр. с ил.

Авторская редакция.
Печать цифровая на оборудовании ПКФ «Горизонт-сервис»
Россия, г. Краснодар, ул. Коммунаров д.296. Тел/факс: (861) 259 35 56
E-mail: gorizser@inbox.ru
Репринт с издательского макета 2012 г. 99 экз.

г. Краснодар

Немного исторических материалов собранных автором из различных источников, в центральных и местных архивах, а также интересные факты из жизни, основанные на рассказах старожилов и воспоминаниях простых людей о кубанском хуторе Братском